

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. Достоевского

Н.А. КУЗЬМИНА

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ТЕОРИЯ, ТРЕНИНГ, КОНТРОЛЬ**

Рекомендовано к изданию
Учебно-методическим объединением по образованию
в области полиграфии и книжного дела
в качестве учебного пособия для студентов вузов,
обучающихся по специальности 030901.65
«Издательское дело и редактирование»

2010

УДК 808.2
ББК 81.2Рус-3я73
К893

*Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом ОмГУ*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е.В. Лукашевич*
(Алтайский государственный университет),
кафедра русского языка
Омского государственного педагогического университета

Кузьмина, Н.А.

К893 Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль: учебное пособие / Н.А. Кузьмина. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2010. – 340 с.

ISBN 978-5-7779-1181-0

Представлен комплекс учебных, научных и методических материалов, предназначенных для изучения курса «Современный русский язык. Лексикология». Содержатся необходимые теоретические сведения по основным разделам, система тренинговых и контрольных заданий, которые могут быть использованы как для работы на практических занятиях, так и для самостоятельного изучения. Освещаются новые теоретические подходы к изучению языка (когнитивный, прагматический, лингвокультурологический). Использован языковой материал современных СМИ, наиболее полно отражающий активные процессы в лексике и фразеологии.

Для студентов очного и очно-заочного отделений филологического факультета (в первую очередь – специальностей «Издательское дело и редактирование» и «Журналистика»), преподавателей вузов, школ, лицеев.

**УДК 808.2
ББК 81.2Рус-3я73**

ISBN 978-5-7779-1181-0

© Кузьмина Н.А., 2010
© ГОУ ВПО «Омский госуниверситет
им. Ф.М. Достоевского», 2010

Содержание

Предисловие	6
Тема 1. Особенности лексической системы языка. Аспекты изучения лексики. Отрасли и разделы лексикологии	8
Контрольные вопросы	14
Задания.....	14
Литература.....	15
Тема 2. Слово как единица лексической системы языка. Понятие о внутренней форме слова	17
Контрольные вопросы	20
Задания.....	20
Литература.....	23
Тема 3. Лексическое значение слова. Значение и понятие. Способы толкования значения в словаре	24
Контрольные вопросы	26
Задания.....	27
Литература.....	30
Тема 4. Макрокомпоненты семантики слова	31
Контрольные вопросы	34
Задания.....	35
Литература.....	37
Тема 5. Микрокомпоненты семантики слова. Компонентный анализ значения	39
Контрольные вопросы	42
Задания.....	42
Литература.....	45
Тема 6. Лексическое значение слова и языковая картина мира	46
Контрольные вопросы	51
Задания.....	52
Литература.....	52
Тема 7. Лексическое значение слова в речи. Семантические изменения в лексике	54
Контрольные вопросы	54
Задания.....	54
Литература.....	60

Тема 8. Полисемия. Семантическая структура	
многозначного слова. Типы лексических значений	61
Контрольные вопросы	72
Задания	72
Литература	77
Тема 9. Лексическая омонимия	78
Контрольные вопросы	78
Задания	78
Литература	82
Тема 10. Синонимия как семантическая универсалия.	
Лексическая синонимия	83
Контрольные вопросы	89
Задания	89
Литература	97
Тема 11. Системные отношения в лексике. Парадигматика.	
Синтагматика. Деривационные (мотивационные)	
связи слов	98
Контрольные вопросы	108
Задания	108
Литература	112
Тема 12. Происхождение лексики русского языка	114
Контрольные вопросы	114
Задания	114
Литература	117
Тема 13. Лексика ограниченного употребления.	
Стилистическая дифференциация лексики	119
Контрольные вопросы	128
Задания	129
Литература	137
Тема 14. Лексический состав языка в динамическом аспекте.	
Устаревшие и новые слова	138
Контрольные вопросы	138
Задания	138
Литература	141
Тема 15. Фразеология современного русского языка	142
Контрольные вопросы	150
Задания	150
Литература	154

Тема 16. Лексикография	156
Контрольные вопросы	156
Задания.....	157
Литература.....	160
<i>Приложение 1.</i> Образец итогового теста	161
<i>Приложение 2.</i> Список терминов к экзамену по лексикологии.....	166
<i>Приложение 3.</i> Вопросы к экзамену по лексикологии	171
<i>Приложение 4.</i> План комплексного лексико-стилистического анализа текста.....	174
<i>Приложение 5.</i> Образцы текстов для комплексного лексико-стилистического анализа	175
<i>Приложение 6.</i> Литература	189
<i>Приложение 7.</i> Избранные научные статьи по лексикологии Ю.А. Бельчиков. О культурном коннотативном компоненте лексики	197
Анна Зализняк, Ирина Левонтина, Алексей Шмелев.	
Ключевые идеи русской языковой картины мира	203
В.А. Козырев, В.Д. Черняк. Типология словарей русского языка.....	222
Максим Кронгауз. Опыты воздействия на язык.....	244
Л.П. Крысин. Социальные компоненты в семантике языковых единиц.....	248
Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем	262
Б.Ю. Норман. Языковое зазеркалье.....	273
Владимир Селегей. Электронные словари и компьютерная лексикография	284
Олег Серлов. Словарь благонадежных слов.....	291
И.А. Стернин. Типология денотативных сем	295
М.Н. Эпштейн. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса)	310

Предисловие

Лексикология как учебная дисциплина является одним из наиболее сложных разделов курса «Современный русский язык», что определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, лингвистическая наука на рубеже XX–XXI вв. стремительно развивается, в сферу её интересов вовлекаются проблемы «язык и культура», «мысль и язык», «язык и личность», «язык и общество», требующие новых подходов к изучению языковых единиц и системы в целом. Из науки, некогда рассматривающей «язык в самом себе и для себя», она всё больше превращается в «расширяющуюся вселенную», причем исследование каждого её участка усложняется и претерпевает значительные изменения (Е.С. Кубрякова). В особенности это касается лексики, ибо именно слово является той центральной языковой единицей, которая непосредственно связана с внешним и внутренним миром человека. А потому традиционное системно-структурное описание лексики сегодня должно быть дополнено когнитивным, функционально-прагматическим, социолингвистическим и лингвокультурологическим аспектами. Между тем существующие учебники и учебные пособия по лексикологии не отражают полипарадигмальности современной науки. Именно поэтому мы включили в настоящее издание краткие теоретические сведения по наиболее сложным и неоднозначным темам курса.

Во-вторых, большая часть современных учебных пособий использует традиционный материал художественной речи, в первую очередь классики. Однако современным филологам (прежде всего будущим журналистам и редакторам) необходимо понимание и адекватная (не только нормативная, но и объективная) интерпретация и оценка современной языковой ситуации, которую наиболее полно отражает язык СМИ. Нельзя отрицать и того, что именно СМИ сегодня являются полем языкового эксперимента, позволяю-

щего продемонстрировать потенциальные возможности языка вообще и слова в частности.

Учебное пособие состоит из 15 тем в соответствии с требованиями Госстандарта. Каждая тема включает в себя необходимые теоретические сведения (за исключением темы «Происхождение лексики русского языка», достаточно полно и непротиворечиво представленной в учебной литературе), контрольные вопросы, практические задания и список литературы (основной и дополнительной). В качестве языкового материала привлекаются данные различных словарей (в том числе и новейших), художественной речи, печатных и электронных СМИ, разговорной речи, современной городской речи и социолектов, политической коммуникации, детского языка. При формировании упражнений используется материал, собранный студентами при выполнении курсовых и дипломных проектов.

Шесть приложений содержат образец итогового теста, список терминов по лексикологии (сгруппированных по отдельным темам), дефиниции которых необходимо знать, перечень экзаменационных вопросов, типовые задания к комплексному лексико-стилистическому анализу текста, образцы текстов для комплексного анализа с конкретными заданиями и, наконец, избранные научные статьи по лексикологии. Последнее, седьмое приложение знакомит с научными работами, которые были изданы давно, ограниченным тиражом или в местных издательствах и не представлены в библиотеках города.

Автор выражает глубокую признательность рецензентам – кафедре русского языка Омского государственного педагогического университета и доктору филологических наук, профессору Елене Васильевне Лукашевич, а также доценту кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского Ю.Д. Коваленко за работу по научному редактированию настоящего пособия.

Тема 1

Особенности лексической системы языка. Аспекты изучения лексики. Отрасли и разделы лексикологии

Лексикология (греч. *lexicos* – относящийся к слову) – раздел языкознания, изучающий словарный состав языка, лексику. Споры о том, присуща ли лексике системность, не утихали вплоть до 70-х гг. XX в. и иногда вспыхивают сейчас. Определение системы, принимаемое большинством лингвистов, звучит следующим образом: «Система – целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях» (В.М. Солнцев). Сравни также: «Система – известным образом организованная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» (А.С. Мельничук).

Общие свойства любой системы:

1) **Целостность.** Верховная роль системы в целом, не только сочленяющей отдельные участки, но и координирующей происходящие в них процессы;

2) **Сложность (дискретность).** Любая система состоит из отдельных участков (подсистем), которые в свою очередь имеют достаточно сложную внутреннюю организацию;

3) **Упорядоченность.** Обязательным является постоянное взаимодействие подсистем, в своих связях и отношениях воздействующих друг на друга.

Язык есть естественная система и в качестве таковой обладает всеми этими характеристиками. Они обнаруживаются в уровневой стратификации языка. Уровень языка – относительно автономная, хотя и взаимодействующая с другими подсистема, содержащая ограниченный набор неразложимых с точки зрения данной подсистемы единиц и правила их соединения. Сколько уровней в языке? Это предмет продолжающейся полемики. Очевидно, что уровни

соотнесены с единицами языка. Большинство ученых считают, что основных уровней четыре: фонетический, морфологический, лексический и синтаксический. Существует иерархия уровней: есть вышележащие и нижележащие уровни. Отношения между единицами смежных уровней – отношения средства-функции (конститутивно-интегративные): единицы нижележащего уровня являются средством оформления единиц вышележащего уровня, в единицах вышележащего уровня любые подчиненные единицы способны выполнять свои функции в полном объеме. Таким образом, единицы вышележащего уровня конституируются из единиц нижележащего уровня, единицы нижележащего уровня интегрируются в единицы вышележащего уровня.

Лексический уровень находится между морфологическим и синтаксическим, поэтому существует три аспекта характеристики слова: 1) единица лексического уровня с собственными особенностями; 2) комплекс морфем; 3) составная часть предложения, реализующая в нем всю полноту своих функций.

Особенности организации каждого уровня: относительная **автономность** (существование собственных законов) и **изоморфизм** (греч. *isos* – равный, *morphe* – форма) – наличие однотипных для всех уровней структурных (формальных) закономерностей. К ним относятся **четыре вида системных отношений**: **парадигматические**, **синтагматические**, **вариантные** и **отношения манифестации** (только для двусторонних единиц языка). **Парадигматические** – отношения со-противопоставления, отношения выбора. В лексике это прежде всего синонимия, антонимия. **Синтагматические** отношения – это отношения сочетаемости. Отношения **вариантности** связаны с противопоставлением языка и речи. Все единицы существуют в двух статусах: как инвариантные единицы, составляющие основу системы языка, и как их варианты, репрезентирующие эти абстрактные единицы в речи: фонема/аллофон, морфема/алломорф и т. п. В лексике: слово/ЛСВ. Инварианты – типовые абстрактные единицы в отвлечении от живого функционирования, результат научной абстракции. Варианты – психологическая реальность, непосредственно наблюдаемые и воспринимаемые факты. Наконец, существуют отношения **манифестации**, характеризующие связь плана выражения (ПВ) и плана содержания (ПС):

ПВ (форма) манифестирует ПС (смысл). Для лексики чрезвычайно важен закон асимметрии языкового знака (закон Карцевского): оставаясь на протяжении длительного времени равным самому себе, языковой знак стремится расширить или свой план выражения (формальное варьирование), или план содержания (многозначность).

Изоморфизм языковых уровней подтверждает и наличие ряда общих понятий, в частности для фонетики и лексики: *оппозиции, сильные и слабые позиции, позиции нейтрализации, дифференциальные и интегральные признаки* и т.п.

Особенности лексики как системы. Проследим, удовлетворяет ли лексика общему определению системы: 1) членится ли она на более мелкие подсистемы, которые определенным образом упорядочены (выполняется ли требование дискретности и упорядоченности), и 2) существует ли глобальная связь между всеми лексическими подсистемами (целостность)?

1) Внутри лексической системы существуют различные упорядоченные подсистемы: многозначное слово, семантические поля, лексико-семантические группы (ЛСГ), синонимические ряды, антонимические пары, оппозиции типа «исконное – заимствованное», «старое – новое», «активное – пассивное». Всё это группы слов, связанных системными отношениями парадигматики, синтагматики, вариантности. Однако системность лексики проявляется не только в наличии определенных групп слов или полей, но и в самом характере употребления слов, в их функционировании. Так, например, слова с близкими или противоположными значениями имеют сходную синтагматику (употребляются в одинаковых позициях: *верная, правильная, ложная* (мысль), *верная, неизбежная* (гибель)). Напротив, разные значения многозначного слова, как правило, употребляются в различных – дифференцирующих – контекстах: *глубокий* колодец – *глубокий* голос. Более того, была сделана попытка (И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский и др.) систематизировать всю несвободную сочетаемость слов, сведя её к нескольким десяткам *глубинных смыслов* (лексических функций). Так, *глубокая* (благодарность), *трескучий* (мороз), *проливной* (дождь), *отъявленный* (негодяй), *мертвая* (тишина), *непререкаемый* (авторитет), *грубая* (ошибка), *ослепительно* (белый), *круглый*

(дурак) – все эти сочетания реализуют семантику высшей степени проявления свойства (так называемая функция MAGN ‘очень’). Таким образом, лексическая подсистема обладает свойством дискретности и относительной упорядоченности отдельных групп слов. Рассмотрим теперь, существует ли связь между этими группами и, следовательно, выполняется ли условие целостности, необходимое для признания лексики системой.

2) Известно правило шести шагов (Ю.Н. Караулов): если представить всю лексику в виде картотеки и вытащить одну карточку, то за ней неизбежно потянется вся картотека. Нельзя найти такую пару слов в словаре, между которыми нет семантической связи. Более того, цепочка, связывающая два любых слова в словаре, никогда не включает больше шести шагов до общего элемента. Как вы полагаете, сколько шагов от *великого* до *смешного*? Афоризм утверждает: один шаг. Так ли это? Рассмотрим семантику слов по толковому словарю.

Великий – 1) превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся.

Смешной – 3) перен. нелепый, несуразный.

Значение – смысл, то, что предмет обозначает.

Нелепый – не оправданный здравым смыслом.

Итак, от *великого* до *смешного* два шага!

И так связаны любые произвольно выбранные слова в словаре. Вы можете проверить это сами. Таким образом, в лексике нет и не может быть изолированных объединений, ибо каждое слово десятками, сотнями нитей связано с другими. Процесс семантического перехода от одного слова к другому бесконечен, им охвачена вся лексика.

Однако **лексика – это система особого рода**. Она обладает следующими особенностями, отличающими её от других языковых систем (подсистем).

- Современная русская лексическая система сложилась исторически и отражает многовековой опыт народа: в ней присутствуют отдельные единицы и целые подмножества, несущие на себе следы прежних ступеней развития языка, таким образом, в самой системе заложены свойства соположенности единиц, различных по своим индивидуальным генетическим (хронологическим) характеристикам, а также по стилистической окраске: ср. *сударь, гражданин, господин, товарищ, коллега, дяденька, братан*.

- Лексическая система состоит из отдельных участков (подсистем) – семантических полей, лексико-семантических групп, синонимических рядов и проч., взаимодействующих друг с другом, но существующих под эгидой системы в целом и подчиняющихся её законам. Эти участки сами имеют некую внутреннюю организацию.

- Лексическая система является *открытой*, эта открытость различна для различных участков: одни из них сравнительно легко принимают новации, другие почти строго консервативны. Лексический состав языка *подвижен* – мы не можем ответить на вопрос, сколько слов в языке на тот или иной момент. Какие-то слова постоянно (в этот самый момент) входят в систему, причем не всегда можно сказать, было ли употребление какого-то нового слова однократным, индивидуальным или же это уже факт системы. Не всегда можно ответить на вопрос, является ли какое-то слово устаревшим или же оно не входит даже в пассивный запас (*зеленная лавка, тачать сапоги, дом призрения*). В лексическом составе языка принципиально невозможно провести жесткую границу между тем, что относится к современному его пласту, и тем, что ему не принадлежит. Лексика представляет собой наиболее *проницаемую* область языка.

- При вхождении новаций в тот или иной участок системы в нем происходят определенные изменения, новая единица не просто включается в этот участок: её присутствие влияет на соотношение и качество ближайших единиц (изменяются синонимические, антонимические связи, мотивационные отношения). Ср. изменения в кругу современных на-

именований мужчин: *товарищ* ↔ *господин* (вспомним судебные иски на заре перестройки по поводу того, что кого-то «обозвали» товарищем).

Все эти особенности лексики связаны с одним глобальным её отличием от других языковых уровней: **лексика – единственная из подсистем языка, непосредственно связанная с реальной действительностью**. Изменился социальный строй – разве количество фонем или суффиксов отреагирует на это? А вот словарный состав отреагирует быстро.

В этом и состоит уникальность лексики как подсистемы языка.

Можно сказать также, что в этой подсистеме чрезвычайно сильны **асистемные** (центробежные) **тенденции**. Они связаны

- с потенциальными возможностями самой языковой системы, с оппозицией языка/речи. Приведем в качестве примера феномен потенциальных слов – слов, «которых нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» (Г.О. Винокур): **китиха, жирафиха, бегемотиха, страусиха; *звонитель, повторятель, спрашиватель, отвечающий; *кавычолог, скобист, запятист, тирешник* (‘специалист по пунктуации’).

- с подвижностью семантики слова, эффектом неопределенности лексического значения, размытости периферии, способностью слова передавать не только системные смыслы (закрепленные в словаре), но и индивидуальные, личностные.

- с воздействием социальных факторов. Рождается импульс – общественная потребность – и язык (в особенности самый его подвижный слой – лексика) реагирует на нее мгновенно. Импульс идет извне, от потребностей общества. Но технические средства реализации дает собственно язык. Родившись, слово вырастает в системные отношения с другими словами, т. е. система автоматически настраивается в соответствии с её внутренними возможностями (ср. группу *слов PR – специалист по связям с общественностью*).

- с «памятью» языка – сохранением реликтов предшествующего этапа. Устаревшие слова и значения хотя и утрачивают активность, некоторое время сохраняются в словаре и могут возрождаться, пусть и с несколько измененным значе-

нием (ср. историю слов *губернатор, парламент, дума* и под.). В этом – преемственность, консерватизм языка.

Всё в целом делает языковую систему не застывшей геометрической конструкцией, так милой ленивому уму, но живым, сложным эволюционирующим образованием.

Контрольные вопросы

1. Используя знания по курсу «Введение в языкознание», дайте определение языковой системы и её свойств: *упорядоченности, целостности, дискретности и иерархичности*. Какие уровни (подсистемы) выделяются внутри языка как системы систем?

2. В чем специфика лексики как особого уровня языка? С чем связаны её особенности? Является ли лексика системой? Как взаимодействуют системные и асистемные тенденции в лексике?

3. Назовите предмет и задачи лексикологии. Охарактеризуйте два основных аспекта её изучения – системно-семасиологический и социолингвистический.

4. Расскажите об основных разделах лексикологии. Что изучает лексикология и семасиология? Чем различаются семасиологический и ономасиологический подходы к слову? Каковы задачи общей, частной, сопоставительной, прикладной лексикологии? Что изучают описательная (синхроническая) и историческая (диахроническая) лексикология? Какие смежные науки привлекаются при описании лексики?

Задания

1. Система языка не является слепой копией окружающего мира. В ней есть «белые пятна», лакуны – участки действительности, не имеющие собственного обозначения. Например, все пальцы на руках имеют названия (большой, указательный, средний, безымянный, мизинец). А пальцы ног? Может, только мизинец и большой! Есть слово *каток*, но нет обозначения для полоски льда на асфальте, по которой зимой катаются дети; есть слово *молодожены*, но нет слова для обозначения супругов, уже имеющих стаж семейной жизни. Почему так происходит? Проследите лакунарность на материале слов, называющих человека по свойствам характера и

темперамента: веселый человек – *весельчак*, смелый – *смельчак*, злой – *злодей*, счастливый – *счастливчик*. Продолжите этот ряд. Какие понятия лакунарны, не обозначены отдельными словами?

2. Некоторые слова устаревают, уходят из языка, на их месте в системе остаются лакуны. С помощью исторического словаря или словаря Даля установите, какое понятие обозначали слова *вуй*, *стрый*, *ятровь*. Какие из известных вам терминов родства находятся на пути к устареванию?

3. Другая иллюстрация расхождения языка и реальности – слова-фантомы. Самый простой пример – *русалка*, *бука*, *домовой*, *упырь* и прочая нечисть. А почему стало фантомом слово *флогистон*? Попробуйте привести свои примеры (обратитесь хотя бы к детской литературе или к научной фантастике!).

4. Один из типов слов-фантомов, выделяемых учеными, футурологизмы (*futurologism*, буквально – «будесловие») – новые слова, которые обозначают ещё не существующие, но возможные явления. Некоторые из них впоследствии обрели свои реалии и вошли в широкое употребление, как, например, *робот* (изобретенный братьями Чапеками) или *киберпанк*, придуманное американским фантастом Уильямом Гибсоном в 1984 г. Включите фантазию – попробуйте создать свои футурологизмы.

Литература

Основная

1. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. § 1–7.
2. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989. Гл. 1.
3. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник / под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб., 1999. Разд. «Лексикология». § 2.
4. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. § 1–2.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (см. статьи: *Лексика*, *Лексикология*).
6. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. С. 12–33 (см. приложение 7).

7. *Эпштейн М.Н.* Типы новых слов. Опыт классификации (см. приложение 7).

Дополнительная

1. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990. С. 23–27, 55–66.

2. *Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры в свете диалектического материализма // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия. М., 1981. С. 76–79.

3. *Шведова Н.Ю.* Лексическая система и её отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Языковая система и её функционирование. М., 1988. С. 152–166. Или: *Шведова Н.Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. М., 1999. № 1 (разд. «Лексика как система»). С. 3–16.

4. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

Тема 2

Слово как единица лексической системы языка. Понятие о внутренней форме слова

Одним из двух главных парадоксов лингвистики В.В. Одинцов назвал вопрос о том, что такое слово. С одной стороны, многие ученые (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий) считают слово основной единицей языка, «фокусом, в котором отражаются все важнейшие свойства языка» (В.В. Виноградов), с другой – крайне трудно дать единое определение слову, выработать общепринятое его понимание. Существует более 70 определений слова, все они по сути своей верны, однако ни одно не исчерпывает всех признаков слова как основной единицы языка и ни под одно из них не подходят все типы слов – знаменательные и служебные.

Определение слова возможно, если мы будем учитывать **три обстоятельства**, имеющих общеметодологическое значение.

1) Признание отсутствия четких разграничительных линий между фактами языка, наличие промежуточных, переходных случаев, синкретичных феноменов. Есть явления пограничные между словом и морфемой, словом и словосочетанием. Неоднороден сам класс слов: существуют слова знаменательные и служебные, при этом необходимо принять тот факт, что служебные слова всегда будут удовлетворять только части тех признаков, которые имеют знаменательные.

2) Слово в языке и слово в речи (в реализации, в функционировании) имеет разный набор признаков и разный их объем. В речи у слова могут появляться индивидуальные особенности и в ПВ и в ПС (в ПВ – акцент, шепелявость, неправильное ударение, орфографические ошибки, в ПС – индивидуальное варьирование семантики, не отраженное ни в одном словаре). Но всё это не разрушает семантической идентичности слова и его самостоятельности. Ведь даже *карова* опознается при проверке как ошибочный вариант слова *корова*, т. е. слово сохраняет свою идентичность.

3) Существенным для выделения слова является фактор системности. Слова образуют лексические системы – синонимические, антонимические и проч. Поэтому, решая вопрос о конкретных явлениях, мы должны принимать во внимание то, как это проявляется в других единицах той же системы, т. е. насколько это индивидуально или же системно закреплено.

И все же какое определение слова можно было бы предложить? Попробуем использовать следующую логику: любая единица языка может быть охарактеризована с точки зрения *плана выражения* (ПВ), *плана содержания* (ПС) и *функции*.

• **ПВ.** Лексика – ярус языковой системы, который находится между морфемикой и синтаксисом, и в соответствии с законами строения системы слово связано с выше- и нижележащими единицами отношениями средства-функции. Морфемы – средство для построения слов, слово – комплекс морфем, отличающийся от них свой *выделимостью*, обусловленной самостоятельностью значения. С предложением слово связано функционально: одна из важнейших функций слова – функция члена предложения, в этом качестве слово участвует в построении высказывания, внося в него свой смысл. Главное структурное отличие слова от синтаксических единиц – *цельнооформленность* (в отличие от словосочетания). Вот эти два качества – цельнооформленность и выделяемость – отличают слово от единиц смежных уровней. ПВ слова обозначается термином **лексема**.

• **ПС.** Специфика слова в плане содержания описывается через предложенный М.В. Пановым критерий *идиоматичности* – невыводимости значения слова из суммы значений его частей, нетождественности значения и внутренней формы слова. Внутренняя форма слова – признак номинации, выражаемый словом и входящий в структуру лексического значения в качестве особого компонента. Для производных слов критерий идиоматичности продемонстрировать несложно: *писатель* – не любой человек, который умеет писать, а лишь тот, кто делает это профессионально, равно как и *водителем* нельзя назвать человека, который *ведет* ребенка в детский сад. Но есть и непроизводные слова. Как эта особенность интерпретируется в приложении к ним? М.В. Панов:

«Фразеологичность, индивидуальность, «особливость» слова обусловлена номинативной функцией, ему присущей». Это уникальность семантики слова, его неповторимая «привязка» именно к этому комплексу морфем. Значение слова целостно и уникально, оно существует только в единстве с внешним оформлением. ПС слова обозначается термином **семема** (то же, что *значение*).

• Основная функция слова – **номинативная**. Именно номинативная функция делает слово важнейшим элементом языка как когнитивной (мыслеобразующей, познавательной) системы. Если явление названо, значит, в нашем сознании оно выделено из совокупности других явлений и имеет сложившийся образ (ср. присвоение имени ребенку, смену имени при пострижении в монахи). Всякое слово, будучи употреблено в речи, обозначает одновременно отдельный уникальный объект (*референт*), типизированное представление о некотором классе объектов (*денотат*) и отличительные признаки класса – понятие (*сигнификат*). Эта обобщающая функция слова превосходно отражена в стихотворении М. Цветаевой «Стол», где стол – и уникальный объект с его отличительными признаками, и предмет мебели, и любое место, на котором можно писать (*наколенный стол*):

Тридцатая годовщина
Союза – держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы –
Малейшую из зазубрин!
(*Зубами*, коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был – стол...

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый, всякий
Лишь бы не на трех ногах.

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тезка – *тот!*
Бильярдный, базарный – всякий –
Лишь бы не сдавал высот
Заветных...

А паперть? А край колодца?
А старой могилы – пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: – *Даст*.

Бог! Есть Бог! Поэт – устроичив:
Всё – стол ему, Всё – престол!
Но лучше всего, всех стойче –
Ты, – мой наколенный стол!

Вот эти три критерия, характеризующие слово как единицу лексического уровня и языковой системы в целом, были положены в основу определения Д.Н. Шмелева: «Слово – это единица номинации, характеризующаяся в ПВ цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью в ПС». Формула

слова: $\frac{\text{Лексема}}{\text{Семема}}$.

Контрольные вопросы

1. Почему определение слова называют одним из главных парадоксов лингвистики? В чем специфика слова как знака (с точки зрения соотношения плана содержания и плана выражения)?

2. Дайте определение слова с точки зрения плана выражения (фонетической и грамматической оформленности), плана содержания и функции. Что такое идиоматичность семантики слова?

3. Что такое внутренняя форма слова? Как различается ВФ в синхронии и диахронии? Как ВФ слова соотносится с его значением?

Задания

1. Определите, сколько слов в предложении: *Достань-ка мне самый большой кубик из-под шкафа*. Подумайте, возможно ли однозначное решение этого вопроса. Какие типы слов можно продемонстрировать на примере этих предложений?

2. Можно ли считать словами следующие единицы языка? Есть ли какая-то закономерность в порядке их следования?

А) Заговоры, заклинания, считалки типа *эне, бене, рес, квинтер, финтер, жес* или, как в песне ведьм из произведения В. Хлебникова «Ночь в Галиции»: *Ла-ла сов! Ли-ли соб! Жун-жан-соб-леле*.

В) Образования типа знаменитого примера Л.В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*.

С) Окказионализмы художественной речи типа *мритва, весничий, мразнеги, крыльишкуня* (Хлебников), *обсидиане, луночь, саночь, гробоконалех* (Л. Мартынов) и т. п.

Д) Так называемые агнонимы – слова, значение которых вам неизвестно: *триггер, каулифлория, траниш, верже, аттенюатор, дезавуировать; кичка, пажить.*

3. Определите идиоматичные компоненты семантики следующих слов: *подснежник, буквоед, желтуха, водолазка, глухарь, вечерник*? Какие узусальные лексические значения имеют эти слова и какие потенциальные значения им могут быть приписаны с учетом семантики морфем?

4. Что общего с точки зрения внутренней формы в словах *чернила, белье, розовый, сиреневый*? Чем отличается пара слов *чернила* и *белье* от пары *розовый* и *сиреневый*?

5. Даны слова, обозначающие сходные по функции или даже одинаковые предметы. Объясните, какой признак положен в основу каждого из них. Какие из слов обладают живой внутренней формой? В каких словах внутренняя форма уже практически неощутима? При необходимости обратитесь к этимологическому словарю.

Перчатки – варежки – рукавицы – верхонки (обл.); зарплата – получка – жалованье – оклад; частокол – плетень – забор – ограда.

6. С помощью этимологического словаря определите внутреннюю форму у следующих русских слов. Как она соотносится с их значением (словарным толкованием)?

Слетни, местоимение, подонок, недоумевать, навоз, остоленеть, понедельник, воскресенье, коляска, никчёмный (примеры взяты из: Б.Ю. Норман. Теория языка. Вводный курс. М., 2004).

7. Выявите: а) случаи актуализации внутренней формы слова; б) случаи ложной этимологии. Определите функции таких слов в тексте.

1) «Судьба» и «суд» – слова однокоренные, но окончательный приговор всегда выносит биография («НГ», 2001).

2) Профессионально двигаем недвижимое (слоган агентства недвижимости).

3) Патриарху танца на днях стукнуло 100 лет. А как держится и даже фужер с шампанским держит! («КП», 2006).

4) Привычно ориентируясь на среднестатистического студента, мы по сути ориентируемся на среднего специалиста... Но гораздо хуже, когда незаурядный человек после пяти лет учебы осредняется («КП», 2006).

5) «Славянская»: вода не водка (заголовок газетной статьи о скрытой рекламе водки).

6) Службу безопасности Украины заинтересовал лозунг, размещенный на билбордах в Кировограде: «Окраина! Помни имя свое!», посчитав его издевательством над патриотическими чувствами украинцев и унижением официального названия государства (2009).

7) Участковый – от слова «участие» («АиФ», 2001).

8) К сожалению, ментальность современных «ментов» оставляет желать лучшего («МК», 2006).

9) Примеры из детской речи: А жена барана – баранка? В духовной семинарии они там учатся на духовых инструментах? Перепелка – она всех перепевает? Где у тебя письменная бумага, на которой ты письма пишешь? (Примеры взяты из: Т.А. Гридина. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. Екатеринбург, 2005).

8. Найдите примеры актуализации внутренней формы слова в современных газетах (3–5 примеров). Оцените их с точки зрения функций и успешности данного приема.

9. Объясните, как возникают в детской речи такие названия, как *дырявчик* (буравчик), *больмашина* (бормашина), *ветролет* (вертолет), *пузов* (кузов), *клейкопластырь* (лейкопластырь)? Каков психологический механизм появления подобных номинаций?

10. На чем основана языковая игра в следующих случаях?

Драпировка – отступление войск (А. Кнышев), *замо-рыш* – иностранец (М. Задорнов), *экстаз* – таз, пришедший в негодность (В. Набоков), *я не формалистка, я содержанка* (В. Ардов), *язычник* – лингвист, *шумовка* – вечеринка, *гуляш* – неверный муж, *папье-маше* – родители (Б. Норман). Попробуйте придумать свои примеры.

Литература

Основная

1. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. § 1, 7, 19.
2. *Кузнецова Э.В.* Лексикология современного русского языка. М., 1989. Гл. 2. § 1–2. С. 15–18.
3. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1977.
4. *Одинцов В.В.* Лингвистические парадоксы. М., 1988. С. 78–86.
5. *Варина В.Г.* Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 233–244.

Дополнительная

1. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990. С. 39 и след.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972. § 5.
3. *Левковская К.А.* Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962. § 20, 23–24.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (см. статью: *Слово*).
5. Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984 (см.: статью *Слово*).

Тема 3

Лексическое значение слова. Значение и понятие. Способы толкования значения в словаре

Значение – объект особой науки, семантики (семасиологии), изучающей содержание (ПС) единиц языка и тех речевых произведений, которые из этих единиц строятся. Существует лексическое и грамматическое значение слова: **грамматическое** – это обобщенное значение больших классов слов – частей речи (семантика предметности у существительного, признаковости у прилагательного, числа у числительного и т. п.), **лексическое** – индивидуальное значение конкретной лексической единицы. Слова *небо, космонавт, мужество, синоним* имеют одинаковое грамматическое и разные лексические значения. Различают значение в языке и значение в речи (последнее обозначается термином *смысл* или *актуальный смысл*). Значение закреплено в словаре, не зависит от личности и объединяет всех носителей языка (в лингвистике есть понятие **средний носитель языка**), оно сравнительно устойчиво во времени. Значение – отображение в сознании предмета или явления реального мира, отстоявшееся в виде понятия и входящее в структуру слова в качестве его внутренней стороны, по отношению к которой звуковая оболочка является внешней стороной (А.И. Смирницкий). **Смысл (речевой, актуальный смысл)** связан непосредственно с типом индивидуумом, конкретным говорящим – он содержит ассоциации, коннотации, субъективные оттенки, изменчивые во времени и варьирующие от субъекта к субъекту. (Сравни вполне корректный вопрос к политику, например: «Какой смысл вы вкладываете в это слово?»).

Значение слова зависит от **экстралингвистических** и **внутрилингвистических** факторов. Экстралингвистические (внеязыковые) – связь лексического значения с явлением реальной действительности (денотатом) и с понятием (сигнификатом); внутриязыко-

вые – отношения, которые существуют между словами как единицами одной системы.

Денотат – предмет (в широком смысле), реалья, названная словом: это и вещь, и человек, и свойство – т. е. любой «кусочек действительности», *все то, что может быть обозначено словом*. Классы денотатов различаются *по объему* и *по степени осязаемости границ*: предметная (идентифицирующая) лексика представлена **жесткими** классами денотатов, абстрактная – **диффузными**. Ср. лексико-семантические группы «мебель», «транспорт», «одежда» в противоположность моральным категориям (Граница между *умным* и *глупым*, *совестливым* и *бессовестным* часто зависит от точки зрения, в отличие от разницы между столом и стулом, шляпой и фуражкой). Предельно общий класс денотатов – местоимения. Таким образом, денотат – это типизированное представление о классе объектов. Отдельный, конкретный объект (**референт**) может быть обозначен только в речи – не в языке. В предложении *Дай мне тетрадь, что лежит на столе* имеется в виду референт – вот этот конкретный стол, на котором, к сожалению, написаны какие-то «афонаризмы», и конкретная тетрадь по лексикологии студентки Н. В русском языке нет специализированных грамматических средств выражения категории определенности (ср. английские артикли the, this). Особый тип денотатов – фантомы (вымышленные, мнимые денотаты).

Сигнификат, или понятие, важнейшая категория не только лингвистики, но и логики, причем в разных философских концепциях значение и понятие то сближаются вплоть до отождествления, то разводятся вплоть до противопоставления.

Русская лингвистическая традиция (А.А. Потебня, Л.В. Щерба) разграничивает понятия *научные* и *наивные*. Научные понятия охватывают всю совокупность знаний человека о данном предмете и отражаются в энциклопедических словарях, это своего рода итог научного познания объекта на определенном этапе развития науки и общества. Наивные понятия – опознавательные признаки реалий, то, что лежит на поверхности и воспринимается в качестве различительных признаков средним носителем языка. *Наивные понятия лежат в основе значений*. Значение – «упрощенное понятие» (В.М. Солнцев), «наивное понятие о вещи» (Ю.Д. Апресян), бытовое знание, т. е. то, что человеку необходимо знать о предмете для

повседневной практической деятельности, тот минимум опознавательных признаков, который нужен для того, чтобы язык мог выполнять свою социальную функцию.

Понятия выработаны познанием человека далеко не для всех объектов действительности, обозначаемых с помощью слов. Ср. незначительные слова: междометия, предлоги, союзы, частицы. Особо – имя собственное (вопрос о том, соотносится ли оно с понятием, до сих пор дискутируется). А **значение имеют все слова**: «слово, лишенное значения, не есть слово, оно есть звук пустой, следовательно, значение есть необходимый, конституирующий признак самого слова» (Л.С. Выготский).

Существенная особенность понятий – их **подвижность, размытость**: они имеют четкое ядро и нечеткую периферию. Поэтому-то слово оказывается «растяжимо для новых откровений мысли» (А. Потебня): сравните толкование таких слов, как *акция, капитал, коммунист, партия* в толковых словарях советской эпохи и современных. Слово – стабильная, устойчивая и в то же время способная изменяться система, это отвечает задачам коммуникации.

Внутриязыковые факторы, определяющие значение слова, – его системные связи: парадигматические и синтагматические. Так, значение слов *перочинный, заклятый, топорный, проливной* требует обращения к синтагматике – их постоянной сочетаемости со словами *нож, враг, работа, дождь*. Объем значения русского слова *рука* равен сумме значений двух английских *arm + hand*. Английское *you* = русскому *ты + вы*. Появление новых слов приводит к перераспределению семантического пространства и изменению значения уже существующих слов: *убийца – киллер, парикмахер – визажист – стилист*.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные факторы, определяющие лексическое значение слова.
2. Определите разницу между лексическим и грамматическим значением слова.
3. Как в лингвистике решается вопрос о соотношении значения и понятия?

Задания

1. Слово *очки* в ТСО определяется так: «Оптический прибор из двух линз или стекол, держащихся на дужках или вмонтированных в прилегающую к лицу полумаску». Большая советская энциклопедия дает следующее толкование: «Самый распространенный из оптических приборов, предназначенных для улучшения человеческого зрения и помощи ему при оптических несовершенствах глаза (корректирующие очки) либо для защиты глаз от различных вредных воздействий (защитные очки). Первые достоверные сведения о применении очков относятся к 13 в. ...». Основываясь на этих данных, а также на значениях других близких по смыслу слов *пенсне, монокль, контактная линза, дупа, микроскоп, лорнет* и т. п., покажите, что значение слова зависит от а) предмета; б) понятия о предмете; в) соотношения значения данного слова к значениям других слов (распределения смысла между словами). (Задание из: Б.Ю. Норман. «Сборник задач по введению в языкознание». Минск, 1989.)

2. Определите лексическое значение слов с точки зрения их отношения к **сигнификату**: а) *красный, стучат, знамя, горячо*; б) *ах, боже мой, ох, тс-с-с, угу*; в) *в, от, за, и, лишьь*; г) *Марья Алексеевна, Игорь, Омск, «Вечерний Омск» (название газеты)*; д) *я, ты, этот*; к **денотату**: *мюзики, дурак, или, тот, Евгений Онегин, Людовик XXI*.

3. Как изменились с точки зрения связи с понятием значения слов языка современной моды: *капри, бермуды, фигаро, макинтош, шанель* (женский костюм), *ливайс* (по имени американского предпринимателя Ливайса), *кардиган* (по имени лорда Кардигана, который имел обыкновение поверх обычного камзола надевать другой, поношенный камзол).

4. В современных печатных СМИ мы нередко встречаем такие словоупотребления: *второй Чернобыль, новый «Курск»* (о плачевном состоянии российского подводного флота), *сплошная Санта-Барбара* (о сентиментальной истории).

Как изменяется в этом случае лексическое значение таких слов с точки зрения соотношения с обозначаемым предметом (денотатом) и понятием (сигнификатом)? Приведите свои примеры из

современных газет. Насколько выразителен этот прием и какие функции он выполняет?

5. Как вы думаете, почему газеты «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец» сохранили свое название уже после того, как комсомольское движение ушло в прошлое? Какое свойство семантики слов сделало это возможным?

6. Интересный пример приводит М.В. Панов в экспериментальном учебнике для школы: «В этом году Вова Бутузов был на многих спортивных соревнованиях. Когда его любимая команда играла в хоккей и наступала на ворота противника, он кричал: «Шайбу! Шайбу!». Ходил Вова и на футбол. Там тоже в самые напряженные моменты игры болельщики кричали: «Шайбу! Шайбу!». И даже на состязаниях по борьбе, когда казалось, что один борец положит на лопатки другого, раздавались возгласы: «Шайбу! Шайбу!». Как же так, ведь в этих видах соревнований нет никакой шайбы? Что же происходит со словом? Денотатом? Понятием?

Можно ли кричать «Шайбу!», если соревнуются команды КВН или эрудиты в популярной игре «Что? Где? Когда?»?

7. Толкование лексического значения в толковом словаре (словарная дефиниция) должно удовлетворять следующим требованиям:

- ✓ быть ясным и лаконичным;
- ✓ включать родовые и видовые признаки данного понятия (родовые признаки позволяют отождествить объект с ему подобными, видовые – выделить его из ряда подобных);
- ✓ устанавливать существенные (а не случайные) признаки предмета.

Какие из перечисленных признаков, на ваш взгляд, должны быть включены в словарную дефиницию слова *волк*: ‘животное’, ‘хищное’, ‘обитающее в лесу’, ‘опасное’, ‘обычно серой окраски’, ‘с острыми зубами’, ‘похожий на собаку’, ‘злой’, ‘голодный’, ‘одинокий’, ‘им пугают детей’, ‘герой русских сказок»?

Проверьте себя по толковым словарям (включая Словарь Даля). Если ни одно из определений вас не удовлетворяет, попробуйте сами его улучшить.

8. Существует несколько типов толкования значений в словарях:

- ✓ *описательный* (через перечисление существенных признаков понятия о предмете),
- ✓ *синонимический* (через синонимы),
- ✓ *описательно-синонимический* (комбинирующий оба перечисленных способа),
- ✓ *словообразовательный* (через внутреннюю форму), используемый при толковании производных слов через отсылку к производящему (например: *кухонный* – относящийся к *кухне*; *чтение* – действие по глаголу *читать*),
- ✓ *отсылочный* (*врываться* – см. *ворваться*),
- ✓ *идентифицирующий* (*временами* – то же, что *иногда*).

Определите способ толкования значений слов в приведенных ниже словарных статьях МАС.

Во'льность. 1. *Устар.* Свобода, независимость. 2. Неприязнь, фамильярность в поведении; развязность, нескромность.

Индиви'д. *Книжн.* То же, что *индивидуум*.

Индивидуали'ст. Тот, кто проявляет индивидуализм в образе мыслей, в поступках.

Дифто'нг. *Лингв.* Сочетание двух гласных звуков, произносимых в один слог; двугласный.

Гу'ще см. густо, густой.

Жа'рко. 1. *Наречие* к жаркий (в 1, 2 и 3 знач.). 2. *безлич. в знач. сказ.* О высокой температуре воздуха.

Ра'зум. 1. Познавательная деятельность человека, способность логически и творчески мыслить. 2. Ум, интеллект; рассудок.

Пове'рхностно. *Нареч.* к поверхностный.

Кристалли'чный. То же, что *кристаллический*.

Крича'ть. 6. *перен.* Привлекать к себе внимание, будучи слишком ярким, заметным, бросающимся в глаза.

Кро'ткий. Незлобивый, уступчивый, покорный.

Объездно'й. 1. Такой, по которому объезжают; околесный.

Приведите по два своих примера на каждый тип толкования по любому толковому словарю.

9. Проанализируйте различные типы кроссвордов. Помните, что хорошее толкование является точной синонимической перифразой к слову и искомое слово угадывается однозначно. Как (какими способами) в современных кроссвордах толкуется слово? Приведите примеры удачных и неудачных, на ваш взгляд, определенных слов.

10. По толкованию определите слово русского языка. Искомое слово относится к той же части речи, что и ключевое слово в толковании. Помните, что в некоторых случаях надо выбирать одно из нескольких сходных слов.

‘Посмотреть назад, повернув только голову’, ‘испортившись, приобрести горький вкус’, ‘человек, сам действующий по собственной прихоти и заставляющий так действовать других людей, не считаясь с их желаниями и интересами’, ‘склонность к отрицательной самооценке и постоянному, как правило, незаслуженному недовольству собой’.

Литература

Основная

1. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексикология. М., 1977. § 20–22.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. § 5.
3. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. § 7.

Дополнительная

1. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003. С. 22–25.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987. С. 86–102.
3. Левковская К.А. Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962. § 20. С. 23–24.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. § 11, 25, 26. С. 85–102.
5. Норман Б.Ю. Теория языка. М., 2004. С. 173–178.

Тема 4

Макрокомпоненты семантики слова

В современной теоретической семантике значение слова рассматривается как многомерная структура, в которой выделяется несколько слоев смысла, или **макрокомпонентов** (по мнению Ю.Д. Апресяна, до пяти). Два основных макрокомпонента (зоны) семантики слова: **когнитивный** (денотативный + сигнификативный) и **прагматический** (объединяющий *всю информацию, связанную с говорящим*). Поскольку в предыдущей лекции мы рассмотрели особенности когнитивного макрокомпонента, обратимся теперь к прагматическому.

Прагматический компонент можно определить как сумму **коннотаций** (созначений, добавочных к когнитивному) – социальных, культурных, исторических, этических, эмотивных, экспрессивных – сопутствующих лексическому значению и частично входящих в его структуру, которые в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, статусах собеседников и т. д. Две основные составляющие коннотации – **оценочность** (заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика объекта) и **эмоциональность** (выражение чувств говорящего по отношению к объекту, обозначенному словом). Обычно оценочность и эмоциональность сопутствуют друг другу (в слове выражается эмоциональная оценка), но не всегда.

Сравним пары слов: *любовь* ↔ *голубка*; *невежда* ↔ *чурбан* (перен.); *вор* ↔ *ворюга*. Слова *любовь*, *невежда*, *вор* обозначают **понятие** об объекте, но не выражают **отношение** субъекта к нему. Здесь мы имеем дело с рациональной (интеллектуальной) оценкой – частью когнитивного макрокомпонента (МК). Ведущим в значении слова является описание некоторого класса или признака денотатов самого по себе, хотя ценностная природа этого класса такова, что непременно вызывает единообразные эмоции и оценки: *герой*,

мастер, исследователь, разведчик, вор, преступник, изменник, защищать, преследовать, остроумный, вежливый, тупой, грубый и т. п. (М.В. Никитин). В семантике слов другой категории доминирует эмоциональная оценка, которая включена в прагматический (коннотативный) МК: *голубчик, милый, дорогой, дурак, болван, тупица, негодяй, мерзавец, дрянь, барахло, чепуха, вздор, ерунда, свинство, ничего, здорово*. Что отличает эти слова от слов первой группы? Для слова *предатель* существует некоторая дефиниция ‘тот, кто перешел на сторону врага, нарушил верность кому-, чему-нибудь’, и, называя так кого-то, мы доказываем, что этот человек действительно совершил указанные поступки. Если же мы называем кого-то *мерзавцем* и *дураком*, то главное вовсе не то, что обозначается словом, а выражение некоторого субъективного эмоционально-оценочного отношения к объекту. Невозможно назвать понятия признаки «класса мерзавцев», да и границы такого класса весьма неопределенны и растяжимы, что и отличает эти слова от рассмотренной выше группы. Ряды таких слов особенно активно пополняются в разговорной речи и сленге: *балдеть, кайф, нагружать, клёвый, крутой, потрясный, обалденный* и т. п. По наблюдению М.В. Никитина, «интеллектуальный компонент в таких словах... беден и угнетен... Прагматическая инфляция приводит слово к когнитивному параличу».

Назовем другие компоненты прагматической зоны лексической семантики.

✓ **Стилистическая информация** – информация об употреблении слова, о типе контекстов, в которых оно возможно: *башиковитый, звездануть, кляча ↔ ланиты, внемли, инвестор, менеджмент, демаркация*. (Первые требуют включения в контекст разговорной речи, вторые – в книжные или специальные тексты). Эта информация тесно переплетена с коннотацией.

✓ **Образность** (образный компонент семантики). Образ, согласно толковому словарю, «обобщенное чувственно-наглядное представление предмета» (конкретность, картинность, наглядность, обобщенность). Три ряда слов (по Н.А. Лукьяновой) могут претендовать на то, чтобы называться образными:

1) *Дом, сад, береза, сидеть* (слова с конкретно-предметной семантикой). Здесь у каждого человека есть своя

картинка дома или березы, но она сугубо индивидуальна. Отсутствует «эталон образа», нет обобщенности картинki. Это лишь элементарное обобщение, включающее 1–2 признака, «почка», из которой образ разворачивается по требованию обстоятельств. Это **потенциально образные слова**.

2) *Подберезовик, черника, разбежаться* (производные, словообразовательно мотивированные слова, соотнесенные с производящими). Производящее здесь обеспечивает некоторую общность картинki у разных носителей языка, но сама картинка обладает разной степенью наглядности и красочности. Это **полуобразные слова**.

3) *Раздраконить, пропесочить, отфутболить, солнышко, осел* (о человеке) и т. п. семантически мотивированные слова, где **образ – не средство, а цель**, то главное, ради чего возникает имя. Это коллективное наглядное представление говорящих об объекте, причем без ссылки на образ невозможно описать семантику слов *раздраконить* или *бегемот*. Это «совмещенное видение двух картин» (В.Г. Гак). Именно в этом случае слово можно назвать **образным**.

Итак, **словесный образ** – это целостное наглядное представление, связанное со словом, в принципе общее для данного говорящего коллектива, входящее в содержание слова в качестве его семантического компонента и имеющее целью своего употребления выражение эмоциональной характеристики данного объекта и эмоционального отношения к нему субъекта (Н.А. Лукьянова). Тогда так называемые стершиеся метафоры типа *нос* (корабля) или (стальная) *игла* необразны, так как не выражают характеристики объекта.

✓ **Статусы говорящего и адресата** (социальная информация, социальный компонент) также закреплены в значениях некоторых слов. Ср. *начальник/ подчиненный, преподаватель/ студент, директор, мусорщик, главарь, предводитель, помещик, губернатор*.

Некоторые ученые считают, что следует выделять ещё больше компонентов внутри прагматической зоны, поскольку слово способно передавать и **гендерную** информацию (*дуэлянт*, переносные значения слов *петух, заяц, мымра, жаба* и др.), информацию о **возрасте** объекта номинации (*мартышка, плакса, ябеда*), о

профессии (*палач, бюрократ, чиновник*). **Культурный** компонент может включать национально-культурную информацию (*береза, тряпка, тюфяк, заяц, сарафан*) и культурно-историческую (*немец, фриц, совок, Совдепия, кагебэ*). Эти компоненты сложно взаимодействуют друг с другом: *диссидент, космополит* (идеологическая + оценочная), *карга* (гендерная + возрастная).

Ассоциативные признаки слова (*коннотации* в узком смысле, *коннотации*, по Ю.Д. Апресяну) – несущественные, но устойчивые признаки выражаемого словом понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности (*осёл* – ‘тупость’, *пёс* – ‘холопство’ и т. п.). Они не входят непосредственно в лексическое значение слова (дальняя периферия), но чрезвычайно важны для семантики, так как служат основой для возникновения переносных значений, метафор, сравнений, производных слов, фразеологических единиц, определенных типов синтаксических конструкций. Они тесно связаны с национально-культурной традицией использования объекта, историческим, религиозным, политическим, психологическим контекстами её существования или, по удачному выражению В. Абаева, «этимологической памятью слова». Богатейший материал такого рода изложен в работах В.Н. Телии, Ю.Д. Апресяна, Н.И. Толстого, А. Вежбицкой и некоторых других ученых.

Современная лингвистика считает лексическое значение только пусковым механизмом, включающим слово в текст (В.Н. Телия). Мы обмениваемся не словами с закрепленными за ними значениями, из суммы которых механически собираются предложения, – мы обмениваемся мыслями, используя слово как пусковой механизм, прагматический полуфабрикат, который получает полное воплощение в речи.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте две основные зоны семантики слова – когнитивную и прагматическую. Что такое оценочность и эмоциональность как компоненты лексической прагматики?

2. Что такое образ и образность? В каких случаях целесообразно говорить об образном МК семантики?

3. Ознакомьтесь со статьей Л.П. Крысина «Социальные компоненты в семантике языковых единиц» (см. приложение 7). Что представляет социальный компонент в семантике слова?

4. Ознакомьтесь со статьей Ю.Д. Апресяна «Коннотации как часть прагматики слова» и постарайтесь ответить на следующие вопросы: 1) Что Ю.Д. Апресян называет *коннотациями*? 2) Каковы их языковые проявления? 3) Каковы их свойства?

5. Что представляет собой стилистическая окраска слова и как она связана со значением?

Задания

1. Проанализируйте семантику следующих слов и определите, в каких случаях оценочность / эмоциональность входят в когнитивный МК семантики и представляют собой **название** хорошего или плохого явления или название чувства (общие признаки определенного класса объектов), в каких – прежде всего **выражают** эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету номинации. При ответе учитывайте данные толковых словарей.

Предатель – цуда, любимец – любимчик, жадный – жадюга, крохобор; клеветать – кляузничать, афера – надувательство, ревнивец – Отелло.

2. Проанализируйте семантику следующих слов и составьте с ними предложения, актуализирующие информацию о социальных ролях адресата и адресанта.

Диктат, нотация, выговор, рапортовать, слушаться, зневаться, молить, подхалим.

3. Определите, какие ассоциативные признаки можно выделить в семантике следующих слов. Ответ аргументируйте примерами.

Баран, собака, пес; сундук, картина, вешалка; канцелярия, школа; лягушка, змея, жаба.

4. Правильны ли с точки зрения семантики выражения *Странник на джипе проехал по деревне; Странник странствовал по городу, изучая старинные здания; Странники выступили на митинге с протестом против политики городских властей; Общество странников выбрало своего президента?*

5. Чем с точки зрения семантики отличаются *повстанец* от *мятежника*, *контрразведчик* от *шпиона*, *банда* от *отряда*, *мнения* от *домыслов*? Как можно было бы назвать этот компонент семантики слова? Познакомьтесь со статьей М.Н. Эпштейна «Идеология и язык» (см. приложение 7) и ответьте на следующие вопросы: а) как называются такие слова; б) в чем специфика соотношения предметного и оценочного компонентов в их семантике; в) чем определяется роль прагмем в публицистике; г) что представляет собой лексическая тетрада; д) что такое функциональная тетрада; е) сколько таких функциональных тетрад (универсальных семантических оппозиций) выделяет автор?

6. Ознакомьтесь со «Словарем благонадежных слов» (см. приложение 7). Можно ли назвать прагмемами приводимые в Словаре пары слов *шахид – террорист-смертник*; *(чеченский) сепаратист – (чеченский) террорист*; *полевой командир – глава бандформирования*; *военная операция – террористическая вылазка*. Докажите свою позицию. Подумайте, сохранились ли подобные идеологические предписания в отношении «чеченской темы» сегодня?

7. Познакомьтесь с типологией сем И.А. Стернина (см. приложение 7). Попробуйте провести ассоциативный эксперимент со словом *студент*. Какие семы сегодня оказываются наиболее яркими (частотными) в ассоциативных реакциях?

8. Среди названий омских предприятий встречаются такие, которые построены на ассоциативном компоненте семантики слов: *такси «Пуля»*, *«Караван»*, *баня «Партизан»*, *торговый комплекс «Лабиринт»*, *агентства недвижимости «Янус»*, *«Изба»*, *фитнес-клуб «Эгоист»*, *автомагазин «Пятое колесо»*. Считаете ли вы эти названия удачными? Почему? Приведите свои примеры неудачных омских названий городских объектов и прокомментируйте их. Попробуйте сформулировать в связи с этим заданием одно из правил нэйминга (выбора имени).

9. Ознакомьтесь с таблицей. Дополните её следующими словами: *ведьма (прямое знач.)*, *ведьма (перен.)*, *горлопан*, *деляга*, *из*, *бездельник*, *пава (о женщине)*, *Дон-Жуан*, *донжуан*, *пропесочить (кого-л.)*.

Макрокомпоненты семантики слова

Макрокомпонент	Когнитивный МК		Прагматический МК				
	Денотативный	Сигнификативный	Оценочный	Эмоциональный	Образный	Стилистический	Социальный (статусный)
Слово							
Машка	+			+		+(разг.)	
наган	+	+					
ох!	+			+			
пред	+					+(книжн.)	
херувим (прямое знач.)	+ (фантом)	+					
херувим (перен.)	+	+	+	+	+	+(книжн.)	
отчитать (кого-л.)	+	+			+	+(разг.)	+

Подготовьтесь к контрольной работе по этому же плану.

Литература

Основная

1. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989. Гл. 2.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995 (Разд. «Коннотации как часть прагматики слова»).
3. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 54–85.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 58–59.
5. Серлов О. Словарь благонадежных слов (см. приложение 7).
6. Эпштейн М.Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33 (см. приложение 7).
7. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 30–35 (см. приложение 7).
8. Крысин Л.П. Социальные компоненты в семантике языковых единиц (см. приложение 7).

Дополнительная

1. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. § 1–4.
2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык. М., 2003. С. 25–28.
3. *Крысин Л.П.* Социальный аспект владения языком // Л.П. Крысин. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989. С. 120–164.
4. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1978. С. 5–6, 9–10.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (см. статью: *Коннотация*).

Тема 5

Микрокомпоненты семантики слова. Компонентный анализ значения

В настоящий момент сформировалось два подхода к значению слова с точки зрения его компонентного состава. **Дифференциальный подход** – понимание значения как совокупности определенного числа микрокомпонентов – **сем** (греч. *sema* – знак), которые характеризуют отдельные стороны предмета номинации или отношения к нему. Значение слова, представляющее собой совокупность сем, называют **семемой**.

Сема – *элементарный семантический признак слова*, семы соотносятся с признаками соответствующих понятий и – через них – с признаками явлений реальной действительности. Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему говорящими. Примеры типовых сем: *'лицо'*, *'женский пол'*, *'молодой'*, *'инструмент'*, *'интенсивность'*, *'жидкость'* и т. п. Их записывают в особых кавычках (марровы кавычки), показывающих, что перед нами элементы смысла (ПС).

Компонентный анализ (КА) – техника выявления семантических микрокомпонентов. Методы компонентного анализа:

- метод **ступенчатой идентификации**. Разработан Э.В. Кузнецовой. В определении семантики слова в толковом словаре выделяется общая для всех членов соответствующей лексико-семантической группы часть (идентификатор) и частная (словарный конкретизатор). *Ливень* – 'дождь' + 'сильный'; *купить* – 'приобрести' + 'за деньги' и т. п. Конкретизатор неразложим, а идентификатор можно продолжать раскладывать до тех пор, пока не наступит так называемая взаимная идентификация. Эта методика применима в основном при анализе конкретно-предметной (идентифицирующей) лексики);

• метод анализа *системных отношений* слов внутри одной семантической группы. Сравните группу терминов родства: *отец, мать, дядя, тетя, брат, сестра*. Их значения можно описать с помощью 5 сем: ‘кровный родственник’, ‘принадлежность к поколению (моему, старшему на одну ступень и т. д.)’, ‘прямое / не прямое родство’, ‘пол’. Так, *тетка* по отношению ко *мне*: ‘кровная родственница’, ‘старше на одну ступень’, ‘женщина’. В другом варианте этого же метода КА привлекается *синтагматика* (типичная сочетаемость) слова: при этом слова ставятся в один и тот же диагностический контекст типа *он не друг, а коллега* или (на научной конференции в обращении председателя оргкомитета академика N) * *Уважаемые приятели!* (анализ отрицательного языкового материала). Этот метод анализа используют при анализе не только конкретной, но и абстрактной лексики (*храбрость, мужество, отвага, смелость, кураж* и т. п.);

• метод изучения связей слова в широком контексте. По мнению ряда ученых Московской семантической школы, многие слова могут быть описаны только в составе больших по объему выражений – словосочетаний, предложений, текста. Кстати сказать, в теории художественной речи это единственно возможный прием. Проанализируем семантику слова *любовь* в стихотворении «Любовь» М. Цветаевой:

Ятаган? Огонь?

Поскромнее – куда как громко.

Боль, знакомая, как глазам – ладонь.

Как губам – имя собственного ребенка.

Можно выделить негативные семы ‘не режущая’, ‘не жгущая’, объединенные общим смыслом ‘вовсе не то, что так принято называть’, семы ‘своя, интимная – личная сфера говорящего’, ‘воспринимаемая на уровне первичных ощущений – глаза, губы’, ‘то, что не поддается рациональной формулировке’, ‘то, о чем нельзя говорить’.

Поскольку семы могут классифицироваться по разным основаниям, существует несколько **типологий сем**. Одна из них учитывает **роль** семы в семантической структуре семемы. Семная структура любого слова построена по иерархическому признаку:

Архисемы (В.Г. Гак, Д.Н. Шмелев), или *категориально-лексические* семы (Э.В. Кузнецова) – общие семы родового значения

слова, семы, объединяющие группы слов: *‘жидкость’*, *‘средство передвижения’*, *‘разрушение’*, *‘созидание’*, *‘перемещение’* и т. п. Они важны не только для семантики отдельного слова, но и для лексико-семантической системы в целом.

Дифференциальные семы – менее общие, конкретизирующие семы, которые создают индивидуальность слов, дифференцируют их. Они не являются уникальными, а могут повторяться в разных словах, но в разных ансамблях единиц, в разных комбинациях.

Потенциальные, или **ассоциативные**, семы – отражают связанные с реальией устойчивые коллективные смыслы типа *‘тупость’* у осла или *‘грязный’* для свиньи (коннотации, по Апресяну).

Появившийся сравнительно недавно **коммуникативный (интегральный) подход к значению** ориентирован на коммуникативный акт. При интегральном понимании лексическое значение предстает как бесконечно сложная структура, включающая в себя «не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто априорных представлений и всех «добавочных смыслов» (Г.Н. Скляревская). Вследствие этого можно принять мысль о принципиальной нелимитируемости значения слова, о невозможности четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты. Этот феномен объясняется рядом причин: нечеткой дифференциацией многих объектов внешнего мира, постоянным изменением самой отражаемой в значении действительности, углублением понятия о предметах и выявлением новых сторон, новых взаимоотношений понятий, приближенностью самого отражения действительности в сознании человека, различиями в понимании одного и того же предмета разными людьми (И.А. Стернин).

Другими словами, если мы выделили в значении слова *женщина* семы *‘человек’*, *‘взрослый’*, *‘женский пол’*, мы не вправе считать, что описали его значение. Мы выделили только семантическое ядро, но оно окружено множеством периферийных семантических признаков *‘материнство’*, *‘слабость’*, *‘красота’*, *‘доброта’* и проч. (А.П. Чудинов), не менее существенных для носителя языка.

Детальная (коммуникативная) типология сем, опирающаяся на интегральную концепцию семантики, предложена в работах

И.А. Стернина и Л.М. Васильева. Так, И.А. Стернин различает типы денотативных сем **по отношению к системе языка** – семы узловые иokkaзиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные, **по различительной силе** – интегральные и дифференциальные, **по степени яркости** – яркие и слабые, **по характеру выявленности** – эксплицитные и скрытые, **по характеру конкретного содержания** – постоянные и вероятностные, **по отношению к акту коммуникации** – актуализированные и неактуализированные.

Всё сказанное приводит нас к необходимости разграничивать **значение** слова – то единообразное для всех носителей языка содержание (включая при этом и прагматическую часть), которое сохраняет тождество слова и обеспечивает процесс коммуникации, и **речевой (актуальный) смысл**. Формирование актуального смысла возможно двумя путями: вследствие **актуализации** коммуникативно значимых сем, уже заложенных в системном значении, или их **наведения**. В последнем случае в речевой смысл вовлекаются коммуникативно значимые компоненты наших знаний о предмете, которые в системное значение не входят. Поэтому речевой смысл бывает, как правило, богаче реализованного в речи языкового значения.

Контрольные вопросы

1. Понятие о семе – минимальном компоненте семантики слова.
2. Методы компонентного анализа семантики слова.
3. Дифференциальный и интегральный подход к значению.
4. Типология сем.

Задания

1. Если значение слова разложимо на семантические множители, то возможны такие пропорции между словами: *дочь : сын = племянница : племянник*. Продолжите эту пропорцию. Составьте пропорции со словами *возбуждение, восторг, выступление, страх, замереть, паника, оцепенеть, экстаз*. Какая сема дифференцирует значения всех этих слов и дает возможность составить пропорции?

2. Решите пропорцию (вставьте пропущенные слова):

*помнить : ... : напомнить = быть мертвым : умереть :
... = ... : проснуться : ...*

Попробуйте придумать свои двух- или трехчленные пропорции.

3. Сравните слова *бороться – побеждать, искать – находить, лечиться – выздоравливать, лечить – вылечивать*. Определите семантическое различие, свойственное всем этим парам. (Справьтесь в словарях, как толкуются эти слова). Можно ли к этому ряду отнести пары *писать – написать, тонуть – утонуть*? Ответ аргументируйте.

4. В образце даны первые члены семантических пропорций, в числителе и знаменателе которых находятся разные слова (но не словосочетания). Продолжите семантические пропорции следующим образом: постройте новые пары, включающие дополнительные слова (если это возможно). Если же это невозможно (т. е. слово не вписывается в пропорцию), то объясните почему. Придумайте также, по крайней мере, одну полностью новую пару. Сформулируйте в самом общем виде семантические признаки, характеризующие слова в знаменателе и в числителе.

А) Идти : ходить = плыть : плавать = ... (дополнительные слова: *брести, везти, катать, лететь, скакать*);

Б) лошадь : табун = птица : стая = ... (дополнительные слова: *собака, отара, лягушка, рыба, человек*);

В) телята : телятник = лошади : конюшня = ... (дополнительные слова: *хлев, голубятня, конура, стойло, свиньи*);

Г) брюнет : жгучий = дождь : проливной = ... (дополнительные слова: *тупица, круглый, чайник, кофе*);

Д) лаять : гав = мяукать : мяу = ... (дополнительные слова: *кукарекать, рычать, ржать, клекотать, ква, бе-е*). (Задание взято из: М.А. Кронгауз. «Семантика. Задачи. Задания. Тесты». М., 2006).

5. Даны четыре множества слов:

- 1) а) зверь, червь, инфузория, поэт, щука;
б) стол, книга, земля, треугольник, пальто;
- 2) а) кит, ласточка, окунь, тигр, муравей;
б) женщина, начальник, парикмахер, муж, кассир;
- 3) а) облако, самолет, баба-яга, комар, ракета;
б) книга, туннель, уж, колодец, телефон;
- 4) а) собака, лошадь, курица, осёл, мул;
б) медведь, кенгуру, змея, тигр, окунь.

Подмножества а) и б) соотносятся следующим образом: слова из подмножества 1а обладают некоторым смысловым признаком, которым не обладает ни одно из слов 1б. Назовем этот признак первым. Аналогично получаем второй признак (им обладают слова из 2а и не обладают слова из 2б), третий и четвертый. Найдите слова (или слово), которые обладают всеми четырьмя семами одновременно.

6. Познакомьтесь с образцом компонентного анализа (парадигматический метод) из книги З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Лексическая система языка». Воронеж, 1984 (с. 118–119, 121).

Образец компонентного анализа

Цель КА – разграничить значения небольшой группы семантически близких слов. Он проводится до тех пор, пока каждое слово не будет представлено своим неповторимым набором сем. Процедуру КА можно представить в виде следующего алгоритма:

1. Записать анализируемые слова в столбик.
2. Выделить и записать интегральную сему.
3. Сопоставить значения 1-го и 2-го слов, определить дифференциальные семы и приплюсовать к интегральным. Проверить наличие этих интегральных сем или антонимичных им в 3-м слове и в последующих; выявленные дифференциальные семы приплюсовать к интегральным, в случае отсутствия (т. е. если значение по этим признакам не характеризуется) поставить знак 0.
4. Продолжить попарное сопоставление анализируемых слов до тех пор, пока каждое не будет представлено отличающимся друг от друга набором сем.

Примечания: 1. Название сем не должно совпадать ни с одним из анализируемых слов. 2. Функционально-семантические семы записываются в последнюю очередь.

В таблице дан пример минимального КА слов *больница, госпиталь, поликлиника, амбулатория, диспансер, стационар*.

Используя предложенную методику, проведите компонентный анализ основных (первых) значений следующих слов: *изба, дом, замок, дворец, хата, халупа, хижина, хибара, шалаи, сарай, юрта*. Включите в список сему ‘оценка’ (+ или –). Можно обратиться к толковым словарям и к «Новому объяснительному словарю синонимов» под редакцией Ю.Д. Апресяна.

Семы	Слова					
	больница	госпиталь	поликлиника	амбулатория	диспансер	стационар
Лечебное учреждение	+	+	+	+	+	+
Для тяжелых больных	+	+				+
Военное		+				
Обслуживание врачами разных специальностей	+	+	+	+		+
Для проходящих больных			+	+	+	
Профилактика					+	
Гражданское	+		+	+	+	+
Для больных, находящихся дома			+			
Для больных, находящихся в нем на излечении	+	+				+
Обслуживание врачами узкой специальности				+	+	

Литература

Основная

1. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. М., 2003. С. 22–39.
2. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989. С. 32–40.
3. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985 (см. приложение 7).
4. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 291–314.

Дополнительная

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. Гл. 5.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. Предисловие.
3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998. С. 272–297.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 58 и далее.
5. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990. С. 90 и далее.

Тема 6

Лексическое значение слова и языковая картина мира

Важнейшее понятие современной семантики и лингвистики в целом – языковая картина мира (ЯКМ). ЯКМ – объект новой науки – когнитивной лингвистики (когнитивистики) – отрасли лингвистики, изучающей познание человеком окружающего мира, осуществляемое с помощью языка. Язык – инструмент познания и область закрепления результатов познания. В сферу интересов данной отрасли лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как язык репрезентирует, перерабатывает информацию об окружающем мире. Она возникла на стыке психологии, философии, кибернетики.

Картина мира – сетка координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. М. Хайдеггер: «Картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, но мир, понятый как картина». **ЯКМ – целостный образ мира, отраженный в языке.** «Взятое в своей совокупности всё концептуальное содержание данного языка и составляет картину мира» (Ю.Н. Караулов).

Единицей описания картины мира является концепт. **Концепт** – это «понятие, погруженное в культуру» (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия), культурно отмеченный смысл; единица коллективного знания, имеющая языковое выражение. Д.С. Лихачев: концепт – «результат столкновения словарного значения с личным и народным представлением человека». В когнитивной лингвистике уже описаны различные концепты: *правда / истина, воля / свобода, семья, власть, время / пространство* и многие другие. Существуют даже словари концептов (самый известный – Ю.С. Степанов. «Константы. Словарь русской культуры». М., 1997), антологии концептов (Антология концептов. М., 2007). Система концептов какой-

либо области называется **концептосферой** и служит базой для реконструкции картины мира.

В современной лингвистике реконструкция языковой картины мира начинает рассматриваться как сверхзадача науки.

Основные тезисы воссоздания ЯКМ таковы:

1. ЯКМ – это коллективная философия национального языка. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Таким образом, каждый язык имеет свою особую картину мира, и отдельная языковая личность обязана организовывать своё высказывание в соответствии с этой картиной. Значения интегрируются в единую систему взглядов, т. е. коллективную философию, обязательную для всех носителей языка. При этом ЯКМ избирательна: отдельные участки мира отражаются в ней с большей подробностью, другие – с меньшей. Картина мира может быть описана с помощью пространственных (верх / низ, правый / левый, восток / запад, далекий / близкий), временных (день / ночь, зима / лето), этических (добро / зло, счастье / горе и т. п.) и некоторых других параметров. На её формирование влияют язык, традиции, воспитание и другие социальные факторы. Что можно сказать относительно «коллективной философии» русского языка? Об этом много рассуждали отнюдь не только лингвисты, но и иностранные путешественники, русские и иностранные писатели, этнопсихологи, представители так называемой культурной антропологии и др. В качестве черт русского национального характера называют такие, как тенденция к крайностям (всё или ничего), эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству», «практический идеализм» (предпочтение «неба» «земле»), тенденция к пассивности или даже к фатализму, ощущение неподконтрольности жизни человеческим усилиям. Н.Д. Арутюнова сравнивала русский язык с другими по следующим семантико-типологическим параметрам:

а) Время	vs Пространство
б) Человек	vs Стихия
в) Норма	vs Аномалия
г) Своё	vs Чужое
д) Определенность	vs Неопределенность

Автором были приведены многочисленные и разнообразные языковые факты, которые иллюстрировали принадлежность русскому языку именно того набора характеристик, которые перечислены в правой части таблицы, т. е. тех, которые показывали, что русский язык тяготеет к пространственным представлениям как первичным, исходным и склонен рассматривать время как пространство (метафора жизнь – путь), что он ставит на первое место не сознательную деятельность человека, а стихию как основную силу, движущую миром, что он отдает предпочтение не норме, а нарушениям, отклонениям, для него естественнее аномалии; что чужое имеет приоритет перед своим, оказывается, как правило, выше, ценнее, интереснее своего (ср. престижность «импортного», «зарубежного», «западного»); что, наконец, в нём довольно отчетливо прослеживается тенденция к неопределенной окраске высказывания (Русский человек чаще всего сам не знает, куда его тянет, что он хочет, отчего ему грустно или весело. Любимец русской сказки Иванушка-дурачок, долго лежавший на печи, вдруг ни с того ни с сего вскакивает и кричит: «Эх вы, тетери, отпирайте двери, хочу идти туда, сам не знаю куда!»).

На этих примерах можно убедиться, что вполне оправданно соотнесение (и даже отождествление, как у некоторых философов) русского языка с русским национальным характером, с русской идеей, следовательно, изучая определенные концепты-понятия и характер их лексической реализации, можно выявить некоторые объективные особенности русской ментальности. У каждой культуры – свои специфические ключевые слова и свои «культурные сценарии»: «сценарии чувств», «сценарии того, как думать», «сценарии того, как хотеть» и т. п. (примеры см. в работе А. Вежбицкой).

2. ЯКМ антропоцентрична: в центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и всё, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. Наиболее многочисленные и хорошо дифференцированные участки лексической системы относятся к человеку, продуктам его труда, эмоциям, оценкам, знаниям. Человек незримо присутствует в любом наименовании как тот, кто именуется, оценивает, сравнивает, квалифицирует. Человек выступает как мера всех вещей: ‘близко’ – *под носом, под рукой, рукой подать*; ‘много’ – *полон рот, с головы до пят*; ‘темно’ – *ни зги не видно, хоть глаз*

выколи; 'быстро' – и глазом не моргнул, в мгновение ока, сломя голову. Ср. одну из семантических универсалий языка – антропоморфные (олицетворяющие) метафоры: *горлышко* (бутылки), *ножка, ручка, головка* (сыру) и т. п. Интересно, что свойства, принадлежащие самому человеку, оцениваются положительно и считаются нормой, а свойства, принадлежащие неживой природе или неразумным существам, признаются отклонениями от нормы и оцениваются отрицательно: *хитрый как лиса, упрямый как осел, медлительный как черепаха.* Но *хитрый как человек. «Дадим волю фантазии, – пишет Б.Ю. Норман. – Если бы разумные существа вели образ жизни, свойственный глубоководным рыбам, в их языке вряд ли появилось слово *подонок* с отрицательным значением. Точно так же слово *бесхребетный* вряд ли получило бы отрицательные коннотации в языке разумных червей: для них это было бы скорее символом гибкости, динамичности и т. п. – в общем, положительно окрашенной нормы». Условия жизни человека как биологического вида накладывают отпечаток на шкалу времени (соизмерима с продолжительностью человеческой жизни), десятичную систему счисления (число пальцев на руках). Если продолжить фантастические измышления, можно предположить, что система была бы иной, имей разумное существо неопределенное количество «пальцев», как гидра, у которой от 5 до 10 щупальцев!» Итак, «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Э. Бенвенист).

3. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Существует уровень так называемых универсальных, базисных понятий-концептов (семантических примитивов, по А. Вежбицкой), общий для всех естественных языков: *я и ты, некто и нечто, где и когда, большой и маленький, хороший и плохой.* Вместе с тем, несмотря на наличие универсалий, семантические системы разных языков уникальны и культуроспецифичны. В каждом языке понятия по-разному разведены по языковым единицам и их значениям, при этом то, что в одном языке выражено лексически, в другом может быть выражено грамматическими средствами (ср. *little key* –

ключик); то, что в одном языке сказано эксплицитно, в другом остается имплицитным, интуитивно осознаваемым носителями языка.

4. ЯКМ не совпадает с научным знанием о действительности. Семантика языка воплощает образы обыденного, наивного сознания, в том числе и поэтические. В ней диалектически соединены материалистические и идеалистические представления, правда и вымысел. Языковая картина мира в отличие от научной не может претендовать на цельность, непротиворечивость, полноту отражения и авторство – к этой картине приложили руку многие поколения людей. «Словарный состав языка прошел многотысячный путь развития, наряду с научными представлениями в нём отражались и наслаивались также заблуждения и суеверия, в нём запечатлелся частично и дологический этап становления человеческого мышления и языка» (Ю.Н. Караулов). ЯКМ не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, биологической, физической и др.), она им предшествует. Причем *наивные представления отнюдь не примитивны*. Они часто не менее интересны и сложны, чем научные: например, представление о внутреннем мире человека. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную анатомию, физику пространства и времени, этику, психологию и под.

5. ЯКМ более стабильна по сравнению с научной. Поскольку познание человека не свободно от ошибок, его научная картина мира постоянно «перерисовывается», тогда как ЯКМ ещё долгое время хранит следы былых представлений, ошибок и заблуждений. Так, например, выражение *воспарить душой* связано с архаическими представлениями о душе – животворящей субстанции, которая мыслилась в архаической картине мира в виде пара и т. д. Поэтому обычно существует расхождение между архаической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах.

6. ЯКМ не одна, их множество. В языковых картинах мира опредмечивается индивидуальный, групповой, национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Существуют ЯКМ национальных языков, определенной социальной, профессиональной, возрастной группы (ЯКМ подростка, жаргононосителя, носи-

теля диалекта и т. п.), наконец, ЯКМ субъекта. Все эти ЯКМ существенно отличаются от научного познания, ибо дают «субъективный образ объективного мира».

7. Особую роль в формировании ЯКМ играют фразеологизмы («зеркало жизни нации»), концептуальные метафоры, символы, образы, которые выступают в качестве эталона для сравнения.

Принципы анализа концептов:

- Концепт – результат обобщения, категоризации опыта, а потому требует комплекса средств для своего полного выражения / репрезентации. Концепт – не единица отдельного текста, а единица совокупности текстов, идиостиля, индивидуального (или коллективного) художественного мышления. Концепт **репрезентируется** в языке разными средствами: словами и устойчивыми сочетаниями слов; группами слов, ассоциативно-смысловыми объединениями слов; текстовыми фрагментами, текстами, совокупностями текстов.

- Концепт представляет собой нежестко структурированную объемную единицу, целиком выразить её просто невозможно. Концепт шире значения, отдельные смыслы концепта принципиально невербализуемы, лакунарны (ср. *‘люди, давно состоящие в браке’*; *‘лицо, получающее работу’*; *‘заниматься пиаром’*).

- Ни один исследователь и ни один языковой анализ не может выявить и зафиксировать все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке, что-то всегда остается не зафиксированным, а следовательно, неучтенным.

Контрольные вопросы

1. Что такое ЯКМ? Как она соотносится с научной (концептуальной) и наивной КМ? В каких направлениях развивается изучение КМ?

2. Концепт как единица ЯКМ. В чем разница между концептом и значением?

3. В чем особенность русской языковой картины мира? Какие концепты и слова можно назвать специфичными для русского языка?

4. Назовите основные приемы описания концепта через анализ данных языка.

Задания

Группа с помощью старосты делится на подгруппы, каждая из которых готовит (письменно) описание одного из концептов:
правда, тоска, совесть, воля, Америка, дурак, дружба, дом.

Литература

Основная

1. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Минск, 2005.
2. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995 (Конспект разделов 1–2, остальные – по желанию).
3. *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3 (см. приложение 7).
4. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
5. *Вежбицкая А.* Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии: модели «дружбы» в различных культурах // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
6. Электронная энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru>, свободный (см. статью: *Языковая картина мира*).

Дополнительная

1. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003. Или: URL: <http://www.4tivo.com/.../15807porovaster-nin.ocherki-po-kognitivnoj.html>, свободный.
2. *Караулов Ю.Н.* Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык как творчество. М., 1996.
3. *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. М., 2000.
4. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

5. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира. М., 2003.

6. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994. Введение.

7. Антология концептов. М., 2007.

8. *Библер В.С.* Национальная русская идея? Русская речь? // Октябрь. 1993. № 2.

9. *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.

Тема 7

Лексическое значение слова в речи. Семантические изменения в лексике

Контрольные вопросы

1. Сравните лексическое значение слова в языке и речи. Что такое *речевой* (актуальный) *смысл* слова?

2. Расскажите об интегральном (коммуникативном) подходе к изучению семантики. Охарактеризуйте типологию сем с точки зрения их принадлежности ядру или периферии.

3. Чем отличается актуализация сем от их наведения?

4. Дайте определение эвфемизму и эвфемизации. Продемонстрируйте прием эвфемизации на примере таких слов, как *зачистка*, *военная операция США в Иране*, *несанкционированный отбор газа Украиной*. Заменой каких слов они служат? Какие цели выполняют?

5. Что означает модное в последнее время (особенно среди журналистов и политиков) слово *политкорректность*? Ознакомьтесь с мнением лингвиста М.А. Кронгауза и писательницы Татьяны Толстой. В чем сходство и различие их позиций? Какую позицию вы разделяете (или, возможно, у вас есть свой особый взгляд на проблему)?

Задания

1. В выделенных словах произошли семантические изменения по сравнению со значением, зафиксированным в словарях. Сформулируйте (письменно) актуальный смысл выделенных слов, взятых из современных СМИ. Определите, какие компоненты системного (словарного) значения в нём актуализированы, какие нейтрализованы, какие новые семы появились, в каком макрокомпо-

ненте семантики они сосредоточены? Какие семы наводятся контекстом (возникают только в контексте)?

1) Динамично развивающейся компании требуются молодые *амбициозные* сотрудники (газетное объявление).

2) Сам Олег Меньшиков – фигура *культовая*, загадочная, талантливая.

3) Жаль потраченного воскресного вечера, который полстраны ждали у телевизоров, дабы увидеть «*культовые*» фильмы «*культового*» режиссера (подумайте, какова функция кавычек в этом примере).

4) Предлагаем квартиры в строящихся домах по *доступным* ценам.

5) Одним из первых примерную сумму гонораров *озвучил* Сергей Шнуров.

6) Эту акцию *милосердия* впервые проводит Московское городское отделение Фонда мира. *Милосердие* стоит немалых денег.

7) В общегородском конкурсе сочинений на тему: «*Экология души – чистые помыслы и поступки*» приняло участие более 70 человек.

8) Обращаясь к Президенту, участники Собора призвали государство к началу *диалога* о частичном возвращении церковной собственности.

9) Роль Руматы *знаковая*, эпохальная, в каком-то смысле совсем не проще Гамлета.

10) Похоже, окончательно решили «*приватизировать*» память людскую!

11) Те, кто следит за перипетиями межклановой борьбы между выходцами из Питера и осколками ельцинской «*семьи*», знают: Касьянов – яркий представитель второй. Слово «*семья*» беру в кавычки и под *семьей* имею в виду некоторых чиновников. Сегодня всей страной руководит кучка финансистов (это то, что принято называть «*семьей*»). В каждом регионе можно найти «*семью*» местного значения.

12) Банкиры, в переводе «*олигархи*», выглядят как подсудимые. *Олигархами* у нас называют представителей крупного капитала, которые из тени влияют на политику (интервью В.В. Путина, 2000 г.). И дело не только в том, что для попадания в *олигархи* надо преодолеть определенный имущественный ценз. Скорее всего, Козищину не по нраву негативный оттенок, который вкладывается в это понятие.

13) Предлагаем путевки по *антикризисным* ценам! Недвижимость по *антикризисной* цене! (реклама)

14) На Государственном совете специально отказались от слова «*реформа*», чтобы у общественности не появилось ощущения, что всё будет сломано. Мы должны забыть слова *реформа, революция, переворот* в образовании.

2. В современной рекламе и в газете нередко используется прием графического выделения слога или буквы в слове. Например: «Комсомольская прав**ДА!**», *привати**ЗА**ция*, «**СамаЯ**» (журнал для женщин), «**Халтура**» и под. Попробуйте объяснить, что, с точки зрения семантики, происходит с выделенным фрагментом и со смыслом слова. Постарайтесь привести свои примеры и прокомментировать их. Считаете ли вы корректным использование в рекламе языковой игры типа *Турагентство «Экстрим»: **Экстримальный** отдых!* или «*Велла*»: *Вы **велликоленны!***

3. В следующих примерах из рекламы и современных СМИ допущены ошибки, связанные с употреблением слова без учета его узувального, словарного значения. Прокомментируйте ошибки, пользуясь толковыми словарями. Исправьте их.

1) За срок пребывания Владимира Яковлева на посту губернатора Петербурга в городе было убито 12 известных людей.

2) Бармен всегда готов подобрать содержимое коктейля по желанию клиента.

3) Из отверстий в мешках проглядывают небольшие кустики вешенок. В молодости они непохожи на обычные грибы и напоминают серую массу.

4) Выпускник ЛЭТИ, он в конце 90-х гг. занялся производством свинины.

5) Ещё раз обращаемся к гражданским чувствам псковичей: к разуму, ответственности, патриотизму. Надеемся, именно они будут водить вашей рукой 19 декабря.

6) Руководители предприятий являются патриотами своего города: они полностью рассчитываются с городским бюджетом.

7) «“7+11” – это девиз многих английских компаний, означающий, что они работают с семи утра до одиннадцати вечера, – объясняет директор. – Эти цифры стали и нашим девизом».

8) Наибольшим откровением для меня явилось выступление этих фигуристов.

9) (Вопрос журналиста олимпийской чемпионке Турина Т. Тотьмяниной) Ваша с Максимом резиденция находится в США. Есть ли вероятность того, что вы вернетесь в Россию?

10) (Реклама моющего средства) Какая разница «Гала»? Единственная разница «Гала» – это цена.

11) (О С.П. Королеве, создателе космических аппаратов) Если бы маэстро прожил ещё хотя бы десять лет, русские высадились бы на Марсе.

4. В следующих медиатекстах найдите слова, употребленные в переносном значении. Сформулируйте это актуальное (речевое) значение. Какие семантические компоненты отличают переносные употребления от соответствующих прямых значений? Как вы думаете, почему в некоторых случаях ставятся кавычки?

1) Смею думать, что в «Итого» за пять лет еженедельного эфира случилось некоторое количество удачных шуток. Но это, конечно, гарнир. А собственно блюдом были *они*, наши всенародно избранные всех рангов.

2) Убийство ТВ-6 было исполнено уже совершенно в открытую, несчастного арбитражного судью изнасиловали непосредственно за новогодним салатом, чтобы он успел подписать липовую бумажку до боя курантов.

3) После 22 июня 2003 года «летняя распродажа» журналистов пошла ещё оживленнее – труд тех, кому стало неку-

да идти, скупали за полцены. Некоторые и сегодня продолжают вести окопные бои за профессию.

4) Стоит у нас чему-нибудь случиться, как событие выплескивается на улицу, обрастает подробностями, которые со вкусом пережевываются, перевариваются, обсасываются со всех сторон.

5) Американцы вовсе не такие «пластмассовые», как о них пишут. Просто они ни во что не лезут, очень тактичны.

5. Проанализируйте примеры из сочинений абитуриентов, из рекламных текстов и материалов СМИ. Определите, в чем причина ошибок.

1) Партизаны воровали у немцев оружие и боеприпасы.

2) Подпольная революционная организация была разоблачена.

3) Войну выигрывают не только великие полководцы, но и их пособники – простые солдаты.

4) Сном Татьяны Пушкин как бы оповещает читателя о предстоящих событиях.

5) Пушкин внедрил Татьяну в роман для образного противопоставления.

6) Реклама Дома одежды «Синар»: Вырядись! Выделись!

7) Продаем вычурную антикварную мебель по приемлемым ценам! (реклама)

9) По всей вероятности, труд этих двух людей (публицистов Карла Бернштайна и Гейл Ший) будет иметь столь же широкий резонанс, как и ставшее знаменитым деяние Моника Левински (журналист Дмитрий Гусев).

6. Найдите эвфемизмы в следующих рекламных текстах. Определите их функцию. С помощью каких языковых средств создается эвфемизм? Приведите свои примеры эвфемизации в современной рекламе и СМИ.

1) Делай раз! Очищение – самая важная ступень из трех в системе по уходу за проблемной кожей.

2) «Алфавит Диета» подходит и тем, кто нормализует свой вес, и тем, кто соблюдает диету по совету врачей.

3) Когда печени тяжело – принимайте Эсливер Форте!

4) Новый гель для интимной гигиены CAREFREE Алое содержит экстракт Алое Вера и нежно заботится о самых деликатных участках Вашего тела.

5) Белые точки могут быть где угодно, но только не на твоих волосах (Фридерм. Лечебный шампунь против перхоти).

6) Включи красивую улыбку! Электрическая зубная щетка Oral-B Vitality Pro White. Клинически доказано, что она лучше обычной щетки.

7) Если хандрят суставы – Хондроксид!

8) В животе ураган – принимай Эспумизан!

9) Быть серой мышкой? Зависеть от капризов проблемной кожи? Или быть дерзкой кошкой и играть по своим правилам? Выбери роль! Подари себе уверенность, а коже – чистоту и свежесть (лечебный препарат Скинорен гель).

10) Только на трусиках Pull Ups есть волшебные картинки, которые исчезают при намочении. Они подскажут маме, что произошла неожиданность, и в форме игры помогут малышу приучиться к горшку.

11) Цены на наши средства очень привлекательные. Другой момент – сроки выполнения заказов. Часто в связи с большим количеством клиентов срок несколько возрастает, что не пугает наших постоянных покупателей (каталог Avon).

7. Журналистка Дарья Асламова («Комсомольская правда», 16 августа 2005 г.) предлагает собственный политкорректный словарь:

Террористы – это «борцы за свободу», «повстанцы», «мятежники», «бомбисты», «hostage-takers» («держатели заложников»), «misguided criminals» (мое любимое!) – «ложно направленные криминалы» (по-видимому, есть ещё криминалы, стоящие на верном пути).

Негры – черные (уже не модно!), цветные, афро-американцы (особо политкорректные граждане предлагают называть белых американцев евроамериканцами).

Можно продолжить этот сумасшедший ряд: **подрывников** следует называть «пиротехниками», **камикадзе**, **взорвавших нью-йоркские башни**, – «пилотами-любителями». Или, как написал

один участник Интернет-форума по политкорректности: «Взорвал бомбу – бомбист, стрельнул в человека – стрелок, наехал на пешехода – шофер, съел человека – гурман».

Определите, какими семантическими компонентами отличаются друг от друга «неполиткорректные» и «политкорректные» слова.

Литература

Основная

1. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 82–92.

2. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 384–408.

3. *Толстая Т.* Изюм. М., 2003. С. 219.

4. *Кронгауз М.А.* Опыты воздействия на язык (см. приложение 7).

5. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 56–70 (см. приложение 7).

Дополнительная

1. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.

2. *Васильев А.Д.* Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. М., 2003.

3. *Стернин И.А.* Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004.

4. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. Раздел 3.2.

5. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003. С. 32–38.

Тема 8

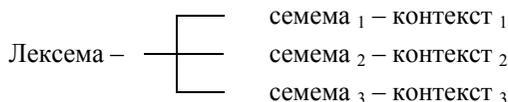
Полисемия. Семантическая структура многозначного слова. Типы лексических значений

Полисемия (многозначность) – это лексико-семантическое варьирование слова, его способность иметь несколько лексических значений (лексико-семантических вариантов – ЛСВ). Формула многозначного слова:

$$\text{СЛОВО} = \frac{\text{ЛЕКСЕМА}}{\text{СЕМЕМА}_1 \leftrightarrow \text{СЕМЕМА}_2 \leftrightarrow \text{СЕМЕМА}_3 \leftrightarrow \dots}$$

$$\text{Формула ЛСВ: } \frac{\text{ЛЕКСЕМА}}{\text{СЕМЕМА}_1}$$

Каждое значение реализуется в своем особом (диагностическом) контексте. Ср.

Каждое отдельное значение связано с другими значениями общими семемами и в то же время отличается набором сем. Между двумя смежными значениями существуют отношения непосредственной семантической деривации (семантической производности), поэтому они непременно имеют общие семы разного плана (не только дифференциальные, но и ассоциативные).

При омонимии таких общих сем нет (ср. *брак – дефект* и *брак – супружество*). Таким образом, омонимия – это совпадение формы (устной или письменной) разных языковых знаков. Различают омографы (греч. *homós* – одинаковый, *grápho* – пишу): *му́ка – мука́, осел – осёл*; омофоны (греч. *homós* – одинаковый, *phone* – звук): *лу́г[к] – лук*; омоформы (слова, совпадающие в одной или нескольких формах): *лечу* (на самолете) – *лечу* (людей), *печь* (глагол) – *печь* (существительное).

Омонимы **полные** (слова одной части речи, совпадающие во всех формах: *клуб*¹ – *клуб*²) и **частичные** (слова одной или разных частей речи во всех или в одной форме совпадающие с одной из форм другого слова: *капли*¹ дождя – принимать *капли*²).

Пути возникновения омонимов: 1) совпадение русского и заимствованного слова: *брак* – ‘супружество’ (русск.), ‘дефект’ (нем.); двух заимствованных слов: *блок* – ‘союз’ (франц.), ‘механизм’ (нем.); 2) фонетические процессы в русском языке: омонимы *лук* (‘растение’) и *лук* (‘оружие’) возникли после изменения звука о-носовое в [у] в слове *лукъ* (‘оружие’); 3) словообразование (*газовый* – от *газ*¹ – ‘вещество’ или *газ*² – ‘ткань’); 4) распад полисемии (*рак*, *нос*).

Между полисемией и омонимией существует обширная область переходных случаев: *лисичка*, *ежик*, *лопатка* и т. п. (в словаре омонимов О.С. Ахмановой они выделены в особый тип – омонимия, возникшая вследствие распада полисемии, слова, находящиеся в процессе омонимизации).

Критерии разграничения: семантический, словообразовательный, сочетаемостный, тематический и др. (подробнее поговорим о них на семинаре). Однако следует признать: четкого и объективного критерия разграничения омонимии и полисемии не существует. Именно поэтому некоторые специалисты (например, по машинному переводу) предпочитают говорить о **неоднозначности** лексемы.

Вернемся к анализу многозначности. Два основных **типа полисемии**: метафора (перенос по сходству) и метонимия (перенос по смежности).

Метафора. Перенос по сходству формы (*конь* гимнастический, *пояс* географический), местоположения (*голова* колонны), качества (*высокий* / *низкий* голос, *льняные* волосы, *бархатные* щечки), цвета (*изумрудные* глаза, *оливковая* кожа), функции (*перо*, *дворник*), по звучанию (*визг* пилы, *квакающий* голос) и т. д.

Метафорический перенос может преследовать две различные цели: быть средством обозначения того, чему ещё нет названия (**номинативная** функция) и средством характеристики, оценки (**предикативная, характеризующая** функция).

Номинативная метафора типа *швейная игла*, *лист бумаги*, *глазное яблоко*, *ножка стула*, *ручка кресла*) заполняет соответ-

вующую пустую клетку, лакуну, в лексической системе языка. Задача номинативной метафоры – указать на объект, идентифицировать его, поэтому она остро нуждается в опоре на контекст, эксплицирующий её предметную отнесенность. Номинативная метафора не выходит за рамки конкретно-предметной лексики. Образ, который она дает языку вследствие переноса, идентифицирующей лексике не нужен. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «она не производит вспышки, представляющей предмет в новом, преобразующем его свете». Она не показывает, а указывает. Выполнив свою номинативную функцию, такая метафора исчезает – образ угасает. При этом угасание образа не побуждает говорящих прибегнуть к новой, более свежей метафоре. Точно так же, как человек обычно не нуждается в нескольких личных именах, классу предметов довольно одного названия.

Предикатная метафора употреблена в позиции предиката, характеризующего другой, уже поименованный предмет или класс предметов. «Метафора в этом случае есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» (Н.Д. Арутюнова). Апеллируя к интуиции, метафора этого типа оставляет адресату возможность творческой интерпретации. Понимание образной метафоры вариативно, хотя, разумеется, не безгранично.

Образная метафора антропометрична. *Совесть заговорила, облака плывут, червь сомнения, разбитое счастье* – человек измеряет все формы бытия по своему образу и подобию (олицетворение, антропоморфность). Произвол в уподоблении ограничен лишь абсолютно «немыслимым», недоступным человеческому воображению сходством. Образная метафора также может стать общепотребительной. В этом случае она перестает обозначать индивидуальный объект и расширяет возможности своей сочетаемости с индивида до класса. Умирая, образная метафора «обычно завещает языку новое значение или смысловой нюанс» (Н.Д. Арутюнова). **Номинативная метафора пополняет номинативные ресурсы языка, предикатная – синонимические.**

Функции метафоры. **Когнитивная** (эвристическая) – метафора фиксирует новое знание о мире, закрепляя его в языке. **Номинативная** функция – метафора дает языку новое имя. В.К. Хар-

ченко называет 12 функций метафоры: *мнемоническую* (метафора способствует запоминанию информации), *стилеобразующую* (метафора Цветаевой отличается, например, от метафоры Ахматовой, а метафора научная от разговорной), *жанрообразующую* (метафора в афоризме, пословице, загадке, колыбельной песне, приметах). Выделяют также *объяснительную, оценочную функции, этическую, аутосуггестивную, кодирующую, конспирирующую, игровую, ритуальную* и некоторые другие.

Метафоры языка и метафоры речи. Метафора языка зафиксирована в значении слова как один из его ЛСВ, метафора речи существует на уровне употребления. Сравни: *заяц, слон, лопух* ↔ *подковы* бровей; *грохочущая* слякоть; имя твое – *птица* в руке; *кровавые слезы* сентября; били копыта по *клавишам мерзлым*. Первые общеупотребительны, применимы к классу объектов, однозначны. Вторые рассчитаны на резонанс, их интерпретация зависит от индивидуальной картины мира субъекта, его когнитивной базы, личностных смыслов. Образность метафор речи различна и зависит от эффекта неожиданности, непрогнозируемости, «сопряжения далековатых понятий» (М.В. Ломоносов).

Метафора – универсальное явление в языке. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает все аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях, поскольку «метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без неё невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая» (В.Г. Гак).

Три универсальных типа метафорических переносов, выделенные С. Ульманом, – (1) *антропоморфизм*, (2) *перенос от конкретного к абстрактному* и (3) *синестезия*: (1) *солнце встает, восходит, садится*, ветер *воет*, тоска *грызет* сердце и под.; 2) о чувствах и психических действиях: *пилить* кого-то, *рубить* правду-матку, *совесть грызет*, *разжечь* страсть, *есть поедом*; 3) *холодный / теплый* цвет (цвет через осязание), *сладкий, кислый, горький* запах (обоняние через вкус), характеристика звука через «зрительные» или «осязательные» слова: *высокий, низкий, тонкий, мягкий, жесткий, густой*.

Концептуальные метафоры – модели метафорических переносов, концептуальные параллели, схемы, общие в разных язы-

ках (*спор – война, политика – театр, Россия – болезнь, власть – механизм*). Метафора – не способ говорить, а способ думать об одной области через призму другой (Лакофф, Джонсон). Если *спор – война*, то можно *одержатъ победу, потерпеть поражение, нападать*, существует *стратегия и тактика спора*, в споре можно *положить на обе лопатки* и т. п. Концептуальная метафора в публицистике является действенным языковым средством манипуляции сознанием адресата, способом речевого воздействия, языковым инструментом власти. По словам Н.Д. Арутюновой, «метафора – это приговор суда без разбирательства»: она навязывает читателю некий «коридор» осмысления, выдвигая на первый план соответствующие аспекты понятий и маскируя другие. Тем самым публицист с помощью концептуальных метафор осуществляет «смысловую перепланировку мира» (Ю.Н. Тынянов) читателя, или, выражаясь языком современной когнитивной лингвистики, его рефреймирование.

Метонимия. Перенос наименования основан на смежности предметов или явлений, их связи в реальном мире (причинно-следственной, пространственной, временной). Одна из самых известных разновидностей метонимии – синекдоха: наименование целого по части или части по целому: *лицо кавказской национальности, в отряде 20 сабель, читать Пушкина, Толстого, издавать Чехова*.

Другие модели метонимических переносов:

1) действие → результат действия: *Если лошадь не спутаетшь, то она во время упряжки брыкается, долбит копытами по оглоблям, рвет сбрую. – Несколько лошадей в упряжке;*

2) материал → изделие из материала: *чистить столовое серебро, не ношу золото в ушах, красивый хрусталь в серванте;*

3)местилище → его содержимое: *чайник кипит, выпить три стакана, две рюмки, съесть тарелку, миску чего-л.;*

4) населенный пункт → жители: *вся деревня вышла провозжать, проголосовал весь город, область, район.*

Метонимические переносы свойственны не только существительным, но и другим частям речи: *умный человек → умная книга, глупый мальчишка → глупый вопрос, смелый охотник → смелый ответ* ('обладающий каким-л. качеством' (о человеке) → 'обнару-

живающий это качество' (о предмете); *рубить поленья* → *рубить дрова*, *косить траву* → *косить сено*, *варить рыбу* → *варить уху*, *варить ягоды* → *варить варенье* ('объект, который подвергается действию → результат действия').

Регулярная полисемия характеризуется наличием некоторой общей семантической модели (закономерности), объединяющей конкретные типы переносов. Регулярность – отличительная черта метонимических переносов. Реже встречается регулярная метафора, хотя **олицетворение, синэстезия и перенос от конкретного к абстрактному**, будучи семантическими законами, являются примерами регулярных метафорических переносов.

Другое свойство многозначности – **продуктивность** – количественная характеристика переноса. Продуктивность определяется полнотой охвата класса единиц. Например, всякое существительное со значением 'сосуд' может обозначать также 'количество вещества, входящее в этот сосуд' (выпить *бутылку, стакан, рюмку, бочку*), всякий глагол со значением 'воздействовать острым инструментом' может иметь значение 'создавать, воздействуя этим острым инструментом': *буришь (копать) землю* – *буришь скважину*, *пилишь доску* – *пилишь фигурки из доски*, *рубишь дерево* – *рубишь избу* и под.

Метафора и метонимия. Метонимия опирается на объективно существующие связи, реальные предметные отношения, метафора – на субъективно устанавливаемое сходство. В связи с этим метафорический перенос выразительней, чем метонимический, метафора шире используется в художественной речи. Метонимия – естественный способ варьирования семантики слова, а потому она постоянно (и не всегда осознанно) используется в разговорной речи: *таблетки от головы*, *смотреть «Время», «Итоги», дайте что-нибудь пожевать, смотреть по телевизору* и т. п. Если метафора придает речи экспрессивность, то метонимия – средство экономии языковых усилий. Метафорический перенос может закрепляться в семантике слова в виде особого значения (*осёл, шляпа, лопух*), а может оставаться лишь употреблением слова. Метонимические переносы, как правило, не создают новых значений, фиксируемых словарями.

В обычной речи мы не испытываем затруднений в понимании переносного значения, поскольку будучи в языке многозначным в речи слово всегда реализует определенный ЛСВ: *стол № 9, стол находок, деревянный стол*. Слово в языке – это **слово-тип** (слово-ономатема), слово в единстве всех возможных форм и значений. Слово в речи – **слово-член** (слово-синтагма), т. е. слово, употребленное в конкретном значении, реализованное в контексте. Позиция наибольшей дифференциации смыслов называется **сильной позицией** слова (по аналогии с фонетикой). **Слабая** позиция – позиция неразличения ЛСВ: *выбрал для себя стол, прекрасный стол* и т. п. Это свойство многозначного слова Д.Н. Шмелев назвал **диффузностью значений**. Оно связано с обязательным наличием семантической связи (общих сем) между значениями многозначного слова.

Топологические типы полисемии выделяются по характеру связи семем: *радиальная, цепочечная и смешанная – цепочно-радиальная* полисемия.

Типы лексических значений многозначного слова. Схема семантической структуры многозначного слова позволяет увидеть, (1) что одно из значений является основным, главным, (2) что далеко не каждое значение непосредственно связано с основным, (3) что вовсе не обязательно, чтобы во всех значениях был один общий компонент, достаточно того, что между двумя непосредственно связанными значениями обязательно есть общие семы. Известно несколько классификаций типов лексических значений, все они опираются на классическую концепцию В.В. Виноградова, уточняя её в том или ином отношении.

Попробуем прокомментировать эту классификацию с учетом современных представлений о лексическом значении.

1. По роли в слове различаю основное / неосновные значения. **Основное** (главное) значение у слова одно. Это значение «наиболее обусловлено парадигматически и наименее – синтагматически» (Д.Н. Шмелев), т. е. оно наиболее самостоятельно и наименее зависимо от контекста. Ежи Курилович: «Главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного прибавляют ещё и элементы контекста». Основное значение – своего рода

содержательный представитель слова-знака. Именно в качестве носителей основных значений слова хранятся в нашей памяти, это первичные реакции на знак-стимул в ассоциативном эксперименте: *слон* → *животное*, *лопух* → *растение*, *пень* → *дерево* и т. п. Существует и количественный аспект: основные значения наиболее частотны, поэтому если на определенном общественно-историческом этапе возрастает частотность какого-то значения, это свидетельствует о повышении его ранга в семантической иерархии слова (общественно-политическое значение слов *перестройка* и *застой*).

Неосновные значения противопоставлены основным прежде всего как значения, определенные контекстом. Этот контекст может быть достаточно свободным, но может быть и жестким, в этом случае говорят о связанных значениях.

Деление значений на основные / неосновные ориентировано на синхронию, оппозиция **первичные** / **вторичные** отражает диахронический аспект. Эти два аспекта могут не совпадать. Так, значение цвета у слова *красный* основное, но исторически вторичное, а значение 'красивый' неосновное и первичное. При подаче слов в толковых словарях синхронный принцип не всегда выдерживается, поэтому в качестве первого, основного, главного значения иногда выступает исторически первичное (*великий*, *верный* в МАСе).

2. По характеру выводимости одного значения из другого: семантически производное / семантически непроизводное. Основное значение слова **семантически непроизводно**, т. е. не зависит ни от какого другого значения, тогда как все неосновные значения являются **семантически производными**, мотивированными. Обратите внимание: семантическая производность значения ≠ словообразовательной производности слова (*столик* – производное слово с семантически непроизводным значением).

3. По характеру соотношения с действительностью: прямое / переносное. Учитывает характер предметной отнесенности слова, характер его связи с предметом объективной действительности: прямые значения непосредственно указывают на предмет, переносные – посредством обращения к другому объекту. У В.В. Виноградова вообще нет упоминания о переносных значениях, хотя косвенно он говорит о различии производных и метафорических,

образных значений. Существует два подхода к понятию *перенос*, *переносное значение*.

- **Диахронический** (отражен в учебниках Д.Н. Шмелева и М.И. Фоминой и некоторых других). Переносными считаются все неосновные, семантически производные значения, т. е. перенос = семантической мотивированности, семантической производности. Здесь есть своя логика: переносные значения исторически возникают как результат переноса имени на новый объект (*нос корабля, швейная игла*). Этот перенос со временем может перестать ощущаться, тогда следует говорить о двух типах переносных значений – с потухшей образностью и с сохранившейся образностью.

- **Синхронный** (Э.В. Кузнецова). Переносными признаются только значения семантически двуплановые, т. е. сохранившие образность. Именно эта позиция отражена в толковых словарях: помета *перен.* сопровождает только значения с осязательной образностью. Стирание образа означает, что переносное значение становится прямым (а не переносным с потухшей образностью, как в первом случае), т. е. прямо указывает на предмет. С точки зрения этого подхода слово может иметь несколько прямых значений и даже все прямые значения.

4. По характеру сочетаемости с другими словами: **свободные / связанные значения**. Связанность значения проявляется в специализации контекста. У В.В. Виноградова три типа связанности – фразеологически связанные, функционально-синтаксически обусловленные и конструктивно ограниченные значения. Позднее некоторые типы были дифференцированы более тонко. Сегодня выделяют:

- Ограничение **лексической** сочетаемости (то, что у Виноградова называется фразеологически связанным значением). Слово А реализует своё значение лишь в сочетании со словами В₁, В₂, В₃...В_n, причем все они должны быть перечислены закрытым списком. Пример Ю.Д. Апресяна: синонимы *уменьшать – сбрасывать* (разг.). *Сбросить* ('резко уменьшить') можно *вес, давление, газ, скорость, температуру*, но не * *накал, ширину, объем*. *Идти* в значении 'падать' можно сказать не обо всех осадках, но только о дожде, снеге, граде: **идет роса, идут струи дождя, хлопья снега*. Важно

отметить, что для такого ограничения нет основания в реальной действительности, в самих связях предметов и явлений – это ограничение не предметно-логическое, а языковое. В словарях этот тип связанности отражается в списке контекстных партнеров, включаемом в словарную дефиницию: *влачить* – перен. (в сочетании с существительными *жизнь, век, существование, дни*). *Вести унылую, безрадостную жизнь*. Словари отражают этот тип семантической связанности нерегулярно, последовательнее всего – МАС. В.В. Виноградов отмечал, что фразеологически связанное значение «лишено глубокого и устойчивого понятийного центра... Значение этого рода рассеянное: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями».

- Ограничение **семантической** сочетаемости. Этот тип ограничений не рассматривался В.В. Виноградовым. Ср. синонимы *арендовать* и *снимать*. *Арендовать* можно и уголья, и жилые помещения, *снимать* только помещения (**снять лес, пашиню*). Круг слов с этой семантикой может быть достаточно узким, но нет **лексической** закрепленности. Д.Н. Шмелев: это ограничение в области реалий, а не слов. Ср. *гнилой* – о погоде: *сырой, дождливый*. Слов, в сочетании с которыми реализуется эта семантика, немного: *осень, зима, сентябрь* и т. п., но их круг определен **семантикой**: любое слово в языке, реализующее этот смысл, может сочетаться со словом *гнилой*.

- **Морфологически обусловленные** значения – реализация значения связана с обязательностью грамматической формы слова. Так, значение ‘болен’ у слова *плох* проявляется только в краткой форме прилагательного: *Он совсем плох*.

- Ограничение **синтаксической функции** слова. У В.В. Виноградова – функционально-синтаксически ограниченные, или предикативно-характеризующие, значения. Так, *петух, ворона* реализуют переносное значение только в функции предиката (сказуемого, обращения, обособленного определения). В.В. Виноградов: «Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую

характеристику». Такие значения присущи в основном существительным, прилагательным, наречиям. В словарях отражено непоследовательно – в виде указания на функцию члена предложения. *Голубчик* – обычно в обращении: ласковое название мужчины.

• Ограничение **синтаксической конструкции** (конструктивно ограниченное значение, по Виноградову). Ср. благоприятствовать *кому-чему* – *содействовать, помогать*. Такое значение характеризуется «предметно-смысловой неполнотой его реализации в формах самого слова: полностью оно реализуется в свойственной ему синтаксической конструкции» (В.В. Виноградов).

Важно заметить, что контекст может быть специализирован одновременно в нескольких отношениях. Ср. словарную дефиницию *ныхать* – 1 и 2 л. не употр. 2) В сочетании со словами *здоровье, румянец, веселье в т.п.* – обнаруживать эти состояния (морфологически ограниченное, ограничение лексической сочетаемости, конструктивно ограниченное).

5. По наличию стилистической окраски: нейтральное / стилистически маркированное.

В.В. Виноградов выделял номинативное / экспрессивно-синонимическое значение. Сам термин демонстрирует два основания (критерия) выделения этого типа: 1) эти значения экспрессивны (выразительны); 2) они опираются на нейтральные синонимы (В.В. Виноградов: «У многих слов... есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое значение не непосредственно, а через то семантически опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность»). Пример: *облечь – одеть, жрать – есть* и т. п.

Все примеры В.В. Виноградова относятся к стилистически окрашенной лексике, поэтому Э.В. Кузнецова предложила разграничивать **нейтральное / стилистически маркированное** значение (маркер в словаре – наличие стилистической окраски).

Итак, если воспользоваться этой классификацией, то **основное** значение слова – всегда прямое, семантически непроеизводное, свободное / связанное, нейтральное / стилистически маркированное. **Неосновное** – семантически производное, прямое / переносное, свободное / связанное, нейтральное / стилистически маркированное.

Контрольные вопросы

1. Однозначные и многозначные слова. Причины многозначности. Какие факты доказывают универсальность полисемии как семантического закона языка?
2. Охарактеризуйте основные типы переноса наименований. Метафора, её типы и функции. Роль метафоры в формировании языковой картины мира. Регулярная метафора.
3. Метонимия. Регулярные типы метонимических переносов. Метонимия и метафора: общее и различное.
4. Топологические типы полисемии.
5. Типы лексических значений многозначного слова.

Задания

1. В газетном тексте укажите все слова, употребленные в переносном значении. Определите тип переноса. Укажите, принадлежит ли этот перенос языку (проверьте по словарю) или речи (является индивидуально-авторским).

Датские карикатуры на пророка Мухаммеда – лишь небольшой уголек в разгорающемся костре конфликта между восточной и западной цивилизациями. По-настоящему взорвать хрупкий мир легко может Иран, который с помощью своей программы «мирного атома» уже в полушаге от создания собственной ядерной бомбы. В этой сложной ситуации России придется проявить большую гибкость, чтобы не оказаться втянутой в вооруженный конфликт ислама с Западом. Пока это удается – хорошие отношения с Тегераном Москва поддерживает, несмотря на давление Вашингтона. С другой стороны, радикализация ислама нас тоже совершенно не устраивает. Сиюминутную выгоду мы, может быть, и получим – цена на нефть взлетит до небес. Но вот что будет потом, если сдвигается весь Кавказ? Однако если Россия открыто встанет на сто-

рону США, то в случае агонии иранского режима и проигрыша войны Тегеран может решиться нанести последний «удар возмездия» и по российской территории. Какой сценарий осуществится – покажет время.

2. Ознакомьтесь с работами Дж. Лакоффа – М. Джонсона и А.П. Чудинова. Какая концептуальная метафора представлена в следующих примерах, взятых из современных развлекательных СМИ? Выпишите из современных газет примеры реализации регулярных концептуальных метафорических моделей: морбиальной, военной, спортивной, зооморфной, театральной и др.

1) (О дискотеке) И этот прыщавый «гамбургер» хотел казаться импозантным «лососем»!

2) Секс на одну ночь – это хот-дог: быстро, вкусно, ни к чему не обязывает... но может вызвать массу проблем.

3) Не стремись стать воблой – многим мужчинам нравятся круглые формы.

4) Её мозг – мясорубка. Что в неё ни положи – превращается в какой-то фарш.

5) На работе моя подруга из приторного варенья превращается в морс, почти не сохранивший повседневной сладости.

6) Две минуты спустя я почувствовала себя пожеванной жвачкой, неудачно прилипающей на каждом шагу к асфальту.

7) Вы знаете рецепт настоящего праздника? Воздушные шары и шампанское, танцующие девушки, остроумные мужчины, неожиданные подарки... Только правильно смешав все ингредиенты, ничего не забыв и не перепутав, мы получаем настоящее праздничное блюдо.

8) Заочка – это скороварка для твоих мозгов.

9) Приготовить это блюдо было бы несложно, если разбираться в технике, но деликатеса не вышло – получился обычный сотовый телефон с набором стандартных функций.

10) Подогрей ваши отношения! Добавь немного приправы – загадочности и новых ощущений, а потом доведи до кипения... его страстное влечение к тебе.

3. Как известно, цветковые прилагательные в современной публицистике активно образуют новые значения (ср. семантику слов *голубой*, *красный*). По Национальному корпусу русского языка

(НКРЯ) (www.ruscorpora.ru) проследите, какие новые нецветовые значения появились у слова *оранжевый*. Используйте с этой целью поиск по подкорпусу, задав сферу функционирования – публицистика – и ограничив начало периода 2000 годом. Сформулируйте эти значения. Какие семантические переносы в этой области можно наблюдать?

4. Определите тип переноса в словах, взятых из разговорной речи студентов. Продолжите этот ряд своими примерами.

Засыпаться, шарик (шариковая ручка), корочки (диплом), прокол, плавать (на экзамене), поплавок (диплом).

5. Определите тип переноса в словах, взятых из профессионального жаргона журналистов и редакторов. Продолжите этот ряд своими примерами.

Говорящая голова (диктор, снятый крупным планом, который, не задумываясь, произносит текст, написанный журналистом), *свежая голова* (дежурный корреспондент), *козёл* (пропуск при наборе большого куска текста), *сапог, флаг* (материалы необычной конфигурации), *джинса* (заказной материал), *хрипун* (сообщение, переданное в эфир теленовостей по телефону), *свисток* (анонс важного материала на первой полосе).

6. Даны следующие предложения: *По дороге мы вынуждены были сделать остановку. Он ждал меня на автобусной остановке. До Оперного театра примерно две остановки.* Определите значение слова *остановка* и тип переноса во втором и третьем случаях.

В правилах пользования общественным транспортом говорится: «*Безбилетным считается пассажир, который проехал одну остановку*». Какое из трех значений слова имеется в виду? Представьте себя «зайцем». Могли бы вы оправдаться перед контролером, используя семантику многозначного слова? (пример из сборника задач по введению в языкознание Б.Ю. Нормана).

7. Ниже даны примеры регулярной полисемии. Опишите семантическое отношение (семантическую модель) исходного и производного значений, дав им краткие дефиниции (например: *слиток серебра* – столовое *серебро*. Семантическая модель: ‘материал’ → ‘предмет, изготовленный из этого материала’). Приведите ещё несколько многозначных слов русского языка, чьи значения связаны

таким же образом. Назовите тип полисемии. Приведите свои примеры регулярных метонимических переносов.

а) Я прочел *Чехова* за ночь. – У *Чехова* оказался туберкулез легких. – Я купил всего *Чехова*.

б) Он мечтал о красивом сером *жилете*. – От толпы отделился табунчик пикейных *жилетов*.

в) *Двойка* своими очертаниями напоминает лебедя. – Ты опять получил *двойку*! – Когда ждешь *двойку*, почему-то обязательно приходят другие троллейбусы.

г) *Семантика* слова – сдавать *семантику*.

д) Живу в *Омске* – весь *Омск* встречал хоккейную команду.

8. Выпишите из «Толкового словаря русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Скляревской 5 слов, у которых в последнее время появились новые значения. Определите тип переноса наименования.

9. Прокомментируйте ошибки, связанные с употреблением слова в переносном значении. Используйте книгу О.С. Иссерс и Н.А. Кузьминой «Почему так не говорят по-русски» (раздел «Опасные метафоры» и «Подводные камни...»).

1) (О политических мемуарах) Вот и повод садиться за воспоминания, от которых явственно припахивает политической кухней.

2) Организация продает мебельные стенки и мягкую мебель по самым дешевым расценкам.

3) Цены на баллонный газ значительно дороже, чем на природный.

4) Завтра в нашем городе температура воздуха прогреется до 15 градусов.

5) А теперь коротко о событиях, которые уже прозвучали в эфире в течение этого часа.

6) Астрологический прогноз от Павла Глобы поможет вам окунуться в духовное развитие.

7) В Госдуме постоянно обсуждается вопрос о повышении заработной платы бюджетникам. Эта тема очень больна для народных избранников.

8) Права наших граждан в этой части исполнения Закона о ЖКХ будут больно ущемлены.

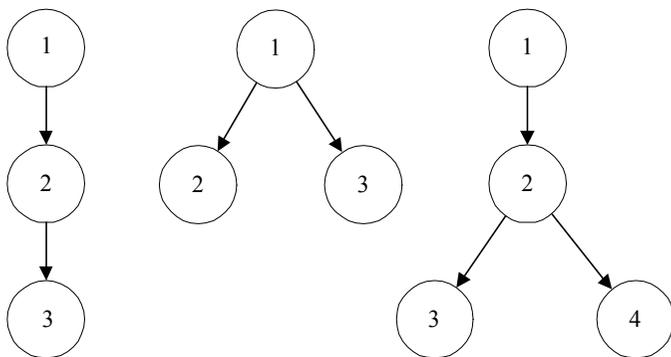
9) Как так можно: сначала дать надежду, зажечь огонек в сердце, а потом разом всё порвать?

10) Только что появившееся солнце показало, сколь красиво и нарядно лицо столицы зимней олимпиады.

11) С советско-коммунистической тиной, обволакивающей всё наше общество, боролись сотни талантливых людей. Но заслуга Солженицына в том, что он первым глубоко и мощно показал народу всю её фальшь, жестокость по отношению к своему народу.

12) После выборов НДР оказался в глубоком нокдауне, а вскоре последовал окончательный мат.

10. Ниже даны типовые схемы разных топологических типов полисемии. В толковом словаре найдите примеры многозначных слов, соответствующих этим схемам (выпишите значения).

11. По толковому словарю Ожегова-Шведовой охарактеризуйте тип каждого лексического значения следующих многозначных слов: *дрожать*, *овладеть*, *оторваться*.

Образец. *Жарить* – 1. Приготавливать пищу (основное, семантически непроизводное, прямое, свободное, стилистически нейтральное); 2. Разг. Обжигать лучами (о солнце) (неосновное, семантически производное, прямое, фразеологически связанное (ограничение лексической сочетаемости), стилистически маркирован-

ное); 3. *Прост.* Жарко топить (неосновное, семантически производное, прямое, свободное, стилистически маркированное).

Подготовьтесь к контрольной работе по определению типов переноса.

Литература

Основная

1. Современный русский язык / под ред. Л.А. Новикова. СПб., 1999.

2. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. § 31–50, § 54–56.

3. *Харченко В.К.* Функции метафоры. Воронеж, 1992.

4. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М., 1989. Глава VII.

5. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. § 9–10.

6. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слов // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.

7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–392 (см. приложение 7).

Дополнительная

1. *Кузьмина Н.А.* Ещё раз о типах лексических значений слов // Преподавание лексикологии русского языка в вузе и школе. Новосибирск, 1992. С. 25–36.

2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык. М., 2003. С. 39–69.

3. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982. С. 189–209.

4. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора: синтаксис и лексика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147–173.

5. *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.

6. *Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации // А.П. Чудинов. Политическая лингвистика. М., 2006. С. 122–148.

Тема 9

Лексическая омонимия

Контрольные вопросы

1. Что такое лексические омонимы? Чем отличаются омоформы, омофоны, омографы от лексических омонимов?
2. Какими причинами обусловлено появление омонимов?
3. Как вы понимаете высказывание В.В. Виноградова о том, что «омонимия является пределом лексико-семантического варьирования слова»? Каковы критерии разграничения многозначных слов и омонимов?
4. Как омонимы подаются в толковых словарях? Какие специальные словари омонимов существуют?
5. Каковы функции омонимов в речи?
6. Какая особенность омонимов делает их (в большей степени, чем многозначные слова) блестящим материалом для каламбуров? Приведите примеры каламбуров с применением омонимии разных типов из книги В.З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры». М., 1999.

Задания

1. Какими частными критериями можно доказать омонимичность следующих слов: *наклонение* головы – изъяснительное *наклонение*; *спрос* и *предложение* – восклицательное *предложение*; газовые *горелки* – играть в *горелки*; снимать *кадры* на пленку – воспринимать *кадры*; личные *счета* – считать на *счетах*; равновеликие *массы* – связь с *массами*; поле *брани* – отборная *брань*; обзор *печати* – гербовая *печать*.

Для выполнения задания воспользуйтесь *образцом анализа* слова *болтать* (приведен в пособии: «Лексикология русского языка»

ка»: практические задания и словарные материалы / сост.: Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская. Новосибирск, 2001):

1) **Семантический критерий**: глагол *болтать* – ‘делать движения руками и ногами из стороны в сторону’ и глагол *болтать* – ‘говорить много, быстро о чем-либо незначительном’ не имеют общих сем в значении.

2) **Лексический критерий**. К каждому из слов подбираются синонимы (если это возможно). *Болтать, махать, размахивать. Болтать, трещать, тараторить, пустомелить*. Глаголы *махать, размахивать* и *трещать, тараторить* не являются синонимами.

3) **Словообразовательный критерий**. К каждому из слов подбираются однокоренные слова. *Болтать, болтаться, заболтать, поболтать. Болтать, болтушка, болтливый, болтология, болтун, разболтать*. Слова имеют несоотносимые гнезда родственных слов.

4) **Сочетаемостный критерий**. Каждое слово помещают в контекст и определяют, с какими словами оно сочетается. *Болтать ногами, руками, быстро, медленно, из стороны в сторону. Болтать с кем-либо, о чем-либо (с друзьями, о книгах)*. Сочетаемостные возможности рассматриваемых слов не совпадают. Итак, анализируемые слова являются **омонимами**.

5) **Грамматический критерий**. У омонимов обычно бывают разные грамматические формы (рода, числа, лица и проч.). Только *болтать* в значении ‘совершать движения’ может употребляться в безличной форме (*самолет болтало из стороны в сторону*).

2. Даны примеры употреблений омонимов, некоторые из которых являются многозначными. Определите, сколько самостоятельных слов-омонимов здесь представлено и сколько у каждого из них значений встречается в примерах. Объясните свое решение.

Образец:

Отлить немного молока, кровь отлила от лица, отлить статую. **Отлить**¹ – 1) вылить (О. молока); 2) отхлынуть (Кровь О. от лица); **Отлить**² – изготовить литьем (О. статую).

1) метать гранату, метать швы, метать икру, метать платье;

2) топить котят, топить горе в вине, топить мед, топить молоко (топленое молоко вкусное), в доме плохо топят, топить печь дровами;

3) валить с ног, снег валит, валить всё в один ящик, валить вину на другого;

4) запустить мотор, запустить камнем, запустить учебу, запустить рыбу в пруд, запустить руку в карман, запустить болезнь;

5) Какою мыслью занят он? Занимать гостей разговорами, войска заняли город, полстены занимала огромная картина, директор занят, занять денег до зарплаты;

6) косить траву, дизентерия косила всех подряд, правый глаз немного косит, косить под деревенского парня, косить от армии.

3. Т.А. Гридина выделяет различные формы языковой игры с использованием омонимов: **омофоническое членение слова** и **омофоническое переразложение слова** в речевом потоке. Первое осуществляется в рамках одной и той же лексемы, а второе изменяет синтаксические границы высказывания. Во всех этих случаях нарушается стереотип восприятия лексических единиц. Примерами **омофонического членения слова** могут быть шуточные окказиональные толкования: *папазол – трезвый отец, уполномоченный – о человеке в стадии опьянения третьей степени*. Окказиональная сегментация слова преобразует его узуальный (стандартный, языковой) морфемный состав, вычлняя квазиморфемы (мнимые морфемы) на основе омофонических соответствий. В качестве приемов произвольной сегментации и семантизации слова, по Т.А. Гридиной, выступают 1) имитация правдоподобия морфемной членимости на фоне реальной словообразовательной аналогии (*вареник – ‘повар’, ср. труженик. Колун – ‘фехтовальщик’, ср. бегун, прыгун. Чернила – ‘анонимщик’, ср. запевала, зазывала*); 2) омонимическое наполнение узуальных словообразовательных моделей при сохранении членимости слова (*речка – ‘маленькая речь’, людоед – ‘муж Люды’, страхолюдина – ‘страховой агент’*); 3) моделирование окказиональной семантики с нарушением норм словообразования и

законов комбинаторики морфем – один из самых ярких примеров намеренно ложной мотивации парадоксального типа. Типичные приемы – графическое выделение в структуре слова сегмента и необычное членение слова, имитирующее реальный способ словообразования (*бабахать* – ‘восхищаться бабами’). **Омофоническое перераспределение слова в речевом потоке** можно проиллюстрировать языковой игрой «почему не говорят?»: *Почему не говорят «лошадь Тютчева», а говорят «конь Фета»? (читай: конфета). Почему не говорят: «Кать, суп возьми!», а говорят «Жень, щи на!» (читай: женщина).* (По материалам книги Т.А. Гридиной «Языковая игра: стереотип и творчество». Екатеринбург, 1996).

Попробуйте придумать или увидеть в разговорной речи, в материалах СМИ или в учебниках по лексикологии примеры на разные типы языковой игры.

4. Какие формы омонимии использованы в следующих фрагментах из современных СМИ? Какие функции выполняет этот прием (смысловые и экспрессивные)? Приведите 3–5 своих примеров (выпишите их на карточки с указанием типа СМИ и даты публикации).

1) Нас не переКОСИшь! (заголовок). «Посреди Керченского пролива раскинулась песчаная коса Тузла. Собственно, она и является камнем преткновения в пограничных спорах» («КП», 17.10.2000).

2) ВОЗражения против табака (заголовок).

3) Прощай, РЕзидент! (заголовок).

4) МИРовой парень (заголовок). «16 лет отчисляет свою зарплату в фонд мира водитель автобуса Виталий Травин» («Известия», 15.04.2000).

5) ГОРячились, БУШевали, президента выбрали («КП», 9.11.2000).

6) Порулим, поОКАем! (марка автомобиля).

7) О, какой подарочек (марка автомобиля); обШАРПанная элита («Литературная газета»), гласНОсть («Известия»).

8) ЭльДОЛЛАРадо, ЭльДАРадо, ЭльдоРАДо (в рекламе магазина).

5. В следующих загадках, взятых из сборника «Загадки» М.А. Рыбниковой, использованы разные случаи омонимии. Отга-

дайте их. В каждом примере установите, на чем построена игра слов. Определите типы омонимов.

- 1) Когда коня покупают, какой он бывает?
- 2) Три зайца – сколько ушей?
- 3) Когда человек бывает деревом?
- 4) Какие два местоимения могут быть препятствием на проселочной дороге?
- 5) Когда во все колокола звонят?
- 6) Сколько горошинок войдет в стакан?
- 7) Почему мы ходим?
- 8) Когда мальчика называют женским именем?
- 9) Когда человек бывает цветком?
- 10) Что делал слон, когда был Наполеон?

Литература

Основная

1. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 31–41.
2. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М., 1989. Гл. 4. § 1–2.
3. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. § 12–17.
4. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003.
5. *Ахманова О.С.* Словарь омонимов русского языка (любое издание). Вступительная статья.
6. *Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях // В.В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295–312.

Дополнительная

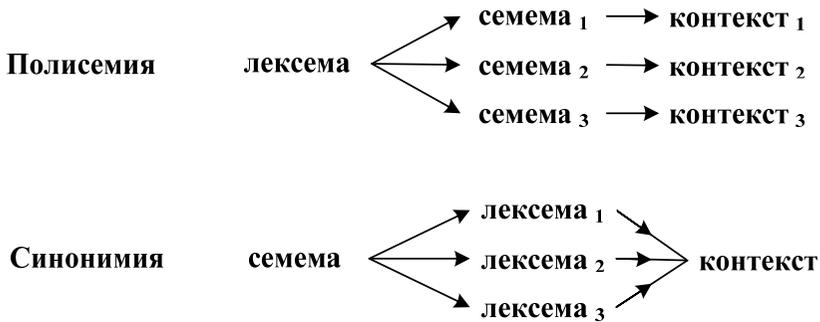
1. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. С. 274–292.
2. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. С. 112–130.

Тема 10

Синонимия как семантическая универсалия. Лексическая синонимия

Синонимия как семантическая категория представляет собой отношение семантической эквивалентности формально разных слов, которые реализуют в тексте функции уточнения, замещения, а также стилистические функции. Как и полисемия, синонимия является семантической универсалией языка (она свойственна всем естественным языкам вне зависимости от их строя).

Синонимия и полисемия противоположны по соотношению варианта-инварианта.

Ср. синонимы *бежать, лететь, мчаться, нестись*, которые встречаются в одном контексте: *быстро, во весь опор, во весь дух* и т. п.

Когнитивные предпосылки синонимии – в активном, творческом характере познания, не только ищущего сходство в разном, но и стремящегося найти различия в подобном, уловить тончайшие нюансы, отличающие близкие явления. Существуют и **социально-исторические причины** возникновения синонимии: 1) разделение говорящих на микро- и макроколлективы (профессиональные, со-

циальные, возрастные и т. п.). Ср. *музыкант – лабух* (жарг.), *воспаление легких – пневмония* (проф.), *двойка – пара* и т. п.; 2) распределение человеческих сообществ во времени (*глаза – очи*) и пространстве (*полотенце – рушник*); 3) контакты разноязычных народов (*духовность – менталитет, приверженец – адепт, лингвистика – языкознание*); 4) стилистическая дифференциация языка (*есть – лопать, жрать, рубать*) и т. п.

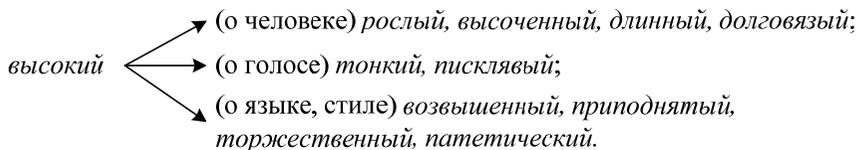
Существует множество различных определений лексических синонимов в зависимости от того, какой из критериев положен в основу определения (15 дефиниций в учебнике М.И. Фоминой). Примем следующее, достаточно широкое, определение: **слова тождественные или близкие по значению**. Слова, тождественные по значению, – абсолютные, точные синонимы, или лексические дублеты: *бегемот – гиппопотам, правоведение – юриспруденция*, близкие по значению – неполные, неточные, квазисинонимы. Важно понять: длительное и вполне равноправное существование абсолютных синонимов не является типичным для языка. Сам язык стремится преодолеть дублетность. Такова судьба многих синонимических пар русских и старославянских слов, существовавших в XVIII – XIX вв., но распавшихся в современном русском языке: *берег – брег, молоко – млеко, враг – ворог, шелом – шлем, владеть – володеть, вред – веред* и т. п.

Абсолютные синонимы – факт языка. В речи абсолютных синонимов практически нет: как неоднократно отмечали лингвисты (а поэты и писатели интуитивно знают это), совершенно разные значения имеют слова *месяц* и *луна*, *дорога* и *путь*, *конь* и *лошадь*: *Татьяна на широкий двор В открытом платьице выходит, На месяц зеркальце наводит, Но в темном зеркале одна Дрожит печальная луна* или *Мерно вьет дорога Одинокий путь* (Брюсов). Г.О. Винокур: «Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребенок* или *дитя*, *дорога* или *путь* и т. д.». Ю.Д. Апресян: «Постоянно протекающие... процессы семантической дифференциации приводят к тому, что господствующую роль приобретает квазисинонимия, а точная синонимия сокращается».

Три основных типа неточных синонимов: семантические (идеографические, оттеночные): *кроткий – незлобивый, покорный, смиренный*; стилистические: *лицо – лик – рожа*; семантико-стилистические: *течь – хлестать* (разг. + ‘очень сильно’). Синонимы могут также отличаться друг от друга степенью современности (*лоб – чело*), лексической сочетаемостью (*плохой – топорный*), формами грамматической связи (*характерный для кого-то – свойственный кому-то*).

Какая степень близости позволяет считать слова синонимами? Ведь как семантически близкие можно рассматривать и *идти – брести*, и *идти – двигаться*, и слова типа *автор – писатель*, поскольку в определенных контекстах они, заменяя друг друга, нередко выражают один и тот же смысл. Л.А. Новиков: «Понятие синонимии всегда относительно... Абсолютна только сама синонимия, реализация же её и деление слов на синонимы и несинонимы (языковые и речевые, истинные или приближительные, т. е. квази-синонимы) в значительной степени условны».

Критерий нейтрализации семантических различий Д.Н. Шмелева: синонимы – слова, содержащие общие семантические элементы и противопоставленные по таким признакам, которые в определенных позициях становятся несущественными, нейтрализуются. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов. Ср., с одной стороны, *абсолютные синонимы*, с другой, *узкий – тесный* (только об одежде: *платье, брюках*), *узкий – тонкий* (только о талии). Степень синонимичности у таких синонимов ниже (этот тип синонимии – синонимию слов в основных и неосновных значениях – Э.В. Кузнецова называет вторичной). Это крайние точки на шкале синонимичности. Примеры типа *узкий – тесный* доказывают, что синонимизируются не слова вообще, а ЛСВ, слова в определенных значениях. В пределах многозначное слово может иметь столько синонимических рядов, сколько у него ЛСВ (значений):

Многозначное слово с синонимическими рядами к каждому ЛСВ – **синонимическое гнездо**. Понятно теперь, что абсолютная синонимия – привилегия преимущественно однозначных слов, частичная (относительная, квазисинонимия) – многозначных.

Итак, чем больше у слова значений, тем больше у него потенциально возможных синонимических рядов. Следовательно, полисемия – источник синонимии, а вместе полисемия и синонимия – показатели развитости и богатства языка.

Синонимы группируются в **синонимические ряды**. Ряд открывается **доминантой** – словом, которое имеет наиболее общее в данном ряду значение, является наиболее употребительным, частотным, обладает самой широкой сочетаемостью, нейтрально стилистически. Ср. *замереть, застыть, остолбенеть, оцепенеть, окаменеть; защищать, ограждать, отстаивать, стоять за, заступаться за, вступаться за*.

Особенности синонимических рядов русского языка:

1. Обилие однокорневых синонимов: *вверх, кверху, наверх; греть, разогревать, подогреть* и т. п.

2. Преобладание мотивированных членов ряда над немотивированными.

3. Наличие, наряду с русскими, заимствованных слов: *изменять, менять, переменять, модифицировать; договор, пакт, соглашение, конвенция, трактат; довод, аргумент, мотив, резон*.

4. Многообразие экспрессивных синонимов: *брести, плестись, тащиться, тянуться, волочиться, волочься, влачиться, влечься; бить, колотить, колошматить, лупить, лупцевать, мутузить, дубасить, молотить, гвоздить, костылять, дуть, утюжить*.

5. Обилие фразеологических эквивалентов собственно лексических синонимов: *думать, размышлять, мыслить, раскидывать умом, шевелить мозгами*.

Синонимия неодинаково распределена между **грамматическими классами** и **семантическими категориями слов**. Основное количество синонимов концентрируется в области семантических категорий *качества, оценки, количества и отношения*, т. е. в тех областях, где возможна дифференциация понятий, выделение оттенков. Дифференциация идет по степени проявления качества,

интенсивности действия, его оценке и эмоциональному отношению, стилистической окраске, следовательно, наиболее богаты синонимикой прилагательные (качественные), наречия (качественной и оценочной семантики), глаголы, абстрактные существительные. Ср. *очень, крайне, совершенно, весьма, чрезвычайно, страшно, жутко, смертельно, отчаянно, дьявольски, чертовски* и т. п. Напротив, синонимия практически отсутствует среди числительных, личных местоимений, глаголов конкретного физического действия, конкретных существительных.

Явления, близкие к лексической синонимии – гипонимы и эвфемизмы. *Эвфемизмы* (eu – хорошо, рhemi – говорю), т. е. слова, заменяющие те, которые говорящий считает нежелательными, резкими: *опоздать – задержаться, потолстеть – поправиться, туалет – уборная, беременна – в интересном положении, ждет ребенка; высморкаться – использовать носовой платок*. Темы эвфемизации: части тела, некоторые физиологические процессы, отношения между полами, болезнь и смерть. Наиболее актуальна – социальная сфера. Здесь эвфемизация может преследовать разные цели:

1) стремление избегать коммуникативных неудач, конфликтов: *слабослышащий, слабовидящий, афро-американцы, заслуженный отдых* (пенсия);

2) вуалирование, камуфляж существа дела: *компетентные органы, учреждение (тюрьма, колония), нейтрализовать (охрану) вместо уничтожить*. В современной публичной речи: *война в Чечне – боевые действия, рост цен – либерализация, карательные операции – зачистка, пойти на крайние меры, непредсказуемые последствия* и т. п. Называется то же самое, но меняется точка зрения говорящего, которая – соответственно – навязывается слушателю. Способ манипуляции сознанием;

3) шифровка: В объявлении о знакомстве: **Ищу спонсора (вместо: богатого); *Обаятельная молодая девушка подарит ласку и нежность щедрому на внимание и заботу мужчине; *Нужна финансовая поддержка; *желательно автолюбителя (= имеющего личный автомобиль); *Любовь за деньги не предлагать; *Ветеранкам секса не беспокоить; *без бурного прошлого, *дама среднего возраста; *мне за 60; * около 40; * до 40; немного за 30.*

В современной речи – 2 тенденции: к огрубению речи (дисфемизации) и к эвфемизации. Первая – одно из проявлений **свободы слова**, понятой как **свобода речи**: *говори что хочешь*, понято как *говори, как хочешь* (И.А. Стернин). Непечатное слово стало печатным. Эти процессы касаются прежде всего устной и отдельных сфер письменной речи (публицистика, СМИ).

Гипонимия – родо-видовые отношения слов (*цветок – роза, собака – сеттер, мебель – стул* и т. п.). Слово, выражающее родовое понятие, – гипероним, видовое – гипоним. Слова, имеющие общий гипероним, – когипонимы (согипонимы). Критерий взаимозаменяемости работает только в одном направлении: *В комнате стояли стулья = В комнате стояла мебель*, но *В комнате стояла мебель ≠ В комнате стояли стулья*. У синонимов двусторонняя взаимозаменяемость: *Он издевательски засмеялся = Он издевательски захохотал*.

Использование синонимов в речи. Можно говорить о двух типах использования синонимов: выборе одного-единственного члена ряда (дотекстовая деятельность) и выборе ряда – в тексте (**скрытый** и **открытый** тип). Выбор одного члена синонимического ряда имеет место во всех случаях существования такого ряда. Он может быть как неосознанным, так и осознанным, выполняющим смысло- и стилиобразующие функции. Лучше всего это доказывает работа писателей над словом.

Функции синонимов в тексте. Четыре основных функции: **замещение** (позволяет избежать тавтологии; нейтрализация семантических различий), **уточнение** (актуализация семантических различий), **усиление** (степень проявления признака), **оценка** (уточняется оценка как компонент прагматической зоны семантики, т. е. когнитивное содержание остается прежним, меняется отношение субъекта: *У актеров не руки, а руцы, не пальцы, а персты*).

Синонимия в языке и синонимия в речи. Синонимы в языке определяются прежде всего тождеством или близостью значения, это закрепленные в системе единицы. Синонимические ряды отражены в словарях. В речи целесообразно говорить о синонимизации, синонимической ситуации, т. е. ситуации, в которой одно слово замещает другое.

Контрольные вопросы

1. Докажите, что синонимия – семантическая универсалия языка. Как связаны синонимия и полисемия? Согласны ли вы с тезисом о том, что развитые синонимия и полисемия свидетельствуют о высокой степени развития языка в целом? Ответ аргументируйте.

2. Расскажите о широком и узком подходе к лексической синонимии. Что представляют собой абсолютные (полные, точные) синонимы? Много ли их в языке? Какие типы синонимов можно выделить при широком понимании синонимии?

3. Каковы современные представления о синонимическом ряде слов и его границах? Что такое *доминанта ряда* и каковы критерии её выделения? В чём заключаются особенности синонимических рядов русского языка?

4. Сравните лексикографическое описание синонимического ряда *работа, труд* в Словаре синонимов в 2-х томах под ред. А.П. Евгеньевой и в Новом объяснительном словаре синонимов Ю.Д. Апресяна. В чём принципиальное отличие последнего от других словарей синонимов? Какого рода информация включается в этот словарь?

5. Назовите основные функции лексических синонимов. Что такое контекстная (оказиональная, авторская) синонимия?

Задания

1. Найдите в каждом ряду слова, которые не являются синонимами. Какой тип парадигматических отношений они представляют?

- а) *защитник, адвокат, юрист*;
- б) *каприз, прихоть, желание, причуда*;
- в) *дом, здание, квартира*.

2. Точные (какого типа) или неточные синонимы (квазисинонимы) составляют данные пары слов? Для неточных (неполных) синонимов составьте такие контексты, в которых различия нейтрализуются, и такие, где они заметны. Сформулируйте сущность различий (представьте, что вы объясняете иностранцу семантику и правила употребления именно этого слова).

Добиваться, домогаться; нести, тянуть, пахнуть; увлеченный, заядлый; тайный, закулисный; отрывать, отдирать; доллары, баксы; портфель, кейс; искусственный, неестественный; плохой, топорный; истинный, правдивый; сказочный, фантастический; виртуальный, иллюзорный; удивительный, странный; сейчас, теперь.

3. Постройте синонимический ряд по общему смысловому компоненту. Обоснуйте выделение доминанты. Определите различия между словами (при ответе можно использовать словари):

- а) 'имеющий наибольшее значение';
- б) 'говорить или делать одно, имея в виду другое';
- в) 'действие, идущее вразрез с общепринятыми нормами, законами';
- г) 'небольшой по времени';
- д) 'презрительное отношение к окружающим, происходящее от сознания своего превосходства'.

4. Базируясь на данных примерах, отраженных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru), попытайтесь сформулировать, чем различаются значения синонимов *пламя* и *огонь*.

1) Однако фактических данных о взаимозависимостях между высотой нагара, высотой пламени, диаметром дерева, другими факторами в них, как правило, нет. [Формирование нагара в среднетаежных сосняках Сибири // «Лесное хозяйство», 2004.08.17]

2) От пламени зажигалки скопившийся в салоне газ взорвался. [Владимир Демченко. Несчастный случай. Краснодарский «Мерседес» сгорел возле московского рынка // «Известия», 2001.12.04]

3) При неустойчивом давлении газа в сети величину пламени регулируйте краном так, чтобы пламя не выходило за края посуды и лишь слегка касалось её дна. [Инструкция к плите (1971)]

4) Пламя твоей свечи помнит о самом первом огне, у которого согрелись первые люди. [Ольга Соловьева. Огонь // «Трамвай», № 2, 1991]

5) Под крошечными голубоватыми язычками пламени прочная сталь становилась мягче сливочного масла. [Не ошиблись в выборе // «Профессионал», 2004.09.29]

6) И вот здесь тайна настоящей христианской любви: как бы она ни была возвышенна, как бы она ни уносила нас к Престолу Господню, как бы она ни пламенела небесным пламенем, она должна быть до конца конкретна и до конца выражена на земле. [Антоний (Блум), митрополит Суражский. Апостол Иоанн Богослов]

7) Пилоты не обращали внимания на пламя, охватившее кабину, хотя оно уже прожигало скафандры. [Александр Марков. История современности: Первая жертва // «Знание – сила», 2003]

8) Безграмотные и безответственные действия власти только поддерживают пламя войны и раскручивают маховик ненависти. [ОБРАЩЕНИЕ ПАРТИИ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ РОССИЯ» «В СВЯЗИ С ТРАГИЧЕСКИМИ СОБЫТИЯМИ В МОСКВЕ» // «Независимая газета», 2003.02.12]

9) Там от искры стихийных народных возмущений вспыхнуло пламя. [Юрий Гуллер. Русский бунт, демократический, но беспощадный // «Вечерняя Москва», 2002.03.14]

10) Мы больше не строим коммунизм, не боремся с врагами народа, не несем пламя революционной справедливости в дальние углы планеты, не помогаем национально-освободительному движению поработанных народов. [Семья // «Знание – сила», №1, 2003].

1) Восточные мудрецы тоже приписывали огню особые свойства – очищения и возрождения. [Ольга Соловьева. Огонь // «Трамвай», № 2, 1991]

2) А мы зажжем свечку и будем смотреть на огонь. [Ольга Соловьева. Огонь // «Трамвай», № 2, 1991]

3) С огнем борются не только специалисты, но и простые жители Австралии. [Web-редакция. Лесные пожары охватили Австралию // «Известия», 2001.12.26]

4) К моменту их прибытия большая часть цеха была охвачена огнем. [Максим Варывдин. Пожары в Москве // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.25]

5) Несмотря на то, что тушить очаг возгорания приехало свыше десятка пожарных расчетов, огонь успел полностью

уничтожить кабель, питавший котельную в столичном микрорайоне Косино. [Люберцы могут остаться без света // «Вечерняя Москва», 2002.08.08]

6) Он очень волновался, поскольку на охваченном огнем втором этаже располагалась его студия записи. [Максим Варывдин. Крупные пожары в Москве // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.26]

7) Огнем уничтожено 45 строений, в том числе 10 жилых домов, и 81 тонна грубых кормов. [С. Крюков. Обстановка не радует // «Наша жизнь» (с. Перемышль, Калужская обл.), 2003.01.22]

8) Живой огонь свечи лучше всего [Гороскоп на завтра // «Вечерняя Москва», 2002.04.11]

9) Огонь тоже живой – разговаривать не умеет, а двигаться может. [Неизвестный. Студия «Вулкан» // «Трамвай», № 5, 1990]

10) Вылить в кастрюлю 200 г меда, добавить 200 г сливочного масла и прогреть на огне, пока масло не растает. [Татьяна Геркулесова. Подарки своими руками // «Трамвай», № 2, 1991] (Задание Н.Р. Добрушиной).

5. Найдите синонимы, укажите, являются ли выделенные вами слова синонимами в общенародном языке (какого типа) или синонимичны лишь в данном тексте. В последнем случае восстановите общезыковой синонимический ряд. Определите функции синонимов в отрывках. (Это задание выполняется письменно по вариантам, которые староста определяет соответственно списку группы).

Вариант 1. Подъехали к первому полку. Он разбросался в маленьких, только что вырытых недавно окопах. Да и не окопы это, а какие-то слабенькие сооружения, словно игрушечные карточные домики: насыпана земля чуточными бугорками, и в каждом из них воткнуто по сосновой ветке, так что голову прятали не разберешь куда – не то под ветку, не то за этот крошечный бугорок (Д. Фурманов).

Вариант 2. В соответствии с зычными голосами, чечанной дикцией и торжественным докладом речи создалась картинная пластика, выхоленная жестикуляция и эффектная актерская игра. Начать хотя бы с размеренно-

торжественной поступи актеров. Ведь они не ходят, а шествуют по сцене, не сидят, а восседают, не лежат, а позируют. То же произошло и с движениями, и с общеактерской пластикой... Разве актеры поднимают руки на сцене? Нет, они их воздевают. Руки актера ниспадают, а не просто опускаются, они не прижимаются к груди, а возлагаются на неё, не выпрямляются, а простираются вперед. Кажется, что у актеров не руки, а руццы, не пальцы, а персты, до такой степени движения их образно-торжественны (К.С. Станиславский).

Вариант 3. С утра ещё тянулись нескончаемую вереницею чумаки с солью и рыбой. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались... Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за товаром. Одинок в стороне тащился истомленными волами воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разную домашнюю поклажею, за которым брел, в чистой полотняной одежде и запачканных полотняных шароварах, его хозяин (Н.В. Гоголь).

Вариант 4. (Хозяин при найме управляющего).

– Хапайте не больше тысячи в год... Конечно, без хапанья нельзя обойтись, но, милый мой, мера, мера! Ваш предшественник увлекся и на одной шерсти стилиснул пять тысяч, и... мы разошлись. Конечно, по-своему он прав: человек ищет, где лучше и своя рубашка ближе к телу, но, согласитесь, для меня это тяжеленько. Так вот помните же: тысячу можно... ну, так и быть уж – две, но не дальше!

– Вы говорите со мной, как с мошенником! – вспыхнул Маслов, поднимаясь. – Извините, я к таким беседам не привык...

– Что, папа, нанял управляющего? – спросила Букина его дочь после ухода Маслова.

– Нет, спаси господи и помилуй от честных людей... Если честен, то, наверное, или дела своего не знает, или же авантюрист, пустомеля... дурак, избави бог... Честный не крадет, не крадет, да зато уж как царапнет залпом за один раз, так только рот разинешь... Нет, душечка, спаси бог от этих честных... (А.П. Чехов).

Вариант 5. Представитель (Трактороцентра) остановил первого же колхозника и вступил с ним в беседу. Он хорошо знал деревню по пьесам для самодеятельного театра и умел говорить с мужичком. «Здорово, болезный», – сказал он приветливо. «Здравствуйте», – ответил колхозник. «Давай с тобой, дид, погундосим, – с неожиданной горячностью предложил уполномоченный, – так сказать, покалякаем, побарлякаем. Тоже не лаптем щи хлебаю». Дид, который, собственно, был полудид, потому что имел от роду не больше двадцати лет, шархнул в сторону. «Не замай! – крикнул гость. – Треба помаракуваты». «Чего тебе надо?» – спросил колхозник. Возмущенный бездушностью мужичка, гость перешел на общепринятый язык. «Где тут директор вашей МТС?» (И. Ильф и Е. Петров).

6. Сравните различные авторские редакции текстов. Чем можно объяснить выбор синонимичного слова? В выводах опирайтесь на данные толковых и синонимических словарей. Подумайте, как этот материал можно использовать в школе. Придумайте 1–2 проблемных задания, связанных с авторедактированием писателей.

Вариант 1. Для справок в этом варианте используйте словарь Даля.

Черновая редакция

1. Неслись впрысядку и били круто и крепко своими серебряными подковами тесно убитую землю.
2. Рассказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы.
3. «Скажи епископу от лица всех запорожцев, – сказал кошевой, – чтобы он ничего не боялся: казаки ещё только люльки раскуривают».
4. Жид... точил из бочки горилку.
5. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы.

Окончательная редакция

- ...плотно убитую землю.
 ...рассказы и болтовня...
 «Скажи епископу от меня и всех запорожцев... Это казаки ещё только зажигают трубки».
 ...цедил из бочки горилку.
 ...ещё смотревшие исподлобья...

(Н.В. Гоголь. Тарас Бульба)

Вариант 2.

Черновая редакция

1. – Что он (Печорин) вам рассказывал? – спросила она (Мери) у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости, – верно, очень интересную историю – свои подвиги в сражениях?
2. Я до вечера гулял пешком по окрестностям Машука...
3. – Слава Богу! – закричали многие, – Не заряжен.
4. Убийца заперся в пустой избе на конце станицы.
5. Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какую-нибудь странную выходку...

Окончательная редакция

- ...верно, очень занимательную историю...
- ...бродил пешком по окрестностям Машука...
- Слава Богу! – вскрикнули многие. – Не заряжен.
- ...в пустой хате...
- ...какую-нибудь оригинальную выходку...

(М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Вариант 3.

Черновая редакция

1. С крестьянами и дворовыми обходился он жестоко и своенравно...
2. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное звание...
3. Савельич от радости проговорился...
4. Тощий, бледный, страшный, Редька закрыл глаза, покачал головой и сказал...
5. Дед махал рукой в воздухе и всё говорил что-то, уже уставая и задыхаясь.

Окончательная редакция

- ...обходился он строго и своенравно.
- (Пушкин)
- ...несмотря на его смиренное состояние...
- (Пушкин)
- Савельич от радости проболтался.
- (Пушкин)
- ...покачал головой и изрек...
- (Чехов)
- ...и всё бормотал что-то...
- (Чехов)

Вариант 4.

Черновая редакция

1. Она (мисс Жаксон) догадывалась, что сурьма и белила были похищены из её комода, и багровый румянец гнева пробивался сквозь искусственную белизну её лица...
2. Разбирая его (отца) бумаги, нашел он (Дубровский) только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное; из того не мог он получить ясное представление о деле и решил-ся ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.
3. Что же? Веселитесь – Он гонений Последних вынести не мог...
4. Я как безумный выскочил на крыльцо, вскочил на своего Черкеса...
5. Я обошел хату и подошел к роковому окну...

Вариант 5.

Черновая редакция

1. Удивительная деликатность, чуткость и внимание, но никогда не выходящая из рамок простых, но как будто умышленно будничных отношений...
2. Нет, вся сумма его (Чехова) громадного опыта, всего его огорчения, скорби, радости и разочарования выразились... в мечте... о счастье...
3. Нет, это не была заочная жажда жизни, идущая от ненасытного человеческого сердца...
4. Редко сказывался в его разговорах художник и беллетрист...

Окончательная редакция

...и багровый румянец досады пробивался...

(Пушкин)

...ясное представление о тяжбе и решил-ся ожидать последствий...

(Пушкин)

Что ж? Веселитесь – Он мучений Последних вынести не мог.

(Лермонтов)

...прыгнул на своего Черкеса.

(Лермонтов)

...приблизился к роковому окну...

(Лермонтов)

Окончательная редакция

...из рамок обыкновенных, как будто будничных отношений...

Нет, вся сумма его большого и тяжелого житейского опыта...

...жажда существования, идущая от ненасытного человеческого сердца...

...в его речах художник и беллетрист...

5. Этот удивительно нежный человек не причинил... даже самого маленького зла ничему живущему... ..не причинил сознательно даже самого маленького страдания ничему живущему.

(А.И. Куприн)

Литература

Основная

1. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. С. 94–112 (Проанализируйте определения синонимов из упр. 41 на с. 112).

2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003. С. 78–98.

3. Современный русский язык / под ред. Л.А. Новикова. СПб., 1999.

4. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 193–200.

5. *Апресян Ю.Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1999. Вступительная статья.

6. *Евгеньева А.П.* Словарь синонимов русского языка: в 2 т. М., 1970. Т. 1. Вступительная статья.

Дополнительная

7. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. Гл. 4.

8. *Черняк В.Д.* Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л., 1989.

9. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982.

10. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (см. статьи: *Синонимия, Синонимы, Гипонимия, Эвфемизм*).

11. Русский язык: энциклопедия. М., 1997.

Тема 11

Системные отношения в лексике. Парадигматика. Синтагматика. Деривационные (мотивационные) связи слов

Два основных типа внутрисистемных отношений – парадигматические и синтагматические. **Парадигматика** – со-противопоставление единиц (обязателен общий признак). **Лексическая (лексико-семантическая) парадигма** (от греч. *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») – группа слов, имеющих общие и различные семы. В зависимости от того, как слово представлено в парадигме, различают **внутрисловные** и **межсловные** парадигмы. Примеры **межсловной** лексико-семантической парадигмы: синонимический ряд, антонимическая пара, паронимы, гипонимы, меронимы. Основной элемент – семантическая тема, различительный – дифференциальный признак. В предыдущей лекции мы охарактеризовали такие типы парадигматических отношений слов, как синонимия и гипонимия, теперь рассмотрим другие типы.

Антонимия – соотносительная противопоставленность элементов. Антонимы – слова одной части речи, противопоставленные по самому общему и существенному для их значений семантическому признаку. Этот признак (в отличие от дифференциального признака синонимов) никогда не может быть нейтрализован. Философская основа антонимии – отношения противоположности внутри одной сущности, логическая – противоположные видовые понятия, психологическая – ассоциации по контрасту.

Структурные типы антонимов – **однокорневые** и **разнокорневые**. В первых противопоставление выражается разными основами, во вторых – взаимно противоположными по семантике приставками, присоединяемыми к одной и той же основе (*входить* – *выходить*), либо путем прибавления приставки, придающей слову про-

тивоположный смысл (*справедливый – несправедливый*). Для последней группы проблемный вопрос: можно ли считать антонимами слова с приставкой *не-*. Некоторые ученые (Л.А. Булаховский) считают антонимами только разнокорневые слова, по их мнению, *не-* вносит значение простого отрицания, а не противоположности. Другие (Л.А. Новиков, В.А. Иванова, Д.Н. Шмелев и др.) выделяют две группы антонимов с *не-*:

1) Слова с *не-* занимают промежуточное положение между разнокорневыми антонимами: *хороший – нехороший – плохой; белый – небелый – черный*. Такие ряды характеризуются градуальностью, последовательным нарастанием признака. Средний член выражает ослабленную противоположность, и только крайние – подлинную противоположность – антонимию. Такие слова (*небелый, нехороший, невеселый* и под.) называются **антонимы-эвфемизмы**.

2) Слова с *не-*, которые без остатка членят семантическое пространство: *удачный – неудачный, желание – нежелание, справедливый – несправедливый, вкусный – невкусный, убедительный – неубедительный*. В языке нет другого слова, противоположного первому по корню. Образование с *не-* здесь крайний член ряда и потому отрицание одного признака означает утверждение противоположного. В этом случае такая пара – истинная антонимия.

И разнокорневые (собственно лексические), и однокорневые антонимы встречаются среди разных частей речи. Но первые представлены больше существительными, прилагательными, глаголами, вторые – преимущественно глаголами и прилагательными. Особенно активны глаголы с приставками *в-/вы-, за-/от-, недо-/пере-, под-/от-, при-/у-* и др. По данным М.И. Фоминой, в БАС более 60 слов с *недо-*, многие из которых имеют антонимы с *пере-*. Возникают целые **антонимические гнезда**: *входить – выходить, вход – выход, входящий – выходящий; горький – сладкий, горечь – сладость*.

Особая разновидность однокорневой антонимии – **энантисемия**, или внутрисловная антонимия, антонимия двух значений одного и того же слова. Одна из первых работ на эту тему –

В.И. Шерцль «О словах с противоположным значением (или о так называемой энантиосемии)» – написана в 1883–1884 гг. В.В. Виноградов называл такие слова своеобразными омоантонимами, неустойчивыми омонимами. К антонимам относят их Р.А. Будагов и Л.А. Новиков, как омонимы рассматривает Н.М. Шанский. Внешним выражением энантиосемии являются не корневые или аффиксальные морфемы, а контекст, т. е. характер синтаксических и лексических связей слова в его противоположных значениях. Ср. *просмотреть* – 1) ‘ознакомиться с чем-н.’ *просмотреть книгу, статью, диссертацию); 2) ‘не заметить, пропустить’ (просмотреть ошибку, опечатку); *одолжить* – 1) ‘дать в долг’ (кому?); 2) ‘взять в долг’ (у кого?); *оговориться* – 1) ‘специально’ (я должен оговориться); 2) ‘случайно’ (прошу извинить меня: я оговорился).

Причины возникновения энантиосемии: а) обозначение высшей степени качества (противоположности сходятся!): *жгучий* – мороз и солнце; б) различная оценка явления: *славить* – ‘прославлять’ и ‘ославлять’; *честить* – ‘отдавать честь’ и ‘ругать’.

Семантические классы антонимов

1. **Контрарная антонимия** – антонимы, выражающие качественную противоположность Им свойственны градуальные (ступенчатые) оппозиции, причем полная, истинная антонимия выражается крайними, симметричными членами парадигмы. Ср. *красивый* <*симпатичный, миловидный, невзрачный, неприглядный*> *безобразный*; *молодой* <*нестарый, немолодой, пожилой*> *старый*; *холодный* <*негорячий, прохладный, теплый*> *горячий*. *Красивый* и *безобразный* семантически симметричны. Отношения смежных членов парадигмы – синонимия, несимметричное отношение крайних членов (*изящный* – *страшный, очаровательный* – *уродливый*) – **квазиантонимия**. Квазиантонимами могут быть слова, которые несимметричны не только по семантике, но и по стилистической окраске, и по времени употребления: *здоровье* – *хворь*, *дух* – *плоть* (устар.).

2. **Комплементарная антонимия** – антонимы, выражающие дополительность. Это противопоставление не является градуальным, так как вся шкала представлена только двумя членами: *слепой* – *зрячий*, *истина* – *ложь*, *женатый* – *холостой*, *спать* – *бодрство*

вать, живой – мертвый, без – с. Отрицание того, что обозначает одно слово, влечет утверждение того, что обозначает второе.

3. Векторная антонимия – антонимы, выражающие противоположную направленность: *увеличивать – уменьшать, сгибать – разгибать, беднеть – богатеть, зажигать – гасить, замерзать – оттаивать.*

4. Прагматическая антонимия – небольшая группа слов, в которых противопоставление выражается не чисто семантически, а путем частого образного употребления их в речи: *отцы – дети, земля – небо, рай – ад, душа – тело, ум – сердце.*

Антонимия и полисемия. Возможны следующие соотношения: 1) одно многозначное слово противоположно другому во всех или в некоторых значениях; 2) одно многозначное слово в разных значениях «притягивает» разные антонимы; 3) одно значение одного многозначного слова противоположно другому значению этого же слова (энантиосемия).

Антонимия и синонимия. Черты сходства: и антонимы и синонимы 1) являются разными словами; 2) относятся к одной части речи; 3) входят в одну ЛСГ; 4) вступают в антонимические и синонимические отношения в отдельных значениях; 5) образуют макроструктуры, именуемые синонимическими рядами и антонимическими парами.

Различия:

1. Главное – семантика. И в том и в другом случае происходит со- и противопоставление языковых единиц, но у синонимов противопоставление идет по одному или нескольким дифференциальным признакам, у антонимов – по всему семантическому объему.

2. Синонимический ряд имеет градуальный характер и является открытой структурой, антонимический состоит из двух членов и является закрытым.

3. У антонимов одинаковая стилистическая окраска, синонимический ряд объединяет слова разных стилистических пластов.

4. У антонимов одинаковая сочетаемость, у синонимов – различная.

5. И синонимы, и антонимы обладают свойством совместной встречаемости, но для синонимов это необязательно, а иногда и нежелательно, для антонимов – это критерий антонимичности.

Сходство синонимов и антонимов обуславливает контакты между ними: подавляющее большинство антонимических пар имеет синонимы либо к обоим членам ряда, либо к одному из них. Ср. *бледный* (неяркий, бесцветный, блеклый, тусклый) – *яркий* (густой, сочный, насыщенный, интенсивный, сильный). На Западе выпускаются специальные антонимо-синонимические словари.

Антонимы бывают **общеязыковые, узуальные** (регулярное противопоставление, закрепленное в словарях) и **окказиональные, речевые, контекстные**. «Диагностические контексты» (Л.А. Новиков) антонимов: **не X, а Y**; **X, но не Y** (*Вы молоды, а я стар, Вы богаты, но я беден*); **X, Y** (*Я друзьям моим сказала: горя много, счастья мало; Клянусь я первым днем творенья, клянусь его последним днем*); **X или Y** (*У него было о людях одно-единственное мнение: хорошее или плохое, он или верил, или нет*); **то X, то Y** (*Баба металась около комода и то развязывала на шее теплый платок, то снова завязывала его*); **от X до Y**; **с X до Y**; **от X к Y** со значением охвата всего класса предметов, явления, качества, разделенных на противоположности: *от начала до конца, с утра до вечера*; **X→Y**; **X=Y** со значением превращения одной противоположности в другую, отождествления их (*Все вдруг стало сложным – самое простое; В борьбе враждебной виигрыши одного есть проигрыши другого*); **X и Y** (значение единства противоположностей).

Стилистические фигуры, основанные на антонимах: антитеза, оксюморон, ирония, антифразис.

Конверсия – тип парадигматического соотношения слов, отражение в языке «обратных» отношений с помощью разных слов (ЛСВ), противопоставленные семы которых позволяют таким единицам выражать субъектно-объектные отношения в обращенных высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию. Ср. (1) *Перворазрядник выиграл у чемпиона. – Чемпион проиграл перворазряднику* (антонимы-конверсивы); (2) *У нас вышли все деньги – Мы истратили все деньги* (синонимы-конверсивы); (3) *Брат владеет домом. – Дом принадлежит брату* (собственно конверсивы).

Названа одна и та же ситуация, но представлены разные («обратные») точки зрения говорящего. Конверсия, подобно синонимии и антонимии, – категория ономаσιологическая, однако, в отличие от них, характеризуется неконтактным (неодновременным) употреблением.

Паронимия – парадигматическое отношение частичного семантического сходства однокоренных слов, принадлежащих к одной и той же части речи: *сытый // сытный, абонент // абонемент, факт // фактор*. Самое главное различие – сочетаемость: *сытый человек // сытный обед, использованный абонемент // неаккуратный абонент, поиски выхода // происки врагов, аргументы и факты // фактор страха* и т. п.

Возникновению лексических паронимов способствовали различные внутриязыковые процессы: 1) развитие в словах антонимических значений (*благой // блажной*); 2) дифференциация значений русских и церковнославянских слов (*сыскать // снискать, невежа // невежда*); 3) семантическое или стилистическое разграничение синонимов (*могучий // могущий, бродяжий // бродячий, лежащий // лежащий, стоячий // стоящий, висячий // висящий*); 4) переход некоторых причастий в прилагательные параллельно уже существующим прилагательным, но с сугубо самостоятельным значением (*ловкий // ловчий*); 5) проникновение в общеупотребительную лексику относительных прилагательных, которые в процессе перехода в качественные образовали лексические пары (*расчётный // расчётливый, оборотный // оборотливый*); 6) переход притяжательных прилагательных в качественные и относительные (*генеральский // генеральный, рыбий // рыбный*); 7) разграничение значений бывших вариантов одного слова (*венок // венец, стрелок // стрелец, ларёк // ларец*); 8) образование паронимов от омонимов, возникших в результате полисемии (*кулачный // кулацкий*).

Наиболее надёжный критерий разграничения паронимов – сочетаемость: всегда есть позиции, в которых возможен лишь один из них (паронимы находятся в отношении **дополнительной дистрибуции**).

Типы паронимов по структуре: **корневые** (*штурм / штурм, остатки / останки*), **суффиксальные** (*памятный / памятный, экономический / экономичный, цветной / цветистый*), **префиксальные** (*представить / предоставить, осудить / обсудить, поглотить / проглотить*). Наименее продуктивны корневые. Основной способ возникновения паронимов – морфологический: -ическ/-ичн, -н/-ск, -н/-лив и др. Для паронимов характерно образование

паронимических гнезд: *осуждать/обсуждать, осуждение/обсуждение, осужденный/обсужденный* и т. п.

Изучение паронимов важно для стилистики и культуры речи.

В художественной речи принято говорить о **парономазии** (произвольном звуко-смысловом сближении разных слов): *В поте пишущий, В поте паиущий; Минута – минущая – минешь* (Цветаева); *...Бездомен, как демон, бездымен, как порох, бездумен, бездамен – ни думы, ни дамы* (Антокольский); *Каину дай раскаянье* (Окуджава).

Парономазия – средство выразительности в художественной или в публицистической речи, паронимия – источник ошибок при неразличении дифференциальных признаков слов: *Верней клади ступень ноги, Он щелкнул щиколоткой калитки*.

Меронимия – отношение части и целого: *лицо – ухо, глаз, нос*. Не следует путать с родо-видовыми отношениями (гипонимией). Диагностический контекст меронимов: X – часть Y: *комната – часть квартиры, стебель – часть цветка*.

Особенности парадигматических отношений в лексике (по Д.Н. Шмелеву)

Неоднолинейность. Противопоставление внутри парадигмы может идти не по одному признаку. Так, *канал ↔ море* и по происхождению, и по форме. С другой стороны, *река, водопад, ключ* противопоставлены все вместе *морю, озеру, пруду, водохранилищу* по признаку ‘направленность течения воды’. С третьей, *река ↔ ручью* только по размеру (ср. фонологические оппозиции).

Многоступенчатость. Ряд последовательных парадигм разных ступеней. *Береза – ель – сосна* (‘*дерево*’). *Дерево – куст – цветок* (‘*растение*’). *Растение – животное* (‘*органическая природа*’) и т. д.

Парадигматические отношения между единицами языка представлены минимальными объединениями слов – словесными оппозициями – и максимальными – классами слов, семантическими полями, лексико-семантическими группами (ЛСГ).

Семантическое поле – множество слов, соотнесенных с одной понятийной областью. При этом каждое слово получает смысл только как часть всего поля. Примеры семантических полей: поле

времени, оценок, имен родства, цветообозначений, имен характеров, глаголов побуждения и т. п. Границы таких полей лишены четкости, в них включены слова разных частей речи, которые могут быть представлены прямыми оппозициями, а могут соотноситься только ассоциативно. Ср. семантическое поле «болезнь»: *болеть, боль, здоровье, температура, грипп, лихорадка, врач, больница* и т. п. Особенность поля: наличие ядра и периферии. Ядро – слова, в которых наиболее ярко проявлен общий семантический признак, периферия – слова, в которых этот признак менее ярок и которые могут принадлежать и другим семантическим полям (находятся на их пересечении): названия болезней могут быть отнесены к СП 'здоровье', 'состояние человека' и т. п.). Таким образом, всю лексику можно представить себе в виде непрерывных семантических полей, граничащих и перекрывающих друг друга (вспомните правило шести шагов Ю.Н. Караулова).

Итак, общие свойства семантических полей (по И.М. Кобозевой):

- 1) относительная автономность самого поля;
- 2) непрерывность обозначения его смыслового пространства;
- 3) наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 4) системный характер этих отношений;
- 5) взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц – компонентов поля;
- 6) взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексико-семантической системы – всего словаря.

ЛСГ (лексико-семантическая группа) – семантическое поле небольшого объема. ЛСГ принято выделять в рамках одной части речи (ЛСГ «названия болезней», ЛСГ «симптомы болезни» внутри семантического поля «болезнь»). ЛСГ – группы слов, связанных общностью категориально-лексической семы. Отличие категориально-лексических сем от всех других состоит в том, что они являются также достаточно общими ('предметность', 'действие'), но не имеют формальных показателей.

Особенности ЛСГ (по Э.В. Кузнецовой):

- 1) Иерархическое строение. Единая категориально-лексическая сема уточняется с помощью дифференциальных сем в каж-

дом слове. Существенная особенность – повторяемость, однотипность дифференциальных сем (Э.В. Кузнецова пишет, что категориальная сема «задает» аспекты своего уточнения). Таким образом, все элементы ЛСГ связаны с базовым, опорным словом (содержат *архисему*).

2) Сходство словообразовательных возможностей: в рамках одной ЛСГ реализуются определенные словообразовательные модели. Ср. ЛСГ ‘части тела’: все слова а) сочетаются с приставкой *без* (*беззубый, безрукий*); в) образуют слова способом сложения (*бледнолицый, синеглазый*).

3) Сходство сочетаемости – и лексической, и синтаксической (однотипность синтагматических характеристик). Так, все слова с семантическим компонентом ‘обувь’ сочетаются с глаголами *обуть, разуть*.

4) Регулярная многозначность: у слов, семантически сходных по основным значениям, развиваются одинаковые вторичные значения. *Горячий, холодный, теплый* – о температуре и о приеме, дружеских отношениях. В результате слова одной ЛСГ как бы пересекаются друг с другом на уровне своих вторичных значений, становясь функционально-эквивалентными.

Синтагматические отношения (греч. *syn-tagma* – вместе построенное, соединенное) основаны на линейном характере речи, это последовательность любых языковых элементов, образующих в речи в совокупности более сложные единицы. В лексике синтагма = словосочетанию, синтагматика = сочетаемости. Вспомним разграничение двух статусов слова: слово в языке / слово в речи (слово-ономатема / слово-синтагма). В языке – слово-ономатема, т. е. совокупность форм и значений. В речи – слово-синтагма, содержание которой – *актуальный смысл*. Реализация значения многозначного слова-ономатемы в речи проходит **два этапа**: *семантическое* варьирование (выбор одного из нескольких ЛСВ многозначного слова) и *семное* варьирование – корректировку семного состава словарного значения в соответствии с коммуникативной ситуацией и контекстом.

Соответственно двум статусам слова (слово-ономатема и слово-синтагма) обычно различают *валентность* и *сочетаемость*. **Валентность** – потенциальная сочетаемость, свойство слова-ономатемы. **Сочетаемость** – реализованная валентность, харак-

терная для слова-синтагмы. Сочетаемость – *это информация о требованиях, которые предъявляет слово А к слову В, синтаксически связанному со словом А.*

Три вида сочетаемости (по Ю.Д. Апресяну): морфо-синтаксическая сочетаемость слова А (информация о части речи слова В и о его грамматической форме), семантическая (информация о том, какими семантическими признаками должно обладать слово В, синтаксически связанное со словом А) и лексическая (информация о том, каким должно быть слово В).

Основной закон лексической синтагматики – закон семантического согласования (согласования смыслов), который требует, чтобы сочетающиеся слова имели в своих значениях общие (явные или скрытые) семантические компоненты (синтагмемы). Закон регулирует правильное понимание: выбирается такое осмысление, при котором повторяемость сем была бы максимальной. По сути, понимание переносного значения есть восстановление повторяемости сем, семантической сочетаемости: первая ракетка мира (синтагмама ‘о человеке’); *вчера правительство говорило о борьбе с инфляцией* (‘способность говорить’). Этот закон способствует отбору значений многозначного слова.

Синтагматика – важнейший показатель и стимулятор развития новых значений в слове. Новое значение требует новой сочетаемости, но и нестандартная сочетаемость – сигнал нового значения. Новое значение может быть и фактом языка, и фактом речи, не создающим новых значений.

Третий тип системных отношений в лексике (наряду с синтагматическим и парадигматическим) – так называемые **деривационные** (мотивационные) отношения (лат. *derivatio* – образование, отведение). Это отношения производности слова. Деривация в самом общем смысле – процесс образования одних языковых единиц на базе других. **Семантическая** деривация – возникновение нового значения (*лопух₁ → лопух₂*), **формальная** деривация – возникновение нового слова (*лопух₁ → лопушиный, лопух₂ → лопухнуться* (жарг.)). Результат деривации – появление мотивированных единиц (мотиватором которых является исходная), поэтому деривационные отношения иначе могут быть названы **мотивационными**. Важно отметить, что формальная и семантическая мотивация слова

связаны: если изменяется значение (процесс семантической деривации), то и у родственных (словообразовательно мотивированных слов) тоже с большой вероятностью изменится значение. Ср. *Пы-лать*₁ – ‘гореть’ (*огонь пылает в камине*) → *пылать*₂ – ‘испытывать сильное чувство’ (*пылать любовью, страстью*). То же самое у словообразовательно (формально) производных: *пыл*, *пылающий*. Это обстоятельство дает основание сделать вывод: внутренние и внешние мотивационные моменты в слове сливаются в единую, глубинную ось характеристики значений, которую Д.Н. Шмелев назвал третьим измерением лексики.

В языке (лексике) происходит **непрерывный деривационно-мотивационный процесс** (Н.Д. Голев): с одной стороны, действует тенденция к немотивации (стиранию ВФ слова), с другой – тенденция к мотивации. Слово рождается с живой ВФ, которая необходимо стирается в процессе коммуникации, поскольку препятствует процессу мышления. Однако постоянно и в разговорной речи, и в художественной речи происходит обратный процесс – восстановление ВФ (реальной или вымышленной – народная и поэтическая этимология).

Контрольные вопросы

1. Дайте определение парадигматических отношений единиц языка. В чем специфика лексической парадигматики?
2. Охарактеризуйте основные типы парадигматических отношений слов: синонимию, антонимию, паронимию, гипонимию, меронимию, конверсию.
3. Специфика синтагматических и деривационных (мотивационных) отношений в лексике.

Задания

1. Найдите в тексте все слова, связанные разными типами парадигматических отношений.

Лукашенко справит инаугурацию по-домашнему (потому что зарубежные гости на неё не поехали)

Сегодня в белорусской столице состоится инаугурация Александра Лукашенко. Власть (случайно или намеренно?)

проведет церемонию на Октябрьской площади, где ещё вчера стоял палаточный лагерь оппозиции. Сначала Батка прошепчет по особой 200-метровой красной ковровой дорожке, принесет присягу на специальном экземпляре конституции, произнесет речь. Потом по мостовой промаршируют войска. Военные всех званий (солдаты, офицеры, сержанты и старшины) и всех родов войск (воздушных, морских и сухопутных) эффектно пройдут по брусчатке, эффективно демонстрируя силу и мощь независимого государства. И будут флаги развеваться, а бронзовые наконечники сверкать на солнце (если, конечно, его не закроют тучи). Словом, с «новым» президентом всё пройдет по старому сценарию.

2. Из приведенных ниже слов выберите подходящее и поставьте его в нужной форме вместо многоточия. Назовите парадигматическое отношение, связывающее его с некоторыми словами во фразе и определяющее его уместность.

а) У меня есть несколько знакомых юристов: один прокурор и два... (адвокат, бандит, милиционер, охранник, тюремщик).

б) Он мне после этого не друг, а самый настоящий (враг, приятель, родственник, товарищ, человек).

в) Он педант и ненавидит любую неточность и... (аккуратность, мысль, неаккуратность, поступок, точность).

г) Дерево состоит из корней, ствола и... (зелень, крона, пальма, растение).

д) Хотя он мне давно не начальник, я всё ещё ощущаю себя его... (босс, друг, нижестоящий, племянник, подчиненный). (Примеры из: М.А. Кронгауз. Семантика. Задачи. Задания. Тесты. М., 2006.)

3. Какое лексико-семантическое явление (полисемия, омонимия, паронимия, синонимия, меронимия, антонимия, конверсия, гипонимия) представлено следующими парами слов?

- 1) бережный – бережливый;
- 2) бережливый – экономный;
- 3) экономный (хозяин) – экономный (образ жизни);
- 4) чувство – сострадание;
- 5) править (государством) – править (ошибки);

б) правые – левые (о политических взглядах, политических партиях);

7) продавать – покупать;

8) собака – хвост.

4. В предложении *Трубы передовой колонны играют марш* все слова многозначны. Объясните, как при отборе значений для этого предложения действует семантический закон сочетаемости, охарактеризованный Ю.Д. Апресяном. Как этот же закон «работает» при понимании метафоры? Прокомментируйте с этой точки зрения предложение *Причин для «выздоровления» доллара в этом году нет, хотя специалисты утверждают, что «реанимация» бакаса через пару лет вполне возможна и «зеленый» снова начнет набирать в весе.*

5. У ряда слов в современном русском языке расширилась сочетаемость. Проанализируйте приведенные примеры и установите, как изменилось их лексическое значение:

Успешный человек, бизнесмен; отдых по бюджетным ценам, бюджетная квартира; комфортные отношения, мне с ним комфортно; гуманитарные продукты; рублевая зона; валютный бизнес, валютная проститутка; информационная война, информационное поле, информационное пространство; элитная школа, элитная недвижимость.

6. Л.Ю. Максимов установил следующую закономерность: чем слабее синтагматические связи слова в речи, тем богаче спектр ассоциаций, которые оно вызывает, и наоборот. Почему, на ваш взгляд, так происходит? Чем различаются два фрагмента?

1) *Сейчас ночь. На улице горит фонарь над аптекой.*

2) *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.*

Проанализируйте механизмы языковой игры в стихотворении О. Молоткова «Человеческая комедия», учитывая своеобразие репрезентации парадигматических и синтагматических связей слов в именительном падеже. Попробуйте создать свои тексты на любую тему, поэтические или прозаические, основанные на тех же принципах.

Мама, сказка, каша, кошка,
книжка, яркая обложка,
Буратино, Карabas,
ранец, школа, первый класс,
грязь в тетради, тройка, двойка,
папа, крик, головомойка,
лето, труд, колхоз, солома,
осень, сбор металлолома,
Пушкин, Гоголь, Дарвин, Ом,
Ганнибал, Наполеон,
Менделеев, Герострат,
бал прощальный, аттестат,
институт, экзамен, нервы,
конкурс, лекция, курс первый,
тренировки, семинары,
песни, танцы, тары-бары,
прочность знаний, чет-нечет,
радость, сессия, зачет,
целина, жара, работа,

волейбол, газета, фото,
общежитие, взятка, мизер,
кинотеатр, телевизор,
карандаш, лопата, лом,
пятый курс, проект, диплом,
отпуск, море, пароход,
по Кавказу турпоход,
кульман, шеф, конец квартала, цех,
участок, план по валу,
ЖСК, гараж, квартира,
теща, юмор и сатира,
детский сад, велосипед,
шашки, шахматы, сосед,
шашлыки, рыбалка, лодка,
раки, пиво, вобла, водка,
сердце, печень, лишний вес,
возраст, пенсия, собес,
юбилей, банкет, награда,
речи, памятник, ограда.

7. Какую тенденцию в плане мотивации демонстрируют названия цвета предметов декоративной косметики (помада, лак для ногтей) в одном из современных каталогов: *ягодный чизкейк, земляничный крем, клубничный мусс, мраморная роза, снежок, крем-овый мокко, сладкая корица*. Можно ли, на ваш взгляд, догадаться о цвете продукта? Что при выборе наименования важно для составителей каталога?

8. Какой процесс демонстрируют распространенные в разговорной речи шуточные преобразования слов: *филолух, метеоролух, импузантность, общежутие, интём, дефектив, брехинг, чубаучер, прихватизация, демокрады, истребьютер* и под.?

9. Продемонстрируйте все три типа системных отношений на примере многозначного слова *легкий* (первые пять значений по МАС). Укажите парадигматические, синтагматические и деривационные связи каждого лексико-семантического варианта.

Образец

Короткий. 1. Небольшой в длину.

Парадигматические отношения: антоним *длинный*.

Синтагматические отношения: *короткие волосы, пальто*.

Деривационные отношения: *короткий* – *укоротить* (формальная мотивированность).

2. Непродолжительный по времени.

Парадигматические отношения: синонимы *недолгий, краткий*, антоним – *долгий*.

Синтагматические отношения: *короткое время, лето, встреча*.

Деривационные отношения: *краткосрочный, сократить* (пребывание) – формальная мотивированность; *короткий*₂ (день) ← *короткий*₁ (пиджак) – семантическая мотивация.

Подготовьтесь к контрольной работе по этой теме.

Образец заданий контрольной работы

1. Назовите лексико-семантические категории, представленные приведенными словами.

2. Проиллюстрируйте три типа системных отношений в лексике на примере ЛСВ указанного слова.

3. Определите тип синонимов и их функцию, структурный и семантический тип антонимов.

4. Приведите пример дифференцирующих контекстов для указанных слов-паронимов.

Литература

Основная

1. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 5–20. Гл. III.

2. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989. Гл. V–VI.

3. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 98–106. Гл. 7.
4. *Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2001. С. 168–185.

Дополнительная

1. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982. § 49–61.
2. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006. С. 52–55.
3. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология (на материале русского и французского языков). М., 1977. С. 23–28.
4. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974. С. 11–14.
5. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
6. *Максимов Л.Ю.* Народная этимология и её стилистические функции // Русский язык в школе. М., 1982. № 3.

Тема 12

Происхождение лексики русского языка

Контрольные вопросы

1. Состав лексики по происхождению: исконно русская и заимствованная лексика.
2. Понятие «исконно русская лексика», её состав (индоевропейские слова, общеславянские слова, восточнославянские слова, собственно русская лексика).
3. Лексика иноязычного происхождения в составе современного русского языка. Понятие заимствования. Источник заимствования.
4. Заимствования из славянских языков. Старославянизмы. Их признаки и стилистическая роль в современном русском языке.
5. Заимствования из неславянских языков. Внешние признаки заимствований. Тематические группы заимствованных слов.
6. Причины заимствования (языковые и внеязыковые). Пути перехода слов из одного языка в другой. Освоение заимствованного слова в системе русского языка. Варваризмы и экзотизмы.
7. Кальки, их разновидности. Полукальки.
8. Процессы заимствования и освоения иноязычных слов в последнее десятилетие. Понятие о пуризме.

Задания

1. С помощью этимологического словаря установите, какие из перечисленных слов являются индоевропейскими, общеславянскими, какие – восточнославянскими и какие – собственно русскими.

Белка, вдуматься, внук, вилы, ветла, гончар, гречиха, гнедой, грузчик, дверь, дядя, два, зеркало, зодчий, закоулоч, каша, кошка, клубника, кочегар, молоко, морока, мужчина, лекарь, луг, лодка, лентяй, одиннадцать, скряга, сутки, чет-верг, чересчур, шаг, шило, шуба, ястреб.

2. Разграничьте исконно русские слова и старославянские. Назовите признаки старославянизмов.

Пища, ровный, сопровождать, озеро, порох, сохранить, ладья, висячий, молодость, равный, единый, властитель, брат, богатство, красота, странствие, огород, древесный, след, освещение, сидящий, небо, низвергать, горячий, воскресить.

3. К приведенным старославянизмам подберите соответствующие исконно русские слова. Установите различия в значении, стилистической окраске и сфере использования этих вариантов.

Враг, влачить, глава, бразды, брег, древо, пещера, нрав, ночь, невежда, надежда, падеж, глад, страна, гражданин, храбрый, страж, млечный.

4. Какие изменения (фонетические, морфологические, семантические) претерпели заимствованные русским языком следующие слова? Обратитесь к этимологическому словарю и словарю иностранных слов.

Pull-over (англ.), *regisseur* (фр.), *antipodes* (греч.), *boulevard* (фр.), *harf* (нем.), *kathedra* (лат.), *гомонута* (греч.), *cow-boy* (англ.), *nocturne* (фр.), *sky-scraper* (англ.), *Flagge* (нем.), *Jagdtasche* (нем.), *suite* (фр.), *humour* (англ.), *coria* (лат.).

5. Найдите общие составные части в следующих группах иноязычных слов и определите их значение в языке-источнике.

Абазжур, дежурный, журнал, журфикс; бинокль, монокль, окуляр, окулист; акрополь, акробат; амфитеатр, амфибия; баскетбол, футбол; велосипед, педикюр; полиглот, полиграфия; спортсмен, боцман.

6. Укажите значения следующих греческих и латинских словообразовательных элементов. Назовите слова русского языка, употребляющиеся с этими элементами.

Авиа... (лат.), *агро...* (греч.), *аква...* (лат.), *антроп...* (греч.), *библио...* (греч.), *белл...* (лат.), *вит...* (лат.), *глоб...* (лат.), *гастро...* (греч.), *гемо...* (греч.), *(г)ипп...* (греч.), *...крат* (греч.), *мел...* (греч.), *орфо...* (греч.), *прото...* (греч.), *ман...* (лат.), *фоно...* (греч.), *...фор* (греч.), *фил...* (греч.), *скрипт...* (лат.), *форт...* (лат.), *эkv...* (лат.), *мон...* (греч.).

7. Проверьте себя: дайте краткое толкование или синоним к иностранным словам.

Нуворши, субкультура, аудит, депортировать, перманентный, форс-мажор, плебисцит, конъюнктура, реноме, мезальянс, охлократия, истеблишмент, ареал, прерогатива, стагнация, конформизм, инфантилизм, юрисдикция, гешефт, этаназия, шовинизм, приватный, паблисити, brutальный, метросексуал, культуртрегер, кейтеринг.

8. Филолог М. Эпштейн высказывал опасение, что русскому языку грозит переход на латиницу: «Русский язык наводняется английскими словами, которые предпочтительно писать и читать на латыни, где их корень и смысл прозрачны. Скажем, такие расхожие спортивные словечки, как “армрестлинг” (armwrestling), “бодибилдинг” (bodybuilding) и “виндсерфинг” (windsurfing), намного лучше выглядят на латинице, чем на кириллице, как и слова “шоу”, “менеджмент”, “экаунтинг”». Как вы оцениваете подобную перспективу? Насколько, на ваш взгляд, уместно соединять в СМИ, в урбонимике (городских названиях) латиницу и кириллицу? Приведите свои примеры и прокомментируйте их.

9. Проанализируйте особенности употребления заимствованной лексики в языке СМИ (насколько уместны заимствованные слова, как они поясняются?).

1) Но чем ближе 4 ноября, день выборов, тем дальше отходят на задний план программы и политика и тем больше всё сводится к image – «имиджу» – образу кандидата.

2) На экраны выходят сразу два корейских блокбастера, оба – в жанре триллера, саунд в них под стать саспенсу, имеет смысл посмотреть и сравнить с традиционными японскими якудзамоно.

3) В качестве вазы подойдет любая низкая плошка, в которую можно поместить ксизан – игольчатый держатель для фиксации стеблей...

4) Раньше те, кто имел право претендовать на государственную квартиру, распределялись примерно в такой пропорции: треть – бедные рабочие семьи, треть – пожилые люди, ещё треть – семьи, находящиеся на «взлфере», то есть на государственном пособии...

5) Профессия имиджмейкера (по-простому, творец вашего публичного образа) очень важна в шоу-бизнесе.

6) Слово карджекинг образовано по аналогии с «хайджекинг», означающим угон самолета ... карджекинг – это когда вооруженные преступники подходят на улице к приглянувшемуся автомобилю, приставляют дуло к виску водителя и предлагают ему убраться из собственной машины...

7) Чтобы промотировать свой новый альбом, группа... (из речи ди-джея).

8) Талант в комедии – он более эксклюзивен, чем в экшн (К. Эрнст. ОРТ).

9) Русская интеллигенция сильно дезавуировала в период перестройки (Из интервью режиссера В. Меньшова).

10. Приведите свои примеры неуместного или некорректного, на ваш взгляд, употребления новых заимствований в языке СМИ и рекламе.

Литература

Основная

1. *Фомина М.И.* Лексикология современного русского языка. М., 1978.

2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003. С. 162–202.

3. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 234–272.

Дополнительная

1. *Винокур Г.О.* О славянизмах в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1958. С. 443–458.

2. *Какорина Е.В.* Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 137–157.

3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.

4. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 142–161.

5. Электронная энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru>, свободный (см. статьи: *Заимствование*, *Калька*, *Неологизм* и др.).

Словари

1. *Шанский Н.М. и др.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

2. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов. Л., 1981–1987. Т. 1–2.

3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.

4. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов. М., 2007.

Тема 13

Лексика ограниченного употребления. Стилистическая дифференциация лексики

Социолингвистический подход к изучению лексики предполагает классификацию слов с учетом признаков, обусловленных факторами внеязыкового, социально-исторического характера. Это характеристика слов с точки зрения **происхождения** (исконно русские / заимствованные), **степени употребительности** (принадлежность к активному / пассивному запасу) и **сферы употребления**.

По сфере употребления различают общепарадную лексику и лексику ограниченного употребления. Само понятие ограничения употребления дифференцируется в зависимости от характера ограничения: ограничение территориальное – *диалектизмы*, ограничение профессиональной средой – *термины* и *профессионализмы*, ограничение социальной средой – *жаргон* и *арго*. И.А. Бодуэн де Куртене: «Всякое племенное языковое целое разнообразится в различных направлениях. Прибегая к образному, неточному выражению, можно бы сказать, что здесь имеет место распадение по вертикальным и горизонтальным наслоениям. С одной стороны, с чисто племенной, территориально-этнографической точки зрения получается деление на говоры в строгом смысле этого слова, на говоры, отличающиеся между собой прежде всего произношением, т. е. фонетическими особенностями. С другой стороны, в языковом разнообразии отличаются различия специальностей, сословий, уровней образования и т. п., подобного рода разнообразие сказывается и в употреблении слов со своеобразным значением, и в своеобразном языковом мировоззрении».

Термины *жаргон* и *арго* близки по значению уже в той терминосистеме, где они возникли – французской лингвистике. Если всё же попытаться найти различия, то они состоят в следующем.

Жаргон – принадлежность открытых социальных и профессиональных групп людей, характеризующихся общностью интересов (жаргон филателистов), профессий (жаргон программистов, летчиков, медицинский), положения в обществе (жаргон русского дворянства XIX в.), возраста (молодежный жаргон).

Арго – принадлежность относительно замкнутых социальных групп и сообществ. Основная функция арго – быть средством обособления, отделения от остальной части языкового сообщества. В строго терминологическом смысле арго – речь низов общества, деклассированных элементов: нищих, воров, картежников (В.М. Жирмунский: «По сравнению с жаргоном “честных” профессий арго свободно от узкой профессиональной специализации. Сама “профессиональная деятельность” деклассированных имеет более широкий и неопределенный характер и обнимает различные стороны быта и общественной деятельности. Благодаря этому словарь арго шире, чем словари других жаргонов – он обнимает все те стороны жизни, с которыми входит в соприкосновение деклассированный»). Раньше арго называли условные, или тайные, языки старых профессий (офени, жестянщики, портные, валяльщики). Ср. у пензенских валяльщиков: *Сивоха сивонит лоха – Стужа морозит мужика. Приердали на ловаке – Приехали на лошади*. Пример показывает, что жаргон и арго отличается от общенародного языка особой лексикой и фразеологией. Нет особой фонетики, грамматики, синтаксической системы, т. е. это не особые языки, а своего рода социальные диалекты. Причем арго уже, чем жаргон.

В отношении проблемного вопроса «Можно ли считать принцип “тайности” основным для арго и жаргона?» позиции исследователей противоположны. Положительно на него отвечают В.М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов, В. Стратен, С. Копорский, рассматривая жаргон и арго как «речь, предназначенную для передачи профессиональной информации, к тому же такой, чтобы в неё не вник посторонний» (В.М. Жирмунский).

Иное мнение у Д.С. Лихачева: «Называть воровскую речь тайной только потому, что она нам непонятна, так же наивно, как и называть иностранцев “немцами” только потому, что они говорят на языке туземцев. Так же наивно предполагать, что вор может сохранять конспирацию, разговаривая на своем “блатном языке”. Во-

ровская речь может только выдать вора, а не скрыть задуманное им предприятие: на воровском языке принято говорить между своими и по большей части в отсутствие посторонних». А как думаете вы?

Корни аргю и жаргона – экстралингвистические и собственно языковые. Языковые – «коллективная игра», «результат свойственного человечеству желания позабавиться» (О. Есперсен). Д.С. Лихачев рассматривал присутствующую в аргю эмоцию смешного как социальную эмоцию: «Цель аргю – высмеять враждебную стихию», «Арготическое слово есть не только защитная, но и “убегательная” реакция. В арготическом слове мы имеем как бы “переключение рубильника”, выключающего мышление и дающего выход эмоциям». Во время Великой Отечественной войны предметы вооружения называли именами бытовых предметов и наоборот (милитаризация быта): *керосинка*, *ишачок*, *этажерка*, *уточка*, *аннушка* (марки самолетов) – *разводящий* (половник), *наступательные* (мясные щипцы) и т. п.

Таким образом, существенная особенность жаргонного слова – яркая эмоциональность, часто оценочность.

Аргю и жаргон не только язык, но и в определенном смысле идеология. С. Снегов пишет: «Оскорбление как гносеология: презрение к человеку, отрицание всего нравственного, честного в блатном жаргоне», «жаргон видит в речи исключительно сквернотину и со злорадностью её живописует», «если некое X может быть охарактеризовано признаками А, Б, В, Г, Д, Е и ведомо, что А и Е восхваляют X, а В и Г описывают с холодным равнодушием, Д позорит, то вор выберет в качестве характеризующего словечка именно Д. Так появляются словечки-оскорбления: *гад* – милиционер, *вишивка* – бедняк, *битый* – опытный, *придурок* – лагерный служащий, *зверь* – кавказец, *олень* – северный человек, *упасть* – влюбиться. Языки мира изучены подробнейшим образом с точки зрения лексики, семантики, грамматики, синтаксиса. Но... их не изучали как моральную систему, как этическую философию. А жаль. Я попробовал это сделать. Думаю, что язык, в котором 50 синонимов глагола *украсть* и только 5 – *зарабатывать*, 100 оскорбительных названий человека вроде *дурак*, *мерзавец*, *негодяй* и т. д. и только 10 восхваляющих его – такой язык зарождался во времена социального антагонизма. *По своей философской сути блатной язык антиморален*».

Как возникают жаргонные слова? Самый распространенный способ – формирование переносного значения (метафора и метонимия). Ср. *коробка* – морск. *корабль*; строит. – *остов здания*; военн. – *танк*. *Парик, борода* – рыболов. *спутанный клубок лески*.

В арго могут быть и заимствованные слова: а) относящиеся к жаргону в языке-источнике (*блат* – польск. «укрыватель краденого», *капать* – польск. «выдавать», *амба* – итал., *хаза* – нем.); б) не относящиеся к жаргону в языке-источнике (*канать* – укр. «бежать», *бан* – нем. «вокзал»). Есть и лексические кальки – *засыпаться* (польск.), *провалиться* – нем.

И для жаргона, и для арго характерна постоянная изменчивость. Так, по данным ученых, молодежный жаргон обновляется примерно на 1 % в год. В своей периферийной части он существенно изменяется за 5–6 лет, когда подрастает новое поколение молодежи, за 10 лет процесс обновления становится заметным, причем обычно появляется несколько новых жаргонизмов, которые пополняют коммуникативное ядро жаргона. Наконец, отмечается, что до половины словника носит местный или региональный характер.

Лексика различных жаргонов может частично совпадать, образуя так называемый *интержаргон*, или *сленг*. Особенно активен этот процесс в 20-е гг. и в конце 90-х.

Под **сленгом** понимается общенациональный жаргон, т. е. совокупность общеизвестных лексических и фразеологических единиц, носящих сниженный стилистический характер и обладающих экспрессивностью. Жаргонный характер таких единиц осознается носителем языка, но вместе с тем осознается яркость, сочность, экспрессивность такого слова, что и побуждает говорящих к его употреблению. Причем, несмотря на явно жаргонный характер таких слов, их невозможно отнести к одному какому-нибудь жаргону – возрастному, социальному или профессиональному. Они общеизвестны, общеупотребительны: *бардак*, *баксы*, *бодун* (с *бодуна*), *врезать* (пить), *деляга* («представитель теневого бизнеса»), *дернуться* («попытаться что-н. сделать»), *завал* («трудное положение»), *задолбать* кого-н. («замучить приставаниями»), *залететь* («попасть в неожиданно трудное или щекотливое положение»), *крутой* («выделяющийся в чем-л. в положительную сторону»), *клеить* кого-н. («ухаживать»), *оттягиваться* («расслабляться»), *мент*,

попса, порнуха, пузырь, слупить ('взять лишние деньги'), *совок* (пренебр. 'всё типичное для периода СССР'), *хата, алкаш, отстегивать, достать, расколоть* кого-л. на что-л. ('заставить купить что-л. '), *разборка, трахаться, наезжать, пофигизм, расклад* ('положение дел'), *пушка, тормоз* ('человек, который медленно сообщает и тем затрудняет деятельность других'), *хряпнуть, тянуть, клюкнуть, напряженка, наварить, инобель* ('большой, обычно уродливый нос'), *кайф, заколебать* кого-л. ('надоесть приставаниями') и др. Примеры сленговой фразеологии: *дохлый номер, козе понятно, на халяву, не тянуть на что-н., кого-н., вешать лапшу на уши, капать на мозги, мозги парить, по жизни, в упор не видеть, дать по мозгам, выкинуть финт, крыша поехала, ушами хлопать, до потери пульса, подсесть на кого / что-то, чисто трактором, с прибабахом, раскатать губу* и под.

В иерархии стилистических пластов сниженной лексики сленг занимает место ниже пласта разговорной лексики, но выше пласта просторечной, жаргонной, диалектной. Сленг – промежуточное звено между общеупотребительной разговорной лексикой и сниженной лексикой ограниченного употребления. Сленговые единицы могут переходить в разряд разговорных: *крутой, попса, тачка, менты, баксы* и др. Переход в просторечный слой общенародного языка сопровождается их деспециализацией. Ср. *туфта* (простор. «обман») из арготического *тахта* – узелок с бумагой в виде пачки денег. *Для мебели* (простор. «зря, впустую») – из жаргона шулеров – сообщники в карточной игре, не умеющие применять шулерские приемы, но необходимые для увеличения числа партнеров. Из арго пришли фразеологизмы *на арапа, крыть нечем, втирать очки, завести вольнку, вольнить, на полном серьезе* (актерск.), *верняк*. Ср. судьбу слова *халтура*: 1) церковн. «служба по покойнику, происходящая на дому, ускоренно, в сокращенном виде», т. е. легкий заработок → 2) воровск. – кража в доме, где находится покойник → 3) интержаргон – актеры, музыканты «легкие деньги» → 4) просторечие.

Термин (лат. *terminus* – предел, граница) – слово или словосочетание специального языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов.

Термин отличается от любого другого слова прежде всего функционально. Г.О. Винокур: «Термины не особые слова, а только слова в особой функции», «в роли термина может выступать каждое слово, как бы ни было оно тривиально». Основная функция термина – дефинитивная (определительная), по В.В. Виноградову. Термин *не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему как бы приписывается, прикладывается*. И в словарях термин *не толкуется*, а именно *определяется*, поэтому нельзя говорить о лексическом значении термина в общепринятом смысле слова. Значение термина (в некоторых работах предпочитают термин *сохранение*) – это дефиниция понятия, которое ему приписывается.

Отличие термина от обычного слова:

1) Значение любого слова в языке определяется, как мы уже не раз говорили, с одной стороны, его предметной отнесенностью, с другой – соотношением с другими знаками языка. В термине главенствующей является связь знака с реальией (и понятием). Если неизвестно понятие, то неизвестен и термин – никакие синонимические или антонимические связи неспособны помочь его установить.

2) Значение знака-термина определяется, с одной стороны, объективным содержанием понятия, с другой – тем субъективным, сознательным началом, которое вносит исследователь, уточняя границы понятия (*Будем называть синонимами или Одни называют это семантическими синонимами, другие квазисинонимами*).

3) Знак-термин лишен возможности переноса значения – нельзя говорить о прямом и переносном значении термина.

4) В составе языка науки термины не имеют коннотации. Им свойственна «интеллектуальная чистота» (Г.О. Винокур). Термин может появиться в результате метафорического переноса, но, став термином, он утрачивает семантическую связь с породившим его словом и – соответственно – прагматический макрокомпонент значения: *шейка* (бедро), *лопатка*, *ложечка*, *чашечка* и подобные медицинские термины.

Наиболее дискуссионными являются вопросы о том, допустимы ли в области терминологии полисемия, омонимия, синонимия, антонимия. С одной стороны, природа знака-термина требует определенности, т. е. однозначного соответствия означающего и означаемого, и, следовательно, препятствует указанным явлениям. С другой, термины, входя в состав данного национального языка,

испытывает влияние общих законов лексико-семантической системы языка. Поэтому будем говорить об особенностях указанных явлений.

Полисемия. В терминологии нет метафорических переносов. Очень редко встречаются метонимия и синекдоха. Ср. *верстка* – 1) один из этапов полиграфического процесса; 2) первый корректурный оттиск.

Лингвисты неоднократно пытались вмешаться в этот процесс, соотнести смысловое разграничение с разными словообразовательными суффиксами (-ние, -к(а): *шифровка* и *шифрование*, *облицовка* и *облицовывание* и т. п.), но не все пары слов подчинились этому диктату. Наиболее активно развивается многозначность у отглагольных существительных по модели 'процесс – результат' и у отвлеченных имен по принципу 'общее – частное': *химия* – *химия боли*, *лингвистика* – *лингвистика текста*.

Омонимия. Наблюдается между терминами разных терминосистем – межнаука омонимия. *Реакция* – 1) химия, 2) физиология, 3) политика. *Ассимиляция* – 1) этнография, 2) лингвистика. Причина такой омонимии – разошедшаяся полисемия. Другими способами терминологические омонимы не возникают. Некоторые ученые рассматривают в качестве омонимов и термины в сравнении со словами общенародного языка (*лопатка*, *шейка*), другие в этом случае говорят о заимствовании.

Синонимия. Терминологии несвойственна семантическая и стилистическая синонимия. Основной вид – дублетность. Синонимия русских и заимствованных терминов (*лингвистика* – *языкознание*), словесного выражения и его символического обозначения (*вода* и H_2O), аббревиатуры и словосочетания (*КПСС* – *коммунистическая партия*). Основные функции терминов-синонимов – замещение и уточнение.

Антонимия. Чрезвычайно распространена, даже в большей степени, чем в нетерминологической лексике. Причина кроется в природе научных понятий: «Никогда не возникало понятие в языке, которое одновременно не носило бы в себе свою противоположность» (Ф. Нуаре). Два типа терминов-антонимов – лексические и словообразовательные. Лексические: *низкое* и *высокое* (давление, температура), *северный* и *южный* (полюс), *глухие* и *звонкие* (со-

гласные). Словообразовательные: *конечная* – *бесконечная* (скорость), *частица* – *античастица*.

Происхождение терминов: 1) из общелитературной лексики (*луч, свет, звук, пространство, материя, предложение, слово*); 2) заимствование; 3) словообразование; 4) из диалектной лексики (*тундра, сопка, хребет, зубатка, серебрянка* (рыбы)); 5) из просторечия (*пузо* – выпуклый парус, *буза* – аморфная масса из органического вещества).

Термины одной науки объединяются в терминосистему. Теория терминологического поля создана А.А. Реформатским. Поле для термина – это вся терминология данной области науки. Вне её термин теряет свое качество термина. Терминологическое поле идиоматично (специфично) для каждой науки. Оно покрывает всю систему понятий данной области науки. Следовательно, термин связан парадигматически, для него существенно со-противопоставление элементов терминосистемы. Синтагматически термин закреплен очень мало. Он безразличен к контексту. Невозможны контексты, в которых бы актуализировались дифференциальные признаки этих слов (дублетность).

Переход некоторых терминов в разряд общеупотребительной лексики проходит три этапа (Э.В. Кузнецова): расширение употребления терминов в СМИ (*дикий рынок, рублевая зона, покрытие, экономическое / информационное / правовое пространство, банк данных, экологические преступления* и т. п.) → переосмысление термина, необычный контекст, переносное значение (*планктон аферистов, экология музыки, духа, языка, алгоритм успеха, предпринимательства*) → полная детерминологизация, термин утрачивает и свое специальное значение, и свою экспрессивность, становится одним из производных значений общеупотребительных слов (*реакция, контакт*).

Профессионализмы – дублеты научных и технических терминов, не составляющие замкнутой системы. Профессионализмам, как правило, свойственна некоторая живописность, образность: *тормозок* (‘завтрак’ у шахтеров), *баранка* (‘руль’ у водителей), *кипелка* (‘негашеная известь’ – у строителей).

Стилистическая окраска слова – информация об употреблении слова, о типе контекстов, в которых оно возможно: *башко-*

витый, звездануть, кляча ↔ ланиты, внемли, инвестор, менеджмент, демаркация. Эта информация тесно переплетена с коннотацией, т. е. с оценочностью и эмоциональностью: обычно сниженная стилистическая окраска маркирует слова с отрицательной эмоциональной оценкой, семантика слов *входящие, исходящие, ходатайство, клиент* предсказывает их функционирование (и, значит, функционально-стилистическую окраску). Однако есть и существенное различие: эмоционально-экспрессивная коннотация органически свойственная языковой единице, неотделима от значения, тогда как функциональная обусловлена преимущественным употреблением языковой единицы в той или иной сфере общения. Три типа стилистической окраски слов литературного языка: слова **нейтральные** (межстилевая лексика), **книжные** (характерные для книжной, письменной речи и так называемых книжных стилей – научного, официально-делового, публицистического), **сниженные** (разговорные, разговорно-просторечные). Важно отметить: в разговорной речи вовсе не обязательно употребляются слова исключительно разговорные, а в публицистическом стиле – книжные. Однако если у слова в словаре есть помета *книжн.*, это означает, что оно предназначено для функционирования именно в книжно-письменной речи (хранит память об этих контекстах).

Активные процессы в современной стилистической системе.

Межстилизация (стилистическая нейтрализация лексики). Этот процесс может иметь двойную направленность: разговорное или просторечное слово повышает свой стилистический статус и становится нейтральным либо, напротив, книжное, высокое слово утрачивает стилистическую окраску. Результатом того или иного процесса является переход слов из стилистически окрашенных пластов лексики в межстилевую. Исследователи отмечают, что стирание книжной стилистической окраски, а также таких компонентов, как *спец.* и *терминол.*, связано прежде всего с увеличением частотности определенных разрядов книжной лексики, ранее функционировавших в ограниченных коммуникативных сферах и использовавшихся преимущественно образованными слоями общества, в основном в письменной речи: *инцидент, акция, коммерция, коммерсант, прецедент, компрометировать, конфиденциально,*

скрупулезно, ходатайствовать, уполномочивать, эксперт, компетенция, компетентность, констатировать, приоритет, валовой продукт, оптовые цены, дивиденды, инвестиции, приватизация, консенсус, феномен, апеллировать, фальсификация, электорат, нитраты, экология, спонсор, акция, лазер, персональный компьютер, ксерокс, офис и т. п.

Здесь важно отметить, что процесс межстилизации и сопровождающее его увеличение частотности употребления бывших книжных слов приводит к многочисленным ошибкам в произношении, ударении, употреблении таких слов, что требует значительных усилий филологов и журналистов.

Другая разновидность процесса стилистической нейтрализации (межстилизации) представлена повышением стилистического статуса ряда слов – стиранием разговорной окраски. Исследователи выявили большое количество разговорных единиц, которые в новых словарях утратили помету *разг.*: *ватник, гнилье, горняк, очко-втиратель, оригинал, посредственность, половник, пустослов, расческа, гребешок, топчан, спиртное, скотина, специалист, счастличик, бездельник, рыболов, ветреник, пластинка, медик, беловик, столетник, квартирант, колючка, лавка, книжка* и мн. др.

Следующий процесс – **коллоквиализация** – процесс расширения пласта разговорной лексики и повышение частотности использования разговорной лексики в речи. Здесь мы наблюдаем движение снизу вверх, процесс «разгерметизации» жаргонных слов вследствие возрастания частотности их употребления прежде всего в СМИ. Так, в современном русском языке явно наблюдается переход многих жаргонных слов в разряд разговорных. Фактически разговорными стали единицы солдатского жаргона *дембель, де-довщина*; милицейские жаргонизмы *бомж, опер*; уголовные жаргонизмы *шестерка, стукач, мент*.

Контрольные вопросы

1. Что такое «стилистическая окраска слова», как она соотносится с коннотацией в узком смысле (оценочностью и эмоциональностью)? Обязательно ли строгое соответствие между этими явлениями?

2. Какими признаками обладает межстилевая лексика?

3. Докажите, что основой стилистической дифференциации лексики является категория синонимии. Симметрично ли стилевое расслоение лексики: можно ли представить себе, что для выражения определенного понятия существуют единицы во всех стилях речи? Приведите примеры, используя синонимический словарь.

4. Ограничивается ли стилистическая парадигма только тремя членами (книжный – межстилевой – разговорный)? Возможны ли градации внутри крайних членов парадигмы?

5. Являются ли старославянизмы, заимствования, архаизмы, термины, жаргонизмы стилистическими явлениями или же они выделяются на других основаниях? Если не являются, то какое отношение они имеют к стилистической дифференциации лексики?

Задания

1. Подберите к межстилевым словам стилистически окрашенные синонимы: *голова, худой, определение, скульптор, приговор, бояться, спать, множество, смеяться, умный, учить*.

2. Укажите, в каких значениях приведенные слова являются стилистически нейтральными, а в каких – приобретают стилистическую окраску. Приведите 2–3 своих примера такого рода слов: *сухарь, лопух, координаты, жучок, фонарь, загорать*.

3. Найдите стилистический разноречивый в предложениях, взятых из сочинений абитуриентов.

1) Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский... что же они такого увидели в обычной русской бабе?

2) Автор использует сон Татьяны, чтобы оповестить читателя о «преданьях старины», о вере людей в предсказания, сновиденья.

3) Семья Мармеладовых голодует.

4) Шикарные дамы, кавалеры, а на столах много всякой пищи.

5) Чичиков маленько отличается от других героев.

6) Лиза («Горе от ума») боится потерять свое служебное положение.

7) У Пушкина маленький человек – молодой парень, которого отец отправил в армию.

8) В прошлом году к нам в класс пришла женщина и поведала нам, что её детям-первоклашкам не в чем ходить в школу.

9) (О Чехове) Его кратенькие рассказы – целая энциклопедия.

10) Мне стало завидно, когда я услышала от подруги о дружбе у них казахов и русских.

11) Если говорить по бывшему СССР, его кумирами были герои труда, покорители космоса.

12) Тихон Кабанов – наивный алкаш, не способный на мужские поступки.

13) Потом он сел в кресло, скурил сигарету и выстрелил к себе в виски.

14) Все детективы были маленько и юристами.

15) Гоголь хотел собрать всех и за одним разом посмеяться.

16) (О наркомании) Однажды, словив этот кайф, человек не остановится.

17) Тяжелые каменные стены, неухоженность жилого помещения – всё это начиная с начала пьесы создает угнетающий настрой на дальнейшее знакомство с этим произведением.

18) О человеке всегда судили по его работе, а не по одеже.

19) Книги классиков важны для пользователей, особенно для маленьких, которые впервые приходят в библиотеку.

20) Грушницкий неоднократно наезжал на Печорина.

4. В последнее время в Интернете появились языки так называемых «падонков» и «преведов»: <http://izvestia.ru/lpage/article3092421>; <http://www.aif.ru/online/spb/659/15>

Что это такое с точки зрения социолингвистического подхода (язык, стиль, жаргон)? Как вы относитесь к их существованию: угроза для русского языка? детская болезнь?

5. Определите стилистическую функцию жаргонных слов, употребленных в медиатекстах. Сделайте стилистическую правку.

1) Впрочем, читая Донцову, убеждаешься, что богачи в российском варианте отличаются от простых смертных не только количеством денег. У отечественных гэтсби есть специальные знаки отличия: малиновый клифт, шестисотая тачка, мобила, голда, пальцы веером, наконец, ранняя смерть.

2) Отождествить себя с дамочкой, сорящей зелеными, наша читательница при всем желании не может.

3) Героини повестей Никольской «Милый опер» и «Шантаж – дело тонкое» – русские, но не очень новые. С холодильником у них почти те же заморочки, что у всех: то густо, то пусто.

4) Тезка автора детективного романа – эдакая «кошелка» на грани сороковника оказывалась в эпицентре невероятных приключений.

5) Чрезмерная концентрация власти недопустима – множество примеров нам известно из истории. Способ борьбы с этим – многопартийная система. Однако нельзя не замечать того факта, что партий, и тем более лидеров, у нас нет – есть паханы.

6) В принципе оборонный комплекс – головная боль не города, а государства.

7) Удар пришелся аккурат по голове Бритни, поправив прическу, сразу же начала твердить, что с ней всё в порядке и можно продолжать работу.

8) Если бы Калифорния не заменила электрический стул на отраву, то сейчас тамошних палачей не подпускали бы к рубильнику. Дошло до того, что калифорнийский губернатор попросил местных обывателей экономить на праздничной иллюминации.

9) Борцы за охрану среды предпочитают не традиционные электростанции, работающие на воде, угле, солярке или, не дай бог, уране, а ветряки и солнечные панели.

10) Естественно, для человека, его достатка и известности не составляет особого труда взять с собой на турнир корешей, покупать им билеты на лучшие места.

11) В борьбе с космополитами парламентарии готовы замочить отечественную полиграфию.

12) Тогда подобные фольковые штучки расценивались как личное оскорбление рок-фэнам.

13) Из нескончаемых простынь информационных сообщений, связанных с выборами, нашелся абзац-бестселлер.

14) Понятно, что публика собралась довольно разношерстная: кто-то служит в государственных телекомпаниях, кто-то в компаниях, финансируемых «Газпромом», а потому, выходит, запахло журналистам из другого лагеря открыто поддерживать врага или конкурента. Только отчего ж – «запахло»? <...> Все мы – одной крови. И коллегу, пусть даже тебе лично несимпатичного, защищать обязан.

6. Найдите разговорные и просторечные слова в примерах, взятых из современных СМИ. Определите их стилистическую функцию и уместность употребления. При необходимости сделайте стилистическую правку.

1) Ученые предупреждают: ещё пара веков так – и хана. Ничего, отвечают люди, потомки что-нибудь придумают. Авось утрясется. Нет, других-то вы прижучьте, но уж я-то свой миллион на нефти сделаю, не мешайте.

2) Камо грядеши – куда прешь? (Заголовок)

3) А кто виноват, ежели Гегель излагал свои истины так, что их и профессиональные философы не шибко понимают.

4) Оба они люди с юмором: то, что называется в народе «поржать», – это у них завсегда.

5) Они так удачно играли, что их заприметило телевизионное начальство.

6) После прикрытия передачи он подался на высшие режиссерские курсы.

7) Мы всегда ждем чуда и крепко серчаем, если оно не наступает.

8) А что дезертируют из армии пачками, так это можно оправдать следующим: дескать, молодежь у нас сплошные наркоманы и алкаши.

9) Ещё один музыкант, облаченный в балахон с мигающими лампочками, лабал по непонятному инструменту, издали напоминавшему клавиши, накладными ногтями.

10) Но эти трудности – временные: недостающие «бабки» наверняка будут изысканы.

11) «Мочилов» откровенно газетчики печатать теперь вряд ли будут, даже за большие деньги.

12) «Имениннику» друзья притащили кучу огромных коробок с праздничными бантами: «Вот тебе черно-белый телевизор, пульт к телевизору, инструкция на корейском языке, маленькая хрень, подгузники».

13) И поскольку в моем доме живет именно такой контингент, изначально было ясно, что никакое ТСЖ не прокандует.

14) Споры выясняли на кровавых «разборках», если мирно «перетереть» вопрос не удавалось.

7. Выделите книжную (высокую и специальную) лексику в языке современных СМИ. Определите её функции, оцените уместность её употребления в предложениях. Сделайте стилистическую правку.

1) Это можно сравнить с тем, как если бы он, такой человек, оделся бы в не подобающий ему бедный костюм или иную неадекватную одежду.

2) Пекинская утка – нежная особа, с тонкой кожей. Сначала её выращивают на чистой воде и, кроме всего прочего, подкармливают имбирем. Убиенную утку по-китайски тщательно потрошат.

3) Менты захлопнули камеру, и я поспал часа три, накрывшись небольшой грязной цевницей.

4) Именно тогда, признается дворник Анна Маркина, я и поняла, что для меня неважно, на каком поприще трудиться.

5) В довершение сказанного на заседании правительства из его уст прозвучало пресловутое мнение о том, что финансирование необходимо продолжить.

6) Вы предлагаете клиенту совсем другую ипостась ситуации.

7) Чернокожий отрок (на каждой «Фабрике звезд» есть свой чернокожий отрок) практически лежит в кресле.

8) Сколь можно судить, деятели молодежной программы «Наши Выборы» увлечены творчеством Д.Р. Толкиена.

9) Открытие передвинули на неделю (дело у нас обычное, но вообще-то моветон).

10) «Признаваться в этом, конечно, не комильфо, но я стала заядлой потребительницей сериалов».

11) Теперь у родителей есть возможность написать в учебную часть письмо и поинтересоваться успехами своих чад.

8. Специалисты Управления Федеральной антимонопольной службы запретили использовать в рекламе нового екатеринбургского жилого квартала «Зеленая роща» жаргонное выражение «Офигеть!», посчитав его оскорбительным и поэтому противоречащим законам о рекламе. Однако, согласно опросу, проведенному сотрудниками УФАС, более 52 % жителей города считают допустимым использование этого слова, тогда как недопустимым – только 44 % екатеринбуржцев. По словам специалистов службы, примерно 30 % опрошенных считают данную рекламу оскорбительной. Кроме того, реклама стала причиной споров в научных кругах Екатеринбурга. Согласно экспертной оценке, составленной по запросу УФАС на кафедре этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского госуниверситета имени Максима Горького, жаргонизм считается «оскорбительным, создающим непристойные и оскорбительные образы, сравнения, выражения, и, следовательно, недопустимым к использованию в рекламе». Другого мнения придерживаются преподаватели факультета связей с общественностью и рекламы того же вуза. Они полагают, что «глагол “офигеть” не содержит в своем значении смыслов, связанных с намерением кого-либо оскорбить, и не является оскорбительным». Представители власти поддержали мнение консервативных лингвистов. А что думаете по этому поводу вы? Постарайтесь привести подобные примеры из современной рекламы.

9. Найдите в отрывках из материалов СМИ случаи смешения стилей: присутствие сниженной (разговорной и просторечной) и книжной (высокой и специальной) лексики и фразеологии в рамках одного текста. Дайте стилистическую оценку этого явления, отметьте соответствие высоких и специальных слов в этих текстах их значениям. Сделайте стилистическую правку.

1) По большому счету певец должен брать за душу прежде всего пением. У нас на такое способны немногие –

Алла Пугачева разве что или, если из преданий старины глубокой, Иосиф Кобзон. Их народ идет именно слушать. Они могут часами вещать (в смысле петь) просто с деревянного помоста, и люди не разойдутся. Даже «ДДТ», Земфира или «Мумий Тролль», к примеру, прибегают ко всяческим формальным ухищрениям, чтобы паства комфортно воспринимала содержательную часть их концептуальных посланий. «Иванушки» уж на что звезды, а запротестовал народ: не хотим мы, говорит, глазеть на вас, лбов здоровых, целый час кряду на фоне пыльной занавески. Теперь тоже шоу вырывают. Прямо как «На-На». Факт остается фактом: на поп-эстраде, коли ты не меченая небесами мессия, аки Элвис Пресли, услаждай не только уши, но и радуй глаз своей публике.

2) Мы почему-то считаем, что моделью для каждого человека является такой джентльменский набор: дача, машина, собака, семья, дети... Нам навязывают параметры, по которым мы должны себя чувствовать счастливыми. Но по большому счету любой разговор должен начинаться с фразы: веришь ли ты в Бога, в жизнь после смерти, в наличие души? Этакая сверка пароля собеседников. Тогда всё становится на свои места. Потому что есть масса вещей, которые на бытовом языке не проговорить.

3) Довлатов стоял в пальто, таком вот зимнем прикиде, тщетно апеллируя к аудитории, – никто его не слушал.

4) Славные времена, когда квартиры давали на халяву, канули в Лету. Двести тысяч семей, живущих в Подмосковье, нуждаются в крыше. На такую ораву необходимо 12 млн кв. метров жилья. Даже если каждый год по 2,5 млн кв. метров отдавать страждущим, сумасшедшая очередь ликвидируется без малого аж за 26 лет. Обеспечить долгосрочное кредитование населения для покупки жилья решили подмосковные власти предрержащие.

10. Выпишите из современных газет 10 примеров использования стилистически окрашенной лексики (разговорной, просторечной, высокой), прокомментируйте каждый пример, уточнив 1) конкретный тип (разговорно-жаргонное, грубо просторечное и т. п.); 2) функцию; 3) уместность или неуместность употребления.

11. Найдите в отрывке из газетной статьи термины и профессионализмы. Определите способы их введения в текст.

В 1996 году в Великобритании был зарегистрирован первый случай смерти человека от нового варианта болезни Крейцфельда-Якоба. Приставку «новый вариант» заболевание получило сразу, так как имело радикальные клинико-патологические отличия от классической формы болезни (включая нормальную энцефалограмму). Было доказано, что «новый вариант» вместе с губкообразной энцефалопатией коров относится к группе новых прионных инфекций животных и человека, которые вызываются уникальным штаммом возбудителя. Заболевание получило название «коровье бешенство».

Начнем с того, что бешенство как таковое здесь абсолютно ни при чем: ни пены на губах, ни желания кусаться больные коровы не испытывают – весь этот характерный набор признаков и свойств при губкообразной энцефалопатии коров (а не «губчатом энцефалите», как говорят и пишут повсеместно) отсутствует. Англичане назвали эту болезнь «mad cow». Грамотный и соответствующий истине перевод – «безумная корова», ибо слабоумие и бешенство все-таки разные вещи. Но с чьей-то легкой руки в обиходе устоялось определение «бешенство», хотя прион, вызывающий «mad cow», не имеет ничего общего с вирусом бешенства и клиника этих заболеваний также различна. Тем не менее это заболевание безусловно относится к категории зооантропонозов – инфекций, общих для человека и животных.

12. Существует такая лингвистическая игра: «перевод» выражения из одной стилистической системы в другую. Например, пословица «На миру и смерть красна» в научном изложении выглядит так: «В присутствии зрительской аудитории летальный исход приобретает положительный эстетический момент» (см.: Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. С. 92). Пример другого рода – написанная Львом Гумилевым на блатном жаргоне «История отпадения Нидерландов от Испании»: «В 1565 году по всей Голландии пошла параша, что папа – антихрист. Голландцы начали шипеть на папу и раскурочивать монастыри...» и т. д. Попробуйте

«перевести» на «научный язык» следующие пословицы: *Голь на выдумки хитра*; *Жизнь прожить – не поле перейти*; *Дуракам закон не писан*.

Литература

Основная

1. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. § 43–53.
2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003. С. 106–142, 203–221.
3. *Кузнецова Э.В.* Лексикология современного русского языка. М., 1989. Гл. XI–XII.

Дополнительная

1. Электронная энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru>, свободный (см. статьи: *Арго, Просторечие*).
2. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006.
3. *Капанадзе Л.А.* О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
4. *Даниленко В.П.* Русская терминология. М., 1977.
5. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М., 1961.
6. *Реформатский А.А.* Термин как член лексико-семантической системы языка // Проблемы структурной лингвистики – 1967. М., 1968.
7. *Снегов С.* Философия блатного языка // Даугава. 1990. № 11.
8. *Грачев М.А.* От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона. СПб., 2003.

Тема 14

Лексический состав языка в динамическом аспекте. Устаревшие и новые слова

Контрольные вопросы

1. Назовите и охарактеризуйте внешние и внутренние факторы, определяющие изменения в языке (прежде всего в лексике).
2. Что такое активный и пассивный состав лексики?
3. Назовите типы и функции устаревших слов.
4. Охарактеризуйте новые слова, их типы. Что такое «потенциальные слова»?
5. Расскажите о следующих активных процессах в современном русском языке: перераспределение лексики активно-го/пассивного употребления, образование новых слов (пути их возникновения).
6. Познакомьтесь со статьей М.Н. Эпштейна «Типы новых слов: Опыт классификации». Какие новые типы новых слов предлагает выделять автор?
7. Какие словари новых слов существуют?

Задания

1. Объясните значение устаревших слов, определите их тип и подтип (для архаизмов)

Армяк, вече, вкупе, виктория, вяя, грамота, десятина, десница, епанча, забрало, кулак, опричник, огниво, сей, продналог, редут, буки, скрижаль, стольник, сонм, смерд, тать, титло, челобитная, алкать, балтийский, врачевать, вития, зеница, позор, понеже, препятство, ристалище, шуйца, юдоль, купец, лъзя, призирать, позор.

2. Среди новых слов много заимствованных. Проанализируйте следующие слова по схеме:

- Сфера употребления
- Точное значение (по словарям новых слов или по сочетаемости)
- Причины заимствования
- Степень адаптации к системе русского языка
- Прогноз относительно судьбы данного слова

Секьюрити, мониторинг, прайм-тайм, паркинг, татуаж, гламур, креатив, экстрим, СПА, бейджик, ресепшен, пиар, VIP, офис-менеджер, мерчендайзер, месседж, киднеппинг, экзит-пул, гастарбайтер, контент, винтаж, имхо.

3. Выпишите из свежих газет 10 слов, которые вы относите к неологизмам, поясните их значение (с помощью словарей или с помощью контекста). Каким путем они возникли: словообразование, заимствование слова, развитие нового значения? Насколько они, на ваш взгляд, освоены русским языком? Есть ли в тексте разъяснение их смысла (если да, то каким образом)?

4. Разбейте следующие слова на четыре группы: 1) новая лексика, представленная в словарях последнего десятилетия; 2) лексика, в последнее десятилетие претерпевшая стилистические, семантические, сочетаемостные или оценочные изменения; 3) лексика, вернувшаяся из периферии языка; 4) лексика, уходящая или ушедшая из активного употребления. Определите их значение.

Пионер, архиерей, озвучить, банкир, бартер, безналоговый, олигарх, бюджетник, валютчик, взломать, прогимназия, грант, губернатор, гуманитарный, икона, лицей, невыездной, негатив, неправительственный, папарацци, пиар, пиратский, пятак, пятилетка, ролик, рублевый, рынок, сайт, самиздат, сериальный, силовой, слоган, соцлагерь, талон, тестирование, ток-шоу, топ, уравниловка, шефствовать, чат, ЕГЭ.

5. К. Чуковский в своей книге «От двух до пяти», основанной на наблюдениях за детской речью, утверждает, что «у двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекками или уродами речи, а, напротив, очень метки, изящны, естественны». В приведенных примерах най-

дите созданные детьми окказиональные слова, которые зафиксировал К. Чуковский. Что данные слова означают и что послужило основой их возникновения? Исправьте примеры детской речи.

- 1) Трехлетняя Наташа: // – Спой мне, мама, баюльную песню.
- 2) – Дай мне нитку, я буду нанитывать бусы.
- 3) – У мамы сердечко болело, и она пила болерьянку.
- 4) Прищемив себе руку дверью, ребенок кричит: // – Ай, задверил руку!
- 5) – Расширокайтесь!.. Расширокайтесь!.. – кричала своим гостям четырехлетняя девочка, требуя, чтобы они расступились.
- 6) – Я сижу и отмухиваюсь. Сижу и отмухиваюсь.
- 7) Ребенок впервые очутился на даче. На соседних дачах и справа и слева лают весь вечер собаки. Он с удивлением спрашивает: // – Что это там за перелай такой?
- 8) Деревенской девочке сказали, что мы собираемся в лес, она спросила: // – Всколькером?
- 9) – Майя, что ты делаешь? – Я заключаю дверь.
- 10) – Мама сердится, но быстро удобряется.
- 11) – Что у тебя в голове? Сено?! А если мозги, так уж очень недодумчивые.
- 12) С сыном Эдиком мы приехали в Вильнюс. Это было в 1947 году. Тогда у вокзала стояло много извозчиков <...>. Указав на дрожки, он с восторгом воскликнул: // – Смотри, папа, лошади поехал.
- 13) – Звезды – это салютинки, которые за небо зацепились.
- 14) – Это – подмышки, а где же подкошки?
- 15) Женщине, которая вымыла голову и уничтожила следы завивки, один киевский мальчик сказал: // – Вы вчера были курчавая, а сегодня торчавая.
- 16) – Мамочка, – спросил Сережа, – а мамонты теперь бывают? // – Нет, деточка, мамонтов давно уже нет. // Сережа задумался. // – А папонты есть?

6. Ознакомьтесь с материалами сетевого проекта «Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна». Приведите примеры слов, созданных автором и читателями. Как вы относитесь к проекту и как оцениваете жизнеспособность этих слов? <http://redirect.subscribe.ru/linguistics.lexicon,2503/20070128190518/7410=t=4979/m728121/-/old.russ.ru/antolog/intelnet/bio.html>

Литература

Основная

1. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1990. § 54–58.
2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003. С. 142–159.
3. *Кузнецова Э.В.* Лексикология современного русского языка. М., 1989. Гл. X.
4. *Эпштейн М.Н.* Типы новых слов: Опыт классификации (см. приложение 7).

Дополнительная

1. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 90–140.
2. *Какорина Е.В.* Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 67–78.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (см. статьи: *Неологизм, Окказионализм, Устаревшее слово, Архаизм*).
4. Электронная энциклопедия *Кругосвет* (*Неологизм, Окказионализм, Устаревшее слово, Архаизм*). URL: <http://www.krugosvet.ru>, свободный.
5. *Брагина А.А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973.
6. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.

Тема 15

Фразеология современного русского языка

Фразеология (греч. *phrasis* – оборот речи) – раздел языкознания, изучающий устойчивые сочетания слов особого типа, которые принято называть фразеологизмами. Природа фразеологических единиц (ФЕ) двойственна: будучи единицами лексической системы языка, по своей внешней форме они подобны словосочетаниям – синтаксическим единицам. Таким образом, фразеология занимает промежуточное место между лексикой и синтаксисом.

В науке нет единства в вопросе об объекте фразеологии. В настоящее время выделяют по крайней мере **6 классов ФЕ** (по В.Н. Телия):

Фразеология-1. Единицы, значение которых полностью переосмыслено: *бить баклуши, клевать носом, выносить сор из избы, сматывать удочки* и проч. Ни один из компонентов не употреблен в прямом значении (хотя может быть омонимичен слову с прямым значением) – существует целостное значение всей ФЕ.

Фразеология-2. Сочетания слов, одно из которых имеет свободное, а другое – фразеологически связанное значение: *щурить глаза, каурая лошадь, карие глаза, заклятый враг* и под. Иногда сюда же относят номинативные единицы – расчлененные наименования типа *красная смородина, белое вино, черный хлеб*, отличительный признак которых – родо-видовые отношения объектов (вино: белое и красное, смородина: черная и красная). По классификации Д.Н. Шмелева, они обладают парадигматической связанностью – занимают одну клетку в лексической парадигме, обозначают один объект: *мать – отец – дядя – двоюродный брат – двоюродная сестра*. По этому же признаку сюда включаются аналитические сочетания типа *оказать помощь* (ср. *помочь*), *производить анализ* (*анализировать*), *иметь терпение, мужество* и некоторые другие. Их отличительный признак – **десемантизация** одного из

слов, в результате сочетаемость контролируется привычкой, обычаем, узусом: **производить помощь, оказать анализ.*

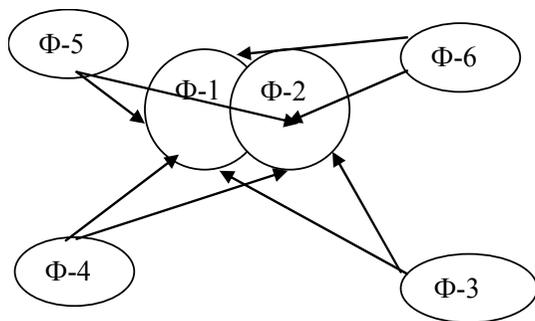
Фразеология-3. Это разного рода речевые стандарты, клише типа формул приветствия, вежливости, вступления в разговор, предложения услуг и прочих, которые традиционно изучаются наукой о речевом этикете. Ср. *Будьте здоровы! Не будете ли вы так любезны... Прошу прощения...* и проч.

Фразеология-4. Типичные для какого-нибудь литературного направления или стиля автора способы отбора языковых единиц: фразеология декабристов, романтизма, Пушкина, Гоголя и т. д.

Фразеология-5 – пословицы и поговорки, которые воспроизводятся – цитируются носителями языка: *Любви все возрасты покорны, Счастливые часов не наблюдают.*

Фразеология-6. Афоризмы, сентенции и другие цитаты. *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Без труда...*

Схема В.Н. Телии:

Итак, проблема объема фразеологии может решаться на разных основаниях, и имеет смысл договориться о критериях. В.Н. Телия предлагает считать фразеологией только **Фразеологию-1** (принимая во внимание наличие переходных случаев между 1 и 2); **Фразеология-2** – раздел лингвистики, изучающий категорию связанности значения; **Фразеология-3** раздел лингвистики, изучающий клишированность речи (в культурно-речевом плане); **Фразеология-4** – раздел лингвостилистики; **Фразеология-5** – раздел паремиологии; **Фразеология-6** – прикладная область лингвистики, коллекционирующая афоризмы, сентенции и прочие «цитации».

К базовым классам ФЕ в русском языке относят обычно сочетания слов, для которых характерны **3 основных параметра**: 1) принадлежность к номинативному инвентарю языка, 2) полная или частичная идиоматичность и 3) устойчивость, проявляющаяся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов «в готовом виде».

Номинативный инвентарь языка составляют единицы, выполняющие номинативную функцию. Классический тип номинативных единиц – слова, неклассический – ФЕ, которые также выполняют номинативную функцию – называют и обозначают фрагмент действительности как целостный внеязыковой объект. Ср. *бить баклуши* (лентяйничать), *куры не клюют* (много) и т. п.

Идиоматичность – это смысловая неразложимость ФЕ, связанная с полным переосмыслением значения входящих в неё компонентов. ФЕ с полностью переосмысленным значением называют идиомами. Именно идиоматика образует ядро фразеологии (**Фразеология-1**). Процесс идиоμοобразования – это вовлечение сочетания слов в метафору (или в иной троп) на основе подобия прямого, буквального смысла сочетающихся слов и того смысла, который характеризует номинативный замысел. Ср. *сматывать удочки – поспешно уходить, отходить*. Со временем изначальный фрейм-сценарий, с которым связан буквальный смысл ФЕ, может забываться – и тогда перед нами ФЕ с немотивированным значением, которые В.В. Виноградов назвал фразеологическими сращениями (*бить баклуши, лясы точить*). Но пока осознается какая-то связь с фреймом-сценарием («исконным» или сходным), идиомы воспринимаются как мотивированные (по терминологии В.В. Виноградова, фразеологические единства). Характерная черта идиом – экспрессивность (выразительность, образность, эмоциональность) большинства из них, связанная с метафоричностью. Следствием идиоматичности является утрата способности значения ФЕ члениться на отдельные семемы. Если слово (однозначное) – одна лексема и одна семема, свободное словосочетание – две лексемы и две семемы, ФЕ – две лексемы и одна семема. То есть формальная двукомпонентность, но одна семантическая единица.

Устойчивость состава проявляется на всех возможных уровнях организации ФЕ:

- лексическом (невозможность произвольных замен, вставок, сокращений). Ср. **водить за курносый нос, водить за ухо*;

- морфологическом (несвобода реализации грамматических категорий лица, числа, времени, рода и т. п.). Ср. **проводить за нос(ы), ведомый за нос, води за нос*;

- синтаксическом (невозможность синтаксической трансформации): **нос, за который она водила мужа*;

- фонетическом (энклитика, рифма, аллитерации): *как с гуся вода, всем сестра́м по серья́м, за́ нос* и проч.

Устойчивость состава связана с **воспроизводимостью** ФЕ в речи: ФЕ не создаются (подобно свободному словосочетанию), а воспроизводятся (подобно словам) как готовые целостные единицы, извлекаются из памяти.

Все эти качества ФЕ – номинативная функция, идиоматичность, устойчивость и воспроизводимость – **сближают ФЕ со словом**.

Отличие ФЕ от слова:

1. Слово членится на морфемы, ФЕ – на компоненты, по форме тождественные слову. В споре о том, является ли компонент ФЕ словом или нет, противоположные позиции занимают Д.Н. Шмелев и В.П. Жуков. В отличие от слова у компонента ФЕ отсутствует самостоятельное лексическое значение, утрачивается ряд грамматических категорий. Но возможны синонимия, варьирование, речевые преобразования (*кидать камешки в чей-л. огород – бросать камешки.., бровью (глазом) не поведет*).

2. Слово единооформленно, ФЕ раздельнооформлен.

3. Слово одноударно, ФЕ как минимум двуударен.

4. Не всякая ФЕ семантически эквивалентна слову (*выносить сор из избы, тянуть кота за хвост*).

5. ФЕ по структуре эквивалентен словосочетанию или предложению.

Важно заметить: **черты различия ФЕ и слова одновременно являются чертами сходства ФЕ и словосочетания и наоборот**. Это противоречие – противоречие между формой и функцией – лежит в самой природе ФЕ. По форме – синтаксическая единица, по функции (номинативная) – лексическая. Такое противоречие

характерно для так называемых промежуточных уровней языка и соответствующих единиц (*слог, основа слова*). Таким образом, вся область фразеологии является переходной от лексики к синтаксису, а ФЕ – от слова к словосочетанию.

Особенность ФЕ – наличие особого **фразеологического значения**, отличающегося от лексического значения. Основные различия: обобщенность семантики, равноправие компонентов в ФЕ. В отличие от лексического значения связь с предметом (понятием) не прямая, а опосредованная, т. е. фразеологическое значение, как правило, генетически производно. Оно может быть этимологически объяснено прямым значением того свободного словосочетания, которое подверглось переосмыслению. Кроме того, в значении ФЕ всегда присутствует прагматический макрокомпонент – оценочность, образность, эмоциональность, интенсивность проявления признака. Ещё одна особенность: номинация определенной сферы – чувства, переживания, оценки.

Классификации ФЕ по степени семантической слитности (по В.В. Виноградову).

Фразеологические сращения – полностью немотивированные единицы с самой высокой степенью слитности: *бить баклуши, очертя голову, дело табак, с бухты-барухты, из рук вон, собаку съел, как пить дать* и под. В них значение целого невозможно вывести из значений компонентов. В их состав обычно входят архаизмы, причем не только лексические, но и грамматические – устаревшие грамматические формы, синтаксические связи слов. Выступают в функции одного члена предложения.

Фразеологические единства – обороты, значение которых частично мотивировано: *бить ключом, белая ворона, вылетать в трубу, ума не приложу, держи карман шире, взять быка за рога*. Большая часть – омонимична соответствующим свободным словосочетаниям. Обязательный признак – образность и экспрессивность. Фразеологические единства, как и фразеологические сращения, являются потенциальными эквивалентами слов, но отличаются от них семантической сложностью своей структуры, выводимостью значения целого из значения частей.

Фразеологические сочетания – сочетания, состоящие из слова в свободном значении и слова в связанном значении: *щурить*

глаза, перочинный нож, зло берет, щекотливое положение. Допускают замену отдельных компонентов близкими по значению (*потупить* – голову, взор; *щекотливый* – вопрос, положение; *кромешная* – тьма, мрак, ад). Грамматические связи соответствуют нормам русского языка.

В системе языка фразеологизмы вступают в **парадигматические** (вариантность, синонимия, антонимия, многозначность) и **синтагматические** отношения. Синтагма образуется ФЕ и словами-сопроводителями: *как зеницу ока (беречь, хранить), благим матом (кричать, орать)*, а также словами, связанными с ФЕ сильноуправляемой или сильнопримыкаемой связью: *ломать голову над чем? носить на руках кого? смотреть на вещи как?*

Вариантность ФЕ. Фонетическая (*посыпать голову / главу пеплом; меж / между двух огней*), морфологическая (*палец о палец не ударить – пальцем о палец.., носить воду решетом – в решете, сам черт не разберет – не разберется, под стол пешком ходит – ходил и под.*), конструктивная (*сжечь корабли – корабли сожжены, навязнуть в зубах – навязло в зубах*), словообразовательная (*под крылом у кого-то – под крылышком*), лексическая (*взять / вбить в голову / башку*). Лексические варианты – словесные изменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносящие каких-либо смысловых оттенков в содержание ФЕ. **Для всех ФЕ, охваченных явлением варианности, требуется полная взаимозаменяемость в любых контекстах, т. е. тождественная сочетаемость.** Пределы замены компонентов безграничны, состав вариантов строго очерчен и фиксируется во фразеологических словарях.

ФЕ-синонимы – ФЕ с предельно близким значением, как правило, соотносящиеся с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно. Ср. *что надо, хоть куда, на все сто, первый сорт*. Выделяют одноструктурные и разноструктурные синонимы. Одноструктурные имеют одинаковую схему (модель построения): *бить баклуши, валять дурака, гонять лодыря, считать ворон, ваньку валять* (глагол + сущ. в вин. п.). Примеры разноструктур-

ных фразеологических синонимов – *всего ничего, капля в море, кот наплакал*.

Многозначность – сравнительно редко встречается в кругу ФЕ. Препятствует развитию многозначности то, что ФЕ по сравнению со словами обладают меньшей контекстуальной подвижностью, т. е. лишены способности свободно вступать в смысловую и грамматическую связь с другими словами. Ср. *лить кровь* – 1) *за кого, за что*. Погибать, умирать, защищая кого-л. или что-л.; 2) *кого, чью*. Предавать смерти, убивать на войне. Важнейшими показателями многозначности является: 1) разнотипность смысловой структуры, т. е. способность выполнять разную синтаксическую функцию; 2) характер выражения подлежащего или дополнения с точки зрения одушевленности / неодушевленности (*пустить в расход* – ‘расстрелять’ и ‘потратить’); 3) характер сочетаемости (*биться, сражаться грудь с грудью* – ‘вплотную’. *Оказаться, быть* *грудь с грудью* – ‘без посредников’); 4) разные синонимические ряды к разным значениям (*валять дурака*: 1) ‘лентяйничать’ *бить баклуши, гонять лодыря, плевать в потолок*; 2) ‘вести себя несерьезно, паcничать’ *дурака валять, ваньку валять, шута (из себя) корчить*).

Многозначность связана со степенью семантической слитности. Чаще она встречается у срощений и единств. Более свойственна наречным и глагольным ФЕ.

Структурная и грамматическая характеристика ФЕ. По структуре выделяют два типа ФЕ: 1) ФЕ, структурно равнозначные словосочетанию; 2) ФЕ структурно равнозначные предложению. Внутри первого типа дифференцируются подтипы соответственно структурным моделям: а) глагол + существительное (*бить челом, резать правду-матку, бить баклуши*); б) прилагательное + существительное (*синий чулок, развесистая клюква, ахиллесова пята*); в) существительное + предлог + существительное (*нож в сердце*) и т. п. Второй тип: *слюнки текут, кошки скребут на душе, кусок в горло не идет, душа ушла в пятки* и т. п.

Грамматическая характеристика учитывает грамматическую сочетаемость и синтаксические функции ФЕ: *глагольные* (*бить баклуши, валять дурака*), *субстантивные* (*бабье лето, крапивное семя*), *адъективные* (*легок на помине, нечист на руку, кожа да кости*), *междометные* (*вот так клюква, вот тебе и на, черта с два*) и т. п.

Важное значение имеет грамматическая характеристика стержневого слова, однако лексико-грамматическое значение стержневого слова может и не совпадать с лексико-семантическим значением ФЕ: *раз плюнуть* (наречная), *битый час* (наречная), *себе на уме* (адъективная), *ни рыба ни мясо* (адъективная).

Лингвокультурный аспект русской фразеологии. При анализе этого аспекта, следует иметь в виду три положения:

1) в большинстве ФЕ есть следы национальной культуры, которые могут быть выявлены;

2) культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает ФЕ культурно-национальный колорит;

3) главное при выявлении культурно-национальной специфики – вскрыть коннотацию (в Апресяновском смысле).

Фразеология есть фрагмент ЯКМ. Фразеологизмы всегда обращены на субъекта, они возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать, выражать отношение к нему субъекта (это роднит их с метафорой). «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (В.Н. Телия), именно ФЕ навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации. Из них можно почерпнуть сведения о быте (*красный угол, печки-лавочки*), об этикетном поведении (*садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку*), о традициях и обычаях (*вывести на чистую воду*), об истории народа (*сирота казанская, коломенская верста, мамеево побоище, как швед под Полтавой*). Как правило, обычные носители языка не владеют историко-этимологической «подоплекой» ФЕ. Экспликация культурно-национальной значимости ФЕ достигается на основе бессознательного или сознательного соотнесения этого живого значения с теми «кодами» культуры, которые известны говорящему: христианский код – нужно трудиться в поте лица, нести свой крест (смирение, покорность судьбе); максимы, постулаты народной мудрости, зафиксированные в пословицах (*Один раз отмерь.., Не зная броду...*), эталоны обиходного опыта (*Ни гроша, ломаного гроша*).

Контрольные вопросы

1. В чем причины расхождений в определении объекта фразеологии?
2. В чем сходство и различие фразеологизма и слова? Фразеологизма и словосочетания? Раскройте понятия «цельность номинации», «устойчивость», «воспроизводимость» применительно к ФЕ.
3. В чем специфика фразеологического значения, его отличие от лексического?
4. Является ли компонент ФЕ словом? Докажите свою позицию.
5. Назовите типы ФЕ по структуре и грамматической характеристике.
6. Охарактеризуйте основные типы семантических отношений между ФЕ: многозначность, омонимия, синонимия и антонимия, вариантность.

Задания

1. Разграничьте свободные и устойчивые сочетания слов. Укажите сочетания, свободный или фразеологический характер которых проявляется только в контексте. Составьте с ними предложения.

Бросать взгляд, бросать курить, бросать камешки в огород, бросать на ветер, бросать перчатку, бросать свет, бросить камень, бросать камнем.

Брать быка за рога, брать за сердце, брать книги, брать за бока, брать на мушку, брать верх, брать голыми руками, брать в свои руки, брать себя в руки, братья за ум.

2. Определите тип ФЕ с точки зрения степени семантической слитности компонентов.

Правая рука, шаг за шагом, проторенная дорога, расправить крылья, у черта на куличках, наострить лыжи, потупить взор, хоть куда, чесать язык, пустить слезу, метать громы и молнии, разводиться антимонии, щекотливый вопрос, щурить глаза, одного поля ягода, загребать жар чужими руками, ничтоже сумняшеся, себе на уме, смотреть

сквозь пальцы, открывать рот, потерпеть крах, насупить брови, пускать корни, клевать носом, как из ведра (лить), заклятый враг, держать порох сухим, поставить крест, трескучий мороз, легок на подъем, бок о бок, как ни в чем не бывало, собаку съел, на одно лицо, как угорелый, появиться на горизонте, паче чаяния, сломя голову, неровен час, закадычный друг, и нашим и вашим, так себе, расквасить нос, из рук вон, труса праздновать.

3. Найдите в приводимых примерах из современных СМИ фразеологизмы, определите их функции в тексте и авторские приемы употребления (расширение состава, изменение синтаксической структуры, замена или опущение компонента, переосмысление, столкновение буквального и фразеологического значения, буквализация фразеологизма, фразеологическая паронимазия – замена компонента ФЕ близким по звучанию словом и т. п.). Восстановите нормативный вариант ФЕ и произведите её полный анализ по следующему плану:

- 1) значение ФЕ (если многозначно, указать);
- 2) разряд по степени семантической слитности;
- 3) охарактеризовать структуру ФЕ;
- 4) охарактеризовать ФЕ с грамматической стороны;
- 5) определить стилистическую окраску ФЕ;
- 6) указать (если известен) источник происхождения.

При выполнении анализа ФЕ используйте фразеологические словари:

1) *Достоевскому утерли нос* (прошел литературный субботник у памятника Достоевскому, где известные писатели занимались уборкой «достопримечательных мест, овеянных литературной славой»).

2) *«Узи» (тип оружия) дружбы калибра 5,45.*

3) *Светофор вам не светит* (вопрос об установке светофора на одной из улиц с интенсивным движением никак не решается).

4) *Поляки сопят, но держат марку* (выставка польского современного искусства в ЦДХ под названием Polska marka).

5) *Виталия Кличко заткнули за чемпионский пояс.*

6) *В РАО ЕЭС заткнут информационные дыры.*

7) *Как развязать язык?* (обзор летних языковых школ для детей).

8) *С мышью по жизни* (название рубрики обзора интернет-сайтов).

9) *Платок раздора* (разногласия между правительством Франции и исламской общиной, российские мусульмане не желают открывать лица для паспортов).

10) *До последней капли нефти намерена ОПЕК защищать мировые цены.*

11) *Что ищет Бонн в стране далекой?*

12) *Над пропастью во лжи.*

13) *Диггеры достанут из-под земли* (московские власти будут ловить и штрафовать нарушителей закона о запрете «прогулок» по канализационной системе Москвы).

Приведите свои примеры трансформации ФЕ из центральных и региональных газет. Придумайте несколько заголовков к своим будущим статьям, обыграв фразеологизмы? Поясните свой замысел.

4. В каких примерах из современных СМИ допущены ошибки, связанные с употреблением фразеологизмов? Исправьте их.

1) В ЛДПР представители региональных организаций играют важную скрипку.

2) В ответ на нежелательные прогнозы политика тележурналист бросил: «Типун у вас на язык!».

3) Будь он хоть семи пядей во лбу, а не сможет выполнить эту задачу.

4) В школе нельзя всех учеников мерить под одну гребенку.

5) Парень – косая сажень в плечах – поднялся во весь свой огромный рост.

6) Жизнь подложила ему горькую пилюлю, но он не пал духом.

7) К счастью, нельзя втиснуть любую жизненную ситуацию в прокрустово ложе классификации.

8) Журналистам «Московского комсомольца» выдали карт-бланш, чтобы посещать закрытые мероприятия.

9) История с коробкой из-под ксерокса во время выборов президента стала, по сути, притчей на языках журналистов.

10) Оформление витрины торгового центра желает много лучшего.

11) Очень большую роль возлагал я на встречу с президентом.

12) Он, как двуликий Янус, был способен одновременно делать несколько дел.

13) Его трудолюбие и работоспособность имели важную роль в его продвижении по службе.

14) На ответственных соревнованиях и опытный спортсмен не застрахован от того, чтобы получить фиаско.

15) Вспыльчивость можно назвать ахиллесовой пятой нашего нового руководителя.

16) Как выяснилось, этот банк был колоссом на глиняных ногах: он вовсе не собирался выполнять свои обязательства перед вкладчиками.

17) Незавидная пальма первенства по минусу принадлежит Фоминской ферме.

18) Челябинский музыкальный театр выпустил в свет новый балет.

5. В Интернете на сайте <http://www.gramota.ru/> журналисты и простые пользователи составляют рейтинг речевых ошибок политиков, теле- и радиоведущих и других публичных лиц. Прокомментируйте фразеологические ошибки, приведенные ниже.

<i>Алексей ВЕНЕДИКТОВ,</i> главный редактор р/с «Эхо Москвы»	«Не последнее СЛОВО российских рынки БУДУТ ИГРАТЬ в этой борьбе»	р/с «Эхо Москвы», программа «Эхо недели», 10 января
<i>Дмитрий ГУСЕВ,</i> журналист	«По всей вероятности, труд этих двух людей (публицистов Карла Бернштайна и Гейл Ший) ВОЗЫМЕЕТ столь же ДАЛЕКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, как и ставшее знаменитым ДЕЯНИЕ Моника Левински»	газета «Московский комсомолец», заметка «Янки готовят импичмент для первой леди», 11 января

Юрий ЛУЖКОВ , мэр Москвы	«КОГО ИМЕЛ ПРЕЗИДЕНТ, наверное, правильно будет спросить на ближайшей конференции»	ТВ-Центр, вечерние новости, 24 декабря
Борис КРЮК , телеведущий	«То есть, какой мужик, ТЕБЕ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ?»	РТР, программа «Любовь с первого взгляда», 25 января
Юрий ЛУЖКОВ , мэр Москвы	«КОГО ИМЕЛ ПРЕЗИДЕНТ, наверное, правильно будет спросить на ближайшей конференции»	ТВ-Центр, вечерние новости, 24 декабря
Анатолий КВАШНИН , начальник Генштаба ВС РФ	«Будем адекватные МЕРЫ ДЕЛАТЬ...»	НТВ, «Сегодня», 25 марта

Попробуйте продолжить этот список и привести свои наблюдения над фразеологическими ошибками в рекламе, в газете или на ТВ.

Литература

Основная

1. *Виноградов В.В.* Основные типы фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
2. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. Гл. 1–5.
3. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М., 1985.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1995. Ч. 1. Гл. 2.
5. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М., 1986.

Дополнительная

1. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149.

2. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. Гл. 5.
3. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М., 2003.
4. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
5. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980.
6. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.
7. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. М., 1990.

Фразеологические словари

1. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1986.
2. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.П. Жукова. М., 1987. Или: *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
3. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1955.
4. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов. М., 1985.
5. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.

Тема 16

Лексикография

Контрольные вопросы

1. Что является предметом лексикографии? Чем различаются лингвистические и энциклопедические словари?
2. Типология словарей русского языка (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, А.М. Цывин, В.А. Козырев и В.Д. Черняк).
3. В чем специфика современных электронных словарей?
4. Что такое словник? Заглавное слово? Словарная статья? Каково её устройство?
5. Что значит понятие «толковый словарь»? Кто ввел этот термин?
6. Перечислите и кратко охарактеризуйте дореволюционные толковые словари, ставшие вехами в развитии лексикографической практики.
7. Охарактеризуйте толковые словари: а) по объему (большой, средний, малый); б) по отбору и подаче материала (тезаурус и нормативный словарь); в) по расположению гнезд (гнездовой, полугнездовой, алфавитный). Приведите примеры из трех толковых словарей: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965 (БАС); Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984 (МАС); Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
8. Какая лингвистическая информация и какими средствами отражается в словарной статье толкового словаря?
9. Какие типы помет применяются в толковом словаре? Где и как раскрывается их значение?
10. Что такое обратный словарь? Частотный словарь? Где можно установить значение слов древнерусских памятников? Новых слов?

Задания

1. Разделитесь с помощью старосты на группы и письменно охарактеризуйте следующие словари (для каждой группы – один словарь):

1) Толковый словарь современного русского языка конца XX в.: Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998. Или: Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.

2) Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М., 2007.

3) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян и др. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1999.

4) Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов и др. М., 1994.

5) Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2006.

6) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.

7) Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / отв. ред. А.Н. Баранов. М., 2007.

8) *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь омонимов русского языка. М., 2007.

9) Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. 2-е изд. М., 2005.

10) *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. 3-е изд. М., 2007.

11) *Вальтер Г., Мокиенко В.* Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.

12) Электронный словарь редких слов. URL: <http://ruscorpora.ru/rarewords.html>

Охарактеризуйте словари по плану:

- Полное название словаря;
- Место и год издания;
- Авторы (составители);
- Объем словаря;
- Концепция словаря, его назначение, принципы отбора материала;
- Тип словаря (8 позиций по А.М. Цывину);
- Структура словарной статьи: характер описания заголовочной единицы (происхождение, произношение, грамматические особенности, стилистическая характеристика, системные связи и т. д.);
- Способы толкования лексического значения;
- Система помет;
- Характер и количество иллюстративного материала.

2. Выполните следующий тест по теме «Лексикография» (возможно несколько вариантов ответа).

1. Толковый словарь – это словарь, в котором обязательно

- 1) поясняется значение слова
- 2) исследуется этимология слова
- 3) даются грамматические характеристики слова
- 4) отражается типичная сочетаемость слова
- 5) характеризуются синонимические отношения между словами
- 6) даются необходимые орфоэпические сведения

2. Л.В. Щерба пишет: «В основе этих словарей... лежит единое реальное языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени... слова составляют единую систему». Это определение

- 1) словаря академического типа
  - 2) словаря-справочника
3. Словарь-справочник – это
- 1) толковый словарь
  - 2) словарь синонимов
  - 3) орфографический словарь

4. Принцип этого словаря – «помещать вообще все слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования, потому что словарь не есть выбор, но полное собрание слов, сохранившихся как в памяти письменной, так и в устах народа».

А.Х. Востоков сказал это о

- 1) тезаурусе
- 2) нормативном словаре

5. Нормативные словари – это

- 1) словарь Даля
- 2) МАС
- 3) Словарь Академии Российской
- 4) Словарь Ушакова

5) Словарь Востокова (Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г.)

6. Ожегов характеризует такой словарь как словарь «с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка». Это словарь

- 1) большой
- 2) средний
- 3) малый

7. ТСО – это

- 1) тезаурус
- 2) нормативный словарь
- 3) академический словарь
- 4) малый
- 5) средний

8. **Сделать** – сов. к *делать*. Это толкование

- 1) отсылочное
- 2) синонимическое
- 3) через внутреннюю форму слова (словообразовательные связи)
- 4) идентифицирующее
- 5) описательное
- 6) описательно-синонимическое

9. **Докучный** – *наводящий скуку, докучливый*. Это толкование

ние

- 1) отсылочное
- 2) синонимическое
- 3) через внутреннюю форму слова (словообразовательные связи)
- 4) идентифицирующее
- 5) описательное
- 6) описательно-синонимическое

Литература

Основная

1. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // В.В. Виноградов. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

2. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей русского языка // С.И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

3. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1977. С. 8–18.

4. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 256–258, 281–290.

5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (см. статьи: *Лексикография, Словарь*).

6. Электронная энциклопедия «Кругосвет». URL: [http:// www.krugosvet.ru](http://www.krugosvet.ru), свободный (см. статьи: *Лексикография, Словарь*).

7. *Селегей В.* Электронные словари и компьютерная лексикография (см. приложение 7).

8. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000. С. 38–63 (см. приложение 7).

Дополнительная

1. Русский язык: энциклопедия. М., 1979 (см. статью: *Лексикография*).

2. *Цейтлин Р.М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

- В. Чай – чайник
- Г. Чайник – ‘самец чайки’

8. Основной закон лексической синтагматики
- А. Повторяемость сем в сочетающихся словах
  - Б. Повторяемость значений
  - В. Многозначность сочетающихся слов

9. Нормативные толковые словари – это
- А. Словарь Академии Российской
  - Б. Словарь Ушакова
  - В. Словарь Даля
  - Г. БАС
  - Д. Словарь языка Пушкина

10. Назовите автора (авторов) и тип словаря, в котором можно получить справку о словах *динамичный* – *динамический*.

11. Закончите предложение: *Денотат слова – это...; сигнификат –*
....

12. Прагматический макрокомпонент семантики слова – это
- А. Информация о понятии
  - Б. Информация о субъекте речи и его отношении к миру
  - В. Информация о потенциальной сочетаемости слова
  - Г. Информация о соотношении с другими словами

13. Языковая картина мира
- А. Индивидуальна для носителя языка
  - Б. Антропоцентрична
  - В. Универсальна и национально специфична одновременно
  - Г. Носит научный характер
  - Д. Отражает наивное представление о мире

14. *Вода₁, вода₂, вода₃* и под. – это
- А. Семы
  - Б. Семемы
  - В. Аллосемы
  - Г. ЛСВ
  - Д. Лексемы

15. Назовите все макрокомпоненты семантики слова *горлопан*.

16. Напишите формулу синонимии и многозначности по соотношению плана содержания и плана выражения.

17. Сема – это

- А. Лексическое значение слова
- Б. Минимальный компонент значения
- В. План содержания слова
- Г. Лексическое значение слова в речи

18. Компонентный анализ предполагает членение слова на

- А. Морфемы
- Б. Лексемы
- В. Семемы
- Г. Семы
- Д. ЛСВ

19. Назовите а) категориально-лексические, б) дифференциальные семы (1–2) слова *книга* и в) национально-культурные ассоциации, осязаемые, например, при образовании производных слов *книжник*, *книгочей*.

20. В речи мы имеем дело с (А. словом-ономатемой Б. словом-синтагмой), имеющим (В. значение Г. актуальный смысл).

21. Соотнесите элементы обоих столбцов:

1) Паронимия	А. Злиться – сердиться
2) Антонимия	Б. Практический – практичный
3) Конверсия	В. Готовить – жарить
4) Гипонимия	Г. Готовить (уроки) – готовить (обед)
5) Полисемия	Д. Давать – брать
6) Синонимия	Е. Запустить (бросить с размаху) – запустить (довести до упадка)
7) Омонимия	Ж. Окно – рама
8) Меронимия	З. Ругать – хвалить

22. Определите тип переносного значения: А – метафора, Б – метонимия

- 1) ремесленник – «тот, кто работает без инициативы»
- 2) расцвет – «подъем, развитие чего-л.»
- 3) бумага – «документ»
- 4) горячий – «темпераментный»
- 5) сникать – «падать духом»
- 6) номер – «выпуск газеты»

23. К восточнославянским языкам относятся
А. Украинский	В. Русский
Б. Болгарский	Г. Старославянский
24. Из следующего ряда выпишите только слова с приметами старославянского происхождения:
- трап, предупредить, надежный, огород, благородный, древесина, учреждение, классный, арест, дремучий, работа, изящный, кроткий, вознести.*
25. Слово *хладокомбинат* относится к
А. Исконно русской лексике
Б. Старославянизмам
В. Собственно русской лексике
Г. Заимствованиям из неславянских языков
26. Назовите не менее 5 примет старославянского происхождения слова.
27. Особенность семантики термина является
А. Метафоричность
Б. Однозначность
В. Отсутствие оценочности и эмоциональности
Г. Отсутствие сигнификативного макрокомпонента
28. Какая лексико-семантическая категория наиболее характерна для терминологии?
А. Синонимия	В. Антонимия
Б. Полисемия	Г. Омонимия
29. Русский язык относится к ... языковой семье, ... ветви, ... группе.
30. Калька – это
А. Новое слово
Б. Новое значение слова
В. Заимствование путем перевода слова по частям
Г. Устаревшее слово
31. Окказионализмы в отличие от неологизмов
А. Относятся к области речи
Б. Встречаются только в художественной речи

- В. Их семантика зависит от контекста
- Г. Обычно имеют автора

32. Соотнесите элементы обоих столбцов:
1. Архаизм	А. Косить (армию)
2. Историзм	Б. Станица
3. Диалектизм	В. Паблисити
4. Окказионализм	Г. Десница
5. Жаргонизм	Д. Комсомолец
6. Неологизм	Е. Жириновствующий (оратор)
33. Основными признаками любого фразеологизма являются
- А. Номинативная функция
  - Б. Двучленность
  - В. Полная или частичная идиоматичность
  - Г. Устойчивость
  - Д. Воспроизводимость
34. Фразеологизм *поставить на колени* содержит
- А. Две лексемы и одну семему
  - Б. Две лексемы и две семемы
  - В. Одну лексему и две семемы
  - Г. Одну лексему и одну семему
35. Этот фразеологизм является
- А. Фразеологическим сращением
  - Б. Фразеологическим единством
  - В. Фразеологическим сочетанием
  - Г. Фразеологическим выражением
36. Грамматическая характеристика этого фразеологизма –
- А. Субстантивный
  - Б. Глагольный
  - В. Адъективный
  - Г. Адвербиальный (наречный)
  - Д. Междоветный
37. Фразеологическое значение отличается от лексического
- А. Обобщенностью семантики
  - Б. Семантическим равноправием компонентов
  - С. Наличием прагматического макрокомпонента

Список терминов к экзамену по лексикологии

Общие проблемы языкознания

Функции языка

- коммуникативная
- когнитивная
- кумулятивная
- фатическая
- регулятивная
- эстетическая (поэтическая, экспрессивная)

Коммуникативный акт

- адресант
- адресат
- сообщение
- контекст
- код
- контакт

Адресат

Адресант

Код

Контекст

Закон асимметричного дуализма
языкового знака

Литературный язык

Национальный язык

Диалект

Языковая политика

Языковой знак, свойства языкового знака

- преднамеренность
- двусторонность
- конвенциональность
- социальность
- обусловленность системой

План выражения знака (ПВ)

План содержания знака (ПС)

Языковая система, её особенности

Речь, особенности речи

Отрасли и разделы лексикологии.

Особенности лексического уровня языка

Системные и асистемные тен-
денции в лексике

Ономастиология

Семасиология

Этимология

Синхрония

Диахрония

Аспекты изучения лексики:

системно-структурный (внутренний)
и социолингвистический (внешний)

Слово как предмет лексикологии

Слово, его свойства

- выделимость
- цельнооформленность
- идиоматичность

Слово-ономатема

Слово-синтагма

План выражения слова

План содержания слова

Лексема

Семема

Знаменательное слово

Служебное слово

Лексическое значение слова

Денотат

Сигнификат

Референт

Понятия научные (содержательные) и

наивные (формальные)

Значение слова лексическое

Значение слова грамматическое

Значение слова системное (узвальное, словарное)

Актуальный смысл слова

Когнитивный компонент семантики

Прагматический компонент семантики

Семантика

Синтактика

Прагматика

Коннотация

Оценочный компонент семантики слова

Эмоциональность (эмоциональный компонент) в семантике слова

Образность (образный компонент) в семантике слова

Внутренняя форма слова

Статусные компоненты в семантике слова

Стилистический компонент в семантике слова

Национально-культурные ассоциации

Сема (семантический множитель, микрокомпонент семантики)

Категориально-лексическая сема (архисема)

Дифференциальные семы

Дифференциальный и интегральный подход к значению

Актуальный смысл слова

Семное варьирование слова

Узуальные и окказиональные семы

Системные и личностные семы

Эксплицитные и имплицитные семы

Актуализация семы

Наведение семы

Компонентный анализ

Метод ступенчатой идентификации

Синтагматический (контекстный)

метод компонентного анализа

Парадигматический метод компонентного анализа

Полисемия и омонимия

Семантическое варьирование слова	Продуктивность переноса
Полисемия	Сильная и слабая позиция слова
Лексико-семантический вариант (ЛСВ)	Диффузность значений многозначного слова
Лексико-семантическая категория	Переносы языковые и речевые
Семантическая деривация	Омонимия
Метафора	Омографы
Номинативная метафора	Омофоны
Предикатная метафора	Омоформы
Метонимия	Лексическая омонимия
Синекдоха	Полная и частичная омонимия
Регулярная полисемия	

Синонимия

Синонимия	Гипонимия
Синонимы идеографические / стилистические/ семантико-стилистические	Гипоним, гипероним, согипонимы
Синонимы языковые / контекстуальные	Синонимический ряд
Квазисинонимия	Синонимическое гнездо
Эвфемизм	Доминанта синонимического ряда

Антонимия. Паронимия. Конверсия. Меронимия

Антонимы	Квазиантонимы
Антонимы языковые (узуальные) / контекстуальные (окказиональные)	Антитеза
Антонимы однокорневые / разнокорневые	Оксюморон
Антонимы контрарные	Конверсия
Антонимы комплементарные	Антонимы-конверсивы
Антонимы векторные	Функции антонимов
Энантиосемия	Паронимия
	Парономазия
	Меронимия

Системные отношения в лексике

Парадигматические отношения в лексике	Семантическое поле Лексико-семантическая группа
Синтагматические отношения в лексике	Синтагма в лексике Семантическая валентность слова
Основной закон лексической синтагматики	Сочетаемость, типы сочетаемости Народная этимология
Ассоциативно-деривационные (мотивационные) отношения в лексике	
Лексико-семантическая парадигма	

Лексика русского языка с точки зрения происхождения

Генеалогическая классификация языков	Общеславянская лексика Освоение иноязычного слова
Индоевропейская языковая семья, её ветви	Калька (семантическая, словообразовательная, фразеологическая)
Славянская ветвь	Варваризмы
Восточнославянские языки	Экзотизмы
Западнославянские языки	Старославянизм
Южнославянские языки	Признаки старославянского происхождения
Живые и мертвые языки	Исконно русская лексика
Общеиндоевропейская лексика	Собственно русская лексика
Заимствование	
Заимствованная лексика	
Восточнославянская (древнерусская лексика)	

Лексика русского языка с точки зрения активного / пассивного состава

Активный / пассивный словарь	Историзм
Архаизмы (фонетические, словообразовательные, грамматические, лексические, семантические)	Неологизм Окказионализм Устаревшая и устаревающая лексика

Лексика русского языка с точки зрения сферы использования

Общепринятая лексика	Термин
Арготизм	Профессионализм
Жаргон	Детерминализация
Диалектизм (фонетический, словообразовательный, лексический, грамматический, семантический)	

Стилистическая дифференциация лексики

Книжная лексика	Стилистическая окраска слова
Межстилевая (нейтральная лексика)	Функциональный стиль
Общепотребительная лексика	Официально-деловая лексика
Разговорная лексика	Научная лексика
Просторечная лексика	Газетно-публицистическая лексика

Фразеология

Фразеологическая единица (ФЕ)	Фразеологическое выражение
Номинативная функция ФЕ	Варианты ФЕ
Идиоматичность ФЕ	Полисемия ФЕ
Воспроизводимость ФЕ	Синонимия ФЕ
Фразеологическое значение	Структурная классификация ФЕ
Устойчивость состава ФЕ	Грамматическая классификация ФЕ
Фразеологическое сращение	(ФЕ субстантивные, вербальные, адъективные, адвербиальные, междометные)
Фразеологическое единство	
Фразеологическое сочетание	

Лексикография

Заглавное слово	Нормативный словарь
Иллюстративный материал	Словарь большой / средний / малый
Словник	Обратный словарь
Пометы	Частотный словарь
Энциклопедический словарь	Исторический словарь
Лингвистический словарь	Этимологический словарь
Толковый словарь	Семантический словарь
Словарь-тезаурус	Словарь языка писателя

Вопросы к экзамену по лексикологии

1. Предмет и задачи лексикологии. Основные отрасли и разделы лексикологии.

2. Понятие о системе языка. Уровневая стратификация языка и явление изоморфизма. Особенности лексики как одного из уровней языка. Взаимодействие системных и асистемных тенденций в лексике.

3. Основные типы словарей. Лингвистические и энциклопедические словари. Принципы составления толковых словарей (словарь-тезаурус / нормативный словарь). Типы толковых словарей по объему. Особенности расположения и толкования слова в толковом словаре.

4. Слово как единица лексической системы языка. Определение слова с точки зрения формы, содержания, функции. Специфика знаменательных и служебных слов. Переходные явления между словом и единицами смежных уровней.

5. Лексическое значение слова. Факторы, определяющие лексическое значение (экстралингвистические и собственно лингвистические). Понятие о денотате (классы денотатов) и сигнификате. Значение и понятие.

6. Языковая картина мира и её особенности. Универсальное и национально специфичное в ЯКМ. Особенности русской языковой картины мира.

7. Структура лексического значения. Когнитивный и прагматический макрокомпоненты. Понятие о коннотации. Место стилистической информации в семантике слова. Образность и лексическое значение слова. Понятие о внутренней форме слова. Национально-культурные ассоциации и их значимость для семантики.

8. Дифференциальный и интегральный подходы к значению. Сема как минимальный семантический компонент, типы сем по их статусу в семантике слова и методика компонентного анализа значения. Значение слова и его актуальный смысл. Ядерные и периферийные компоненты значения.

9. Единицы и категории лексической системы языка. Понятие об основной и элементарной единице. *Слово, ЛСВ, лексема, семема, сема*. Система основных лексических категорий русского языка.

10. Полисемия как семантическая универсалия языка. Основные типы полисемии. Регулярные и нерегулярные метафорические и метонимические переносы. Диффузность значений многозначного слова и понятие о сильной / слабой позиции.

11. Омонимия в свете проблемы тождества слова. Типы омонимов и пути их возникновения. Омонимия и полисемия (попытки найти критерии различения). Вопрос о соотношении полисемии и омонимии в русской лингвистической традиции (А.А. Потебня, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, Э.В. Кузнецова). Омонимия в толковых словарях русского языка.

12. Системные отношения в лексике. Парадигматика. Понятие о семантическом поле и лексико-семантической группе (ЛСГ) слов.

13. Синонимия как семантическая универсалия и как лексическая категория. Различные подходы к определению лексических синонимов. Синонимический ряд и его особенности. Функции лексических синонимов. Специфика лексической синонимии русского языка. Гипонимы и эвфемизмы в соотношении с синонимами.

14. Антонимия как семантическая универсалия и лексическая категория. Семантическая и структурная классификация антонимов. Вопрос об антонимии слов с приставкой *не-*. Понятие об энантиосемии. Антонимы языковые и контекстуальные. Функции антонимов.

15. Паронимия и паронимазия. Причины появления паронимов. Словари паронимов. Паронимия в свете проблемы культуры речи.

16. Конверсия как лексическая категория. Её отношение к синонимии и антонимии.

17. Системные отношения в лексике. Синтагматика. Слово-синтагма и его смысл. Семантическое и семное варьирование слова. Понятие о валентности и сочетаемости. Основной закон лексической синтагматики. Влияние синтагматических отношений слова на его семантику.

18. Понятие об ассоциативно-деривационных (мотивационных) отношениях в лексике. Внутренний и внешний аспект мотивированности слова. Взаимодействие тенденции к немотивации и тенденции к ремотивации в лексике.

19. Социолингвистический подход к изучению лексики. Внешние и внутренние факторы, определяющие развитие словарного состава языка. Характеристика лексики с точки зрения происхождения. Место старославянизмов в словарном составе русского языка (понятие о стилистических и генетических славянизмах). Языковые и неязыковые причины заимствований. Способы освоения русским языком заимствованной лексики. Особенности заимствования на современном этапе развития русского языка. Этимологические словари. Словари иностранных слов.

20. Словарный состав русского языка в динамическом аспекте. Понятие об активном и пассивном запасе лексики. Типы устаревших и новых слов. Словари новых слов.

21. Характеристика лексики с точки зрения сферы употребления. Лексика общеупотребительная и лексика ограниченного употребления. Специальная лексика. Понятие о термине. Специфика лексического значения термина. Термин и терминосистема. Парадигматические и синтагматические связи терминов. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики. Лексика, ограниченная территориально. Понятие о диалектизмах, их типы. Лексика, ограниченная социальной средой. Особенности жаргонизмов и арготизмов в русском языке. Словари жаргона и арго.

22. Стилиевое расслоение лексики. Лексика стилистически нейтральная и стилистически маркированная. Система стилистических помет в толковых словарях.

23. Фразеология русского языка. Различные представления об объекте фразеологии. Основные признаки и свойства ФЕ в соотношении со словом и словосочетанием. Специфика фразеологического значения. Классификация ФЕ по степени семантической слитности. Парадигматические и синтагматические отношения ФЕ. (Синонимия и антонимия ФЕ, варианты ФЕ, ФЕ-омонимы). Структурная и грамматическая классификация ФЕ. Стилистические пласты фразеологии и её выразительные возможности. Культурно-национальная специфика ФЕ. Источники ФЕ. ФЕ в толковых словарях. Словари ФЕ.

План комплексного лексико-стилистического анализа текста

1. Назвать слова (не менее 10), употребленные в переносном значении, указать тип переноса и охарактеризовать его языковой / речевой характер.

2. Истолковать актуальный смысл подчеркнутого слова, определить способ толкования, указать, отличается ли речевой смысл данного слова от его системного значения, а если отличается, то какими компонентами.

3. Назвать макрокомпоненты семантики подчеркнутого слова (когнитивной и прагматической зоны). Сделать его компонентный (семный) анализ.

4. Указать все системные связи подчеркнутого слова. Подобрать и охарактеризовать типы синонимов, типы антонимов.

5. Найти в тексте слова, принадлежащие к различным лексико-семантическим категориям (синонимы, антонимы, паронимы, омонимы и под.), определить их типы и функции.

6. Найти ФЕ, употребленные в тексте, и произвести полный анализ одной из них.

7. Охарактеризовать лексику с точки зрения происхождения. Найти слова с приметами старославянского происхождения. Привести примеры заимствованных слов, назвать (если возможно) признаки их происхождения.

8. Выделить и охарактеризовать стилистические пласты лексики данного текста.

9. Найти в тексте устаревшие и новые слова и определить их типы.

10. Указать, какие группы лексики с точки зрения сферы функционирования представлены в данном тексте.

Образцы текстов для комплексного лексико-стилистического анализа

Текст 1

В буфете Госдумы воруют ложки

Трудно поверить, что такая напасть случилась в стенах Госдумы, но это не шутка. С приходом новых депутатов в буфетах началось массовое воровство чайных ложек и вилок. Местные буфетчицы недоумевают: неужели новоизбранные депутаты, среди которых немало денежных мешков, решили экономить на посуде? Вопрос для работников думской сферы питания совсем не праздный. Стоимость пропавших приборов высчитывают из их и без того скромной зарплаты. А поскольку обижать малоимущих граждан несправедливо (тем более незаслуженно наказывать рублем) и памятуя о том, что в мелочах и проявляется человеческая (в том числе депутатская) сущность, я решила разобраться, почему в парламенте России возник чайно-ложечный дефицит.

Несуны не брезгают и солью

Справедливости ради замечу: ложки в Госдуме исчезали и в прошлом. Но при коммунистах масштабы явления были скромнее и по карману буфетчиц «били» несильно.

– Раньше за неделю у нас пропадало 6–7 ложек, теперь таскают по 30–40 и штук по 15 вилок. Соль, кстати, тоже ташат. – Пожилая уборщица главного думского буфета убирает со стола грязную посуду, бдительно наблюдает за посетителями и чуть не плачет. Но как только узнает, что сию страшную тайну раскрыла журналисту, не на шутку пугается и идет на попятную. Меня же так поразили её слова, что я решила «попытать» даму за прилавком:

– У вас, правда, исчезают ложки?

– Ещё как, – прошептала она и, озираясь по сторонам, добавила: – На складе уже не осталось запасов. Вот, видите, у нас появились одноразовые пластмассовые ложки. Такого не было за всю историю Госдумы! Чашки и тарелки тоже ташат. Но их можно списать как бой. А приборы из металла списанию не подлежат.

Не помогает даже взывающее к совести несунув объявление: «Просьба не выносить столовые приборы и посуду». А в буфете поменьше аналогичная «листочка» провисела недолго. После того как кто-то из

депутатов возмущенно заявил: «Чего вы здесь позоритесь?!» – буфетчицы объявление послушно сняли.

Карта, флаг и 12 рюмок

Конечно, сами депутаты – солидные дяди и тети в дорогих костюмах – вряд ли покушаются на общепитовские ложки из нержавеющей стали. Тем более что согласно табелю оснащения кабинетов, помимо стола, кресел и другого хозинвентаря, они имеют право на ложки персональные. Рядовым полагается по 4 штуки, начальникам – по 6. Разница небольшая. Другое дело – рюмки. Простым депутатам они не положены вовсе. Видимо, в Госдуме считается, что выпивать имеют право только депутаты при должности. И чем выше статус, тем напитки должны быть разнообразнее. Так, председатель комитета может претендовать всего лишь на 6 рюмок, а те, кто повыше, уже на 12 и по столько же фужеров и бокалов. Плюс стаканы. У начальников они хрустальные, а у рядовых – стеклянные.

Предметы госсимволики тоже выдаются по ранжиру. Спикеру, его замам и главам фракций – российский флаг и карта страны, председателям комитетов – только карта, а обычным избранныкам не дают ни того, ни другого.

А вот портрет президента, как ни странно, в таблице оснащения кабинетов не предусмотрен. Это, видимо, потому, что он составлялся ещё при Ельцине. Сейчас же как раз разрабатывается новый документ, и вполне вероятно, что депутаты учтут оплошность и распишут отдельной строкой, кому и какой портрет президента можно вывешивать в служебном кабинете. Пока же этот процесс происходит стихийно.

Зачем депутату полоскательница?

Уж не знаю, останется ли в новом таблице оснащения кабинетов загадочный предмет с чудным названием «полоскательница». Но сейчас эта штука полагается каждому. Теряясь в догадках, что конкретно надо полоскать депутату, я решила опросить их самих. Но ответить на вопрос, по существу, не могли даже старожилы. Николай Харитонов, например, почему-то пустился в детали личной гигиены:

– Зубы я всегда чищу дома по утрам, и полоскательница мне не нужна. И вообще ни на что казенное я не надеюсь. Даже туалетную бумагу покупаю сам.

По-своему оригинален был и главный блюститель нравственности в Госдуме – председатель комиссии по этике Геннадий Райков:

– Депутат не енот, полоскать ему ничего не надо. А то, что у нас пропадают ложки, меня не удивляет. В Думе бывает много всякого народа. Ходит кто попало. Могут и ковер скатать и унести.

Но по-настоящему серьезностью проблемы пропажи ложек проникся лишь замглавы Комитета по регламенту Сергей Глотов. Обещал разобраться. Несмотря на то, что уже «списал» воровство на третьих лиц. По его версии, ложки тащат гости депутатов. Но не потому, что им нечем кушать, а исключительно в качестве сувениров, которых в Госдуме катастрофически не хватает.

Задания

1. Назовите слова (не менее 10), употребленные в переносном значении, укажите тип переноса и охарактеризуйте его с точки зрения принадлежности языку или речи.

2. Сформулируйте актуальный смысл слов «*листочка*», «*списал*» (воровство), *старожилы* (Госдумы), определите использованный вами способ толкования каждого, укажите, отличается ли их речевой смысл от системного значения, а если отличается, то какими компонентами.

3. Назовите все компоненты семантики слов *несуны*, *уж*, (денежный) *мешок*.

4. Укажите все системные связи слова *скромная* (зарплата). Охарактеризуйте типы синонимов, типы антонимов.

5. Назовите ФЕ, употребленные в тексте, охарактеризуйте их типы по степени семантической слитности, структурной и грамматической характеристике.

6. Назовите омонимы к словам *напасть* (случилась), (нечего) *полоскать*, *распишут* (отдельной строкой) и укажите их типы.

7. Охарактеризуйте лексику с точки зрения происхождения. Назовите слова с приметами старославянского происхождения. Приведите примеры заимствованных слов, назовите (если возможно) признаки иноязычных заимствований.

8. Назовите новые слова, определите их типы.

9. Найдите в тексте устаревшие слова и определите их типы.

10. Выделите стилистические пласты лексики данного текста. Какой стиль пародируют сочетания и выражения *чайно-ложечный дефицит, работников думской сферы питания, согласно табелю оснащения кабинетов, помимо стола, кресел и другого хозинвентаря, они имеют право на ложки персональные*? Назовите его характерные языковые признаки.

Текст 2

Какую Россию строит президент

В политике совпадений не бывает. Владимир Путин подписал нашумевший Закон о «неизбираемости» губернаторов 12 декабря – в День конституции. А это что-нибудь да значит...

Намек президента дешифровать легко. Надо только вспомнить: появление федеральных округов с полпредами, надзирающими за своевольными губернаторами, арест непокорных олигархов Гусинского и Ходорковского, изгнание глав регионов из Совета Федерации, приструнивание НТВ, воцарение партии власти «Единая Россия».

Властная вертикаль плавно, но круто кардинально перестроилась. Президент просто переключил рычаги власти на себя, взяв под полный контроль Госдуму, Совет Федерации, правительство, прессу... А 12 декабря президент, вероятно, просто раскрыл свои карты. Президент намекает, что строительство вертикали власти только началось. И потеря власти олигархами – денежными мешками, у которых не переводятся деньги и которые при Ельцине командовали практически всем – от телевидения до самого президента, не последний этап в этой перестройке. Близится монтаж других механизмов, которые будут сильно отличаться от привычной ельцинской системы сдержек и противовесов.

По сути, возводится другая Россия с другими правилами игры. Россия централизованная и, вероятно, унитарная.

И перестройка эта для одной главной цели – управляемости государства. Причем управление это будет вестись только с президентского пульта. Другие пульта, как показала практика, ненадежны.

У олигархов – слишком длинные руки.

У депутатов – слишком мохнатые.

У губернаторов – и мохнатые, и корявые.

Поэтому править президенту страной придется единолично. Чтобы лавировать между рифами терроризма и сепаратизма, страна переводится на ручное управление. По крайней мере до 2008 года.

Телеведущий Михаил Леонтьев:

Демократия здесь вообще ни при чем!

Какая конечная цель у Кремля? Задачи и цели, по-моему, заявлены вполне открыто. Такая реформа – мягкий шаг к укрупнению регионов по степени их управляемости. И ни грамма уничтожения демократии здесь не присутствует.

Существующее территориальное деление России никуда не годится. Невозможно управлять столькими регионами. Это настоящая бомба,

заложённая под страну. Причём закладывали её люди, которые рассчитывали на то, что партийная система будет жить вечно и обеспечивать единство страны.

Региональные выборы – это профанация самой идеи выборов. Они не носят политического характера. Это корпоративные игры, за которыми ничего не стоит, кроме «чёрного» пиара. Выборами в национальных регионах мы провоцируем конфликты, а ещё хуже – резню.

У нас в стране отсутствует политическая система как таковая. Реформа – это попытка стимулировать её появление ускоренными темпами. Как в любой иерархической системе, приказы должны поступать сверху вниз.

Системная коррупция съела Советский Союз. Наши либеральные реформаторы сделали её тотальной. Реформа – возможность контролировать коррупцию и удерживать её в определенных рамках.

Задания

1. Назовите слова (не менее 10), употребленные в переносном значении, укажите тип переноса и охарактеризуйте его с точки зрения принадлежности языку или речи.

2. Сформулируйте актуальный смысл слов *приструнивание* (НТВ), *противовесы* (система сдержек и противовесов), «*чёрный*» (пиар), определите использованный вами способ толкования каждого, укажите, отличается ли их речевой смысл от системного значения, а если отличается, то какими компонентами.

3. Назовите все компоненты семантики слов *олигарх*, *профанация*, (денежный) *мешок*.

4. Укажите все системные связи слова *мягкий* (шаг). Охарактеризуйте типы синонимов, типы антонимов.

5. Назовите ФЕ, употребленные в тексте, охарактеризуйте их типы по степени семантической слитности, структурной и грамматической характеристике.

6. Какие лексико-семантические категории представлены словами *кардинальный – кардинальский*, *заложить (бомбу под страну) – заложить (имущество в ломбард) – заложить (руки за спину)*, *переводиться* (страна на ручное управление) – (*не переводиться* (у олигархов деньги не переводятся)?

7. Охарактеризуйте лексику с точки зрения происхождения. Назовите слова с приметами старославянского происхождения. Приведите примеры заимствованных слов, назовите (если возможно) признаки иноязычных заимствований.

8. Найдите в тексте новые слова, определите их типы.
9. Найдите в тексте устаревшие слова и определите их типы.
10. Выделите стилистические пласты лексики данного текста.

Текст 3

Пять мифов о жизни в Москве и глубинке

Кто не слышал расхожего мнения, что для москвичей Россия заканчивается за Кольцевой автодорогой?! А провинциалы якобы поголовно уверены, что столичные жители – сплошь зажравшиеся и надменные богатеи.

Разобраться, где домыслы и где реальность, решил Институт комплексных социальных исследований Российской академии наук. Исследование, проведенное им, если не развенчивает, то по меньшей мере подрывает стереотипы на этот счет.

Миф 1. Столица, но не России

«Линия фронта» между Москвой и регионами пролегла ещё в советское время. Глубинка жила по-всякому, зато в Москве всегда было всё: хоть «Птичье молоко», хоть краковская колбаса. За продуктами в первопрестольную колесили поездами из соседних областей. «Понаехали тут!» – ворчали недовольные москвичи. «Зажрались!» – обиженно отвечали провинциалы.

Когда страна зашагала к рынку, это противостояние вышло на новый виток. Москва залоснилась блеском ресторанов и бутиков. А провинция перебивалась на подножном корму, по полгода сидя без зарплаты. Тогда и родился едкий анекдотец: Москва – столица, но не России. И зарплаты там о-го-го, и запросики соответствующие. Однако 10 реформенных лет не прошли даром.

– Противостояние за последние годы существенно ослабло, – говорит директор ИКСИ Михаил ГОРШКОВ. – Во многих регионах экономическая и социальная ситуации стали приближаться к московским. Однако страна, где 16 % населения за чертой бедности (данные Госкомстата), от зависти и неприязни избавиться не скоро. Негативные чувства глубинки к москвичам теперь переносятся на успешные областные центры.

Миф 2. Город толстосумов

Больше половины – 57,7 % – провинциалов считают, что столица тянет соки и богатеет за счет остальной страны. Но при этом лишь каждый пятый полагает, что в столице живут исключительно толстосумы, и пропуском в этот сытый мир служит московская прописка. Зато каждый

второй уверен, что в Москве социальное расслоение даже больше, чем во всей остальной России.

Самой «продвинутой» в суждениях оказалась молодежь. Для неё Москва – жестокий и суровый город, где можно получить престижное образование и сделать карьеру. А насколько головокружительной она будет, зависит только от тебя самого. В отличие от провинциальной столичная молодежь более приземленная, поскольку считает, что для карьеры необходимо ещё иметь «нужные связи».

Миф 3. Те – карьеристы, а эти – пьяницы

Портрет типичного москвича провинциалы рисуют довольно лестным. По их мнению, это культурный и образованный карьерист. Понятное дело, обеспеченный и неленивый. Вот если бы ещё не эгоизм и заносчивость!..

Судя по отзывам москвичей и питерцев, провинциалы им тоже симпатичны. Народ отзывчивый и не лишен интеллекта. Одна беда: часто пьянствует, чему виной лень и скука. Но самое страшное зло уездных городов – произвол бюрократии.

О жизни в глубинке москвичи судят не понаслышке. Больше трети участников опроса наезжают туда с командировками, ещё треть – общаются с друзьями и родственниками. А вот представления провинциалов больше складываются из телерепортажей – лишь 18 % из них имеют практические впечатления о жизни мегаполисов.

Миф 4. В златоглавой жизнь слаще

Пожалуй, это самый расхожий миф. Однако социологи утверждают, что различия в качестве жизни провинций и мегаполисов не так велики.

К примеру, столичные семьи в ходе опроса заявили, что имеют порядка 6 000 руб. на человека в месяц. В провинции – 3 150 рублей. Но там и сама жизнь куда дешевле. В Москве одни поездки на работу влетают в 700–800 руб. ежемесячно.

И в провинции, и в столице на человека одинаково приходится 16–18 квадратных метров жилплощади. Правда, 14 % народа в глубинке живет, как в позапрошлом веке, – без удобств. Такой атрибут столичной жизни, как ночные клубы, для провинции уже не диковинка. А вот по уровню безопасности глубинка заткнула за пояс Москву. Чем меньше город – тем меньше в нём криминала.

Миф 5. Провинция наступает

Судя по данным исследования, лишь половина жителей Москвы здесь же родились и выросли. А ещё у половины из них и родители вышли из провинции. Каждый десятый москвич и петербуржец переехал в эти го-

рода ещё в детстве. А около 30 % – мигранты первого поколения. В столицы теперь едут за длинным рублем, как когда-то на БАМ или Север. Но более высокая стоимость жизни часто сводит на нет финансовые достижения. Тем временем шансы добиться успеха и в мегаполисах, и в провинции почти равны. Видимо, поэтому лишь 12 % провинциалов хотели бы перебраться в мегаполис.

Задания

1. Назовите слова (не менее 10), употребленные в переносном значении, укажите тип переноса и охарактеризуйте его с точки зрения принадлежности языку или речи.

2. Сформулируйте актуальный смысл слов «*продвинутый*» (в суждениях), *запросики* (соответствующие), *зажраться*, определите использованный вами способ толкования каждого, укажите, отличается ли их речевой смысл от системного значения, а если отличается, то какими компонентами.

3. Назовите все компоненты семантики слов *толстосум*, *эгоизм*, *о-го-го*.

4. Укажите все системные связи слова *едкий* (анекдотец).

5. На примере предложения *В провинции жизнь дешевле, чем в Москве* охарактеризуйте лексико-семантическую категорию конверсии.

6. Назовите ФЕ, употребленные в тексте, охарактеризуйте их типы по степени семантической слитности, структурной и грамматической характеристике.

7. Найдите в данном тексте синонимы и антонимы, назовите их типы и функции.

8. Охарактеризуйте лексику с точки зрения происхождения. Назовите слова с приметами старославянского происхождения. Приведите примеры заимствованных слов, назовите (если возможно) признаки иноязычных заимствований.

9. Найдите в тексте новые и устаревшие слова (если они есть), определите их типы.

10. Выделите стилистические пласты лексики данного текста.

Текст 4

Халява кончается

Ругать депутатов уже давно стало привычным. И они это заслужили. Глядя на то, как народные избранники обустривают свою жизнь, ка-

жется, что они способны думать лишь о собственном благе, а про нужды избирателей вспоминают по большой нужде раз в четыре года. Нынешние обитатели Охотного ряда решили переломить ситуацию и попытаться осуществить почти невозможное – изменить имидж. Как свой, так и Госдумы в целом. Вот 10 пунктов плана по наведению порядка в нижней палате парламента России, которые уже претворяются в жизнь.

1. Борьба за дисциплину

Начали, как водится, с трудовой дисциплины: объявили войну прогульщикам. Способ борьбы выбрали нетривиальный. Предполагалось, что удостоверения депутатов оборудуют микрочипами, с помощью которых будет фиксироваться время, когда депутат входит в здание Госдумы и когда из него выходит. Но избранники, прознав про чипы, забили тревогу: не хотим, чтобы за нами устанавливали слежку. В итоге идея не прижилась. И сейчас дисциплинированная часть думцев придумывает новый способ, как заставить прогульщиков ходить на работу.

2. Привлечение начальников к труду

А вот как загрузить работой думское начальство, в Охотном ряду уже придумали. Недавно в регламенте Госдумы появились поправки, согласно которым вице-спикерам и лидерам фракций придется заниматься рутинным законотворческим процессом наравне с «простыми» депутатами. Отныне все они обязаны записаться в один из 29 думских комитетов и ходить на заседания. Ранее вице-спикеры всего лишь курировали работу комитетов, а лидеры фракций занимались исключительно внутрифракционными вопросами.

3. Лишение льгот тех, кому они не положены

По закону каждый депутат имеет право на 5 штатных помощников и 40 на общественных началах. До сих пор удостоверения первых от вторых ничем не отличались. Из-за этого ходили слухи, что некоторые депутаты неплохо зарабатывали на продаже удостоверений, цена за которые доходила до \$ 5 тыс. А недобросовестные помощники, нарушая закон или общественный порядок, частенько прикрывались «корочками». Теперь с ними решено разобраться. Планируется, в частности, лишить общественников возможности пользоваться VIP-залами в аэропортах. А в их удостоверениях появится пометка: помощник на общественных началах. Это, по мнению думцев, позволит понизить престиж «корочки», и помощникам будет значительно труднее запятнать светлый образ народного избранника.

4. Решение квартирного вопроса

Наконец сдвинулась с мертвой точки многострадальная проблема жилья. В этот раз в Думе проявили жесткость: после вмешательства суда экс-депутатам пришлось освободить служебные квартиры в рекордно сжатые сроки. И уже в апреле первая сотня новичков сможет заселиться в

отремонтированное жилье. Правда, два бывших избранника – Владимир Юдин и Каадыр Бичелдей – до сих пор держат оборону, защищая выделенные им 4 квартиры. Но в Думе уверяют, что последние бастионы тоже падут. Планируется также, что коммунальные услуги депутаты будут оплачивать из собственного кармана, а не за госсчет, как раньше.

5. Экономия на себе

Один из главных лозунгов, провозглашенных нынче в Думе, – экономия бюджетных средств. Под это дело в Комитете по регламенту создана специальная группа, которой поручено проанализировать все расходы депутатов и изыскать резервы для экономии. Точных цифр пока никто не называет. Есть, правда, негласная установка – сэкономить не меньше 200–300 млн рублей. Но затягивать пояса депутатам всё же не придется: согласно смете расходов, в 2004 году Госдуме из федерального бюджета выделяется 2 млрд 825 млн рублей.

6. Сокращение аппарата

Председатель Комитета по регламенту Олег Ковалев заявил «КП», что из 1800 аппаратчиков 300 планируется уволить. Резких движений не будет. Главная цель, по словам Ковалева, – оптимизация структуры аппарата. Но механизм сокращения уже запущен: несколько десятков человек написали заявления об уходе.

7. Бой парламентскому туризму

В целях экономии решено покончить и с практикой парламентского туризма. Ограничить свои поездки обязался даже спикер Грызлов. В итоге план международных связей Госдумы на текущий год составлен с учетом жестких лимитов. Как заявил председатель Международного комитета Константин Косачев, в 2004 году ассигнования Думы на осуществление её международных связей составят около \$1,5 млн. Впрочем, именно эта сумма и была запланирована в бюджете.

8. Больше ходить пешком

По сведениям «КП», в ближайшее время в Думе предполагается ввести лимит и на транспортные расходы, чтобы не было перекосов в расходовании средств. Сегодня некоторые депутаты вообще не пользуются автомашиной, а кое-кто тратит на «колеса» до 1 млн рублей за год.

9. Борьбу с коррупцией начать с себя

В ближайшее время в Думе появится Комиссия по противодействию коррупции. Планируется, что отныне все вносимые в Госдуму законопроекты будут предварительно проходить специальную экспертизу на предмет наличия положений, которые могут породить коррупцию.

10. Запретить глупые законы

В наследство от предыдущей Думы нынешней досталось свыше 1,5 тыс. всевозможных законопроектов. Большинство из них, по оценкам

экспертов, не актуальны и бесперспективны. Посему вот уже третий месяц депутаты разгребают завалы, хороня документ за документом. Основные претензии к заворачиваемым законопроектам – отсутствие материально-технических обоснований и противоречие Конституции. Несмотря на это, их вносят на обсуждение палаты, и на работу с каждым уходит до двух недель. Чтобы избежать таких ситуаций, в Госдуме планируется организовать предварительную экспертизу законопроектов и давать заключения: соответствует ли конкретный документ, скажем, главному закону страны. Если нет, то и время на него тратить не надо. И тогда депутаты больше не смогут шокировать общественность законопроектами про тюрьму за гомосексуализм, запрет рекламы по ТВ или перенос госорганов в Урюпинск – подобные идеи будут рубиться на корню.

Задания

1. Назовите слова (не менее 10), употребленные в переносном значении, укажите тип переноса и охарактеризуйте его с точки зрения принадлежности языку или речи.

2. Сформулируйте актуальный смысл слов «*простые*» (депутаты), *туризм* (парламентский), *Урюпинск* (перенос госорганов в Урюпинск), определите использованный вами способ толкования каждого, укажите, отличается ли их речевой смысл от системного значения, а если отличается, то какими компонентами.

3. Назовите все компоненты семантики слов *халява*, *прогульщик*, *коррупция*.

4. Укажите все системные связи слова *завернуть* (законопроект).

5. Какие лексико-семантические категории можно продемонстрировать на примере следующих слов из текста: а) *претворяются*, *проходить* (заседания проходят); б) *депутаты – народные избранники – думцы*; в) *время – месяц*?

6. Найдите ФЕ, употребленные в тексте, охарактеризуйте их типы по степени семантической слитности, структурной и грамматической характеристике.

7. Охарактеризуйте лексику с точки зрения происхождения. Назовите слова с приметами старославянского происхождения. Приведите примеры заимствованных слов, назовите (если возможно) признаки иноязычных заимствований.

8. Найдите в тексте новые и устаревшие слова (если они есть), определите их типы.

9. Выделите стилистические пласты лексики данного текста.

10. Какие пласты лексики по сфере употребления можно выделить в данном тексте?

Текст 5

У «оранжевой леди» Тимошенко роман с «человеком Януковича»?

*Юлия славится железной хваткой в бизнесе,
политике и личной жизни*

Красивая женщина с милой улыбкой, железная леди с акульей хваткой. Бывший вице-премьер, бывшая «газовая королева» Украины и, возможно, её будущий премьер. В «оранжевом действе» на киевском майдане она и исполнительница главной роли, и суфлер, и софиты. Без неё киевская революция была бы иной, а может, её и вовсе не было бы. Кто же эта суперженщина?

«Отличалась дерзким нравом»

Немногие даже на Украине знают, что украинская «зирка» (звезда) Юлия Тимошенко – наполовину армянка. Фамилия её отца – Григян. Он ушел из семьи, когда девочка была совсем маленькой. Воспитывала Юлю мама, Людмила Николаевна Телегина. Жили в Днепропетровске в «хрущевке». Позже владелицей этой квартиры стала тетка Юлии, прикупив и соседнюю. Во дворе, где росла Юля, жили в основном мальчишки. Она с подружкой Леной играли с пацанами в игру, которую называли «жопки»: проигравших наклоняли и «расстреливали» сзади мячом. Девчонок пацаны били «слегонца».

Хорошо помнит Юлю Григян учительница украинского языка школы № 75 Тамила Семеновна Фурман:

– Перевелась к нам Юля в девятый класс из другой школы с характеристикой: «Отличается дерзким нравом». Но у нас с ней конфликтов не было. Она даже стала комсоргом. Организовывала школьные вечера, сама писала сценарии.

После школы она сменила фамилию и во время учебы на экономическом факультете Днепропетровского университета была уже Телегиной.

Мужа нашла по телефону

С мужем Александром, сыном днепропетровского партийного функционера, Юлия познакомилась по телефону. Парень ошибся номером, но не растерялся, назначил свидание. Ему исполнилось восемнадцать, Юле было на год больше. Роман быстро увенчался свадьбой, кооперативной квартирой и рождением дочери. Отныне и навеки Александру выпадала роль второго плана.

С помощью влиятельного свекра Юля в конце 80-х занялась бизнесом: первым проектом был видеосалон – давали напрокат кассеты. В на-

чале 90-х перешли на торговлю нефтепродуктами. Рулили в основном Юлия со свекром.

Несколько лет назад, когда Александр вслед за супругой попал под уголовное преследование, он перебрался в Лондон, где живет и поныне. Там же обитает и их дочь Евгения. Говорят, дочь является владелицей уникальных гранитных карьеров. Во время «оранжевой революции» Женья была в Киеве на майдане. В палатке, впрочем, не ночевала.

Мама, похоже, приучает девочку к пиар-ходам. В разгар киевских событий у Юлии Тимошенко был день рождения. Дочь поднялась на трибуну и вручила маме букет. Толпа возликовала, у мамы заблестели слезы...

Мужчины её жизни

Но вернемся в Днепропетровск начала 90-х. Внешность ангела в сочетании с мертвой хваткой – таких деловых партнеров мужская элита Днепропетровска ещё не видела. И пала к её ногам. В «жертвы» Юлии злые языки записали нынешнего зятя Кучмы Виктора Пинчука (в 90-х годах фирма Юлии и Виктора занималась импортом российского и туркменского газа).

После знакомства с Павлом Лазаренко, губернатором Днепропетровской области, бизнес-карьера Тимошенко достигла высшей точки. В 1994 году Леонид Кучма стал президентом Украины, а через два года Лазаренко назначен премьером. Основанная Юлией корпорация «Единые энергетические системы Украины» превратилась в крупнейшего импортера российского газа с годовым оборотом 10 млрд долларов. При этом Украина качала российский газ из трубы, по которой он шел из России на Запад. Россия выставила соседней республике огромный долг. Юлия Тимошенко отправилась к главе «Газпрома» Рэму Вяхиреву. В мини-юбке и ботфортах. Это был сильный ход. Нельзя сказать, что бизнесмен Вяхирев тут же растаял и списал все долги. Но дивчина его явно заинтересовала. Когда она предложила схему, по которой Украина будет отдавать долги, Вяхирев, говорят, от души расхохотался.

Однако, отсмеявшись, Вяхирев запустил схему, предложенную Тимошенко. И был её покровителем до своей отставки. Сменивший Вяхирева Миллер остался равнодушным к чарам Юлии и нашел на Украине других партнеров.

Рассказывают, что Тимошенко сумела очаровать даже грозного Туркменбаши. Украина тогда нуждалась в отсрочке выплаты долгов за газ и в новых поставках. Говорят, что, увидев красавицу, Ниязов воскликнул: «Вах, вах! Такая хрупкая женщина, а руководит таким тяжелым комплексом!» – и выполнил её просьбы.

Задания

1. Назовите слова (не менее 10), употребленные в переносном значении, укажите тип переноса и охарактеризуйте его с точки зрения принадлежности языку или речи.

2. Сформулируйте актуальный смысл слов *рулили* в предложении *Рулили в основном Юлия со свекром, «оранжевая (леди)»*, определите использованный вами способ толкования каждого, укажите, отличается ли их речевой смысл от системного значения, а если отличается, то какими компонентами.

3. Назовите все компоненты семантики слов (партийный) *функционар, королева* («газовая королева» Украины), *Вах, вах!*

4. Укажите все системные связи слова *растял* (Вяхирев тут же растял).

5. Назовите омонимы к словам *занялась* (бизнесом), *запустил* (Вяхирев запустил схему), *газ* (российский газ из трубы), определите их типы. Какими критериями можно доказать омонимичность этих лексем?

6. Найдите ФЕ, употребленные в тексте, охарактеризуйте их типы по степени семантической слитности, структурной и грамматической характеристике.

7. Охарактеризуйте лексику с точки зрения происхождения. Назовите слова с приметами старославянского происхождения. Приведите примеры заимствованных слов, назовите (если возможно) признаки иноязычных заимствований.

8. Найдите в тексте новые и устаревшие слова (если они есть), определите их типы.

9. Выделите стилистические пласты лексики данного текста.

10. Какие группы лексики с точки зрения сферы функционирования представлены в данном тексте?

Литература

1. Антология концептов [Текст] / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды [Текст]: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
3. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика [Текст]: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
4. *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Ю.Д. Апресян [и др.]. – Вып. 1. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 512 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора: синтаксис и лексика [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147–173.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. *Ахманова О.С.* Словарь омонимов русского языка [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Русский язык, 1986. – 448 с. (или любое другое издание)
8. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова [Текст]: Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Гослитиздат, 1955. – 667 с.
9. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов [Текст]. Т. 1–2 / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Наука, 1981–1987.
10. *Бельчиков Ю.А.* О культурном коннотативном компоненте лексики [Текст] / Ю.А. Бельчиков // Язык: система и функционирование: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 30–35.
11. *Библер В.С.* Национальная русская идея? Русская речь? [Текст]: Опыт культурологического предложения / В.С. Библер // Октябрь. – 1993. – № 2. – С. 155–183.
12. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
13. *Варина В.Г.* Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц [Текст] / В.Г. Варина // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 233–244.

14. *Васильев А.Д.* Слово в телеэфире [Текст]: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении / А.Д. Васильев. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 224 с.
15. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
16. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
17. *Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 295–312.
18. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слов [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162–189.
19. *Виноградов В.В.* Основные типы фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.
20. *Виноградов В.В.* Русский язык [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1972. – 639 с.
21. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 206–242.
22. *Винокур Г.О.* О славянизмах в современном русском литературном языке [Текст] / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1958. – С. 443–458.
23. *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер [Текст] / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 111–121.
24. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики [Текст] // В.Г. Гак. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 272–297.
25. *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое [Текст] // В.Г. Гак. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 480–519.
26. *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира [Текст] / В.Г. Гак // Русский язык сегодня: сб. ст. / отв. ред. Л.П. Крысин. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 36–45.
27. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология [Текст]: (на материале русского и французского языков) / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

28. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации [Текст] / Н.Д. Голев; под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1989. – 249 с.
29. *Грачев М.А.* От Ваньки Каина до мафии [Текст]: Прошлое и настоящее уголовного жаргона / М.А. Грачев. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 382 с.
30. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество [Текст] / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
31. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 291–314.
32. *Даниленко В.П.* Русская терминология [Текст]: Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
33. *Жуков В.П.* Русская фразеология [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
34. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
35. *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст] / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев // Отечественные записки. – 2002. – № 3(4).
36. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90–140.
37. *Какорина Е.В.* Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) [Текст] / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 67–88.
38. *Какорина Е.В.* Иноязычное слово в узусе 90-х годов [Текст]: (социолингвистическое исследование) / Е.В. Какорина // Русский язык сегодня: сб. ст. / отв. ред. Л.П. Крысин. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 137–156.
39. *Капанадзе Л.А.* О понятиях «термин» и «терминология» [Текст] / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 75–86.
40. *Караулов Ю.Н.* Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского [Текст] / Ю.Н. Караулов // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 237–249.
41. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: УРСС, 2000. – 352 с.
42. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Вселенная в алфавитном порядке [Текст]: Очерки о словарях русского языка / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 356 с.

43. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи [Текст]: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 248 с.
44. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи [Текст]: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.
45. *Кронгауз М.А.* Опыты воздействия на язык [Электронный ресурс] // М. Кронгауз. Критика языка. – URL: <http://ihtika.net/lang/uz/qwe/.../111297.html>, свободный.
46. *Кронгауз М.А.* Семантика [Текст] / М.А. Кронгауз. – М.: РГГУ, 2001. – 399 с.
47. Кругосвет [Электронный ресурс]: энциклопедия. – URL: <http://www.krugosvet.ru>, свободный.
48. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Русский язык, 1996. – С. 142–161.
49. *Крысин Л.П.* Социальный аспект владения языком [Текст] // Л.П. Крысин. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – С. 120–164.
50. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов [Текст] / Л.П. Крысин; Рос. акад. наук. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.
51. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384–408.
52. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка [Текст]: учеб. издание / Э.В. Кузнецова. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
53. *Кузьмина Н.А.* Ещё раз о типах лексических значений слов [Текст] / Н.А. Кузьмина // Преподавание лексикологии русского языка в вузе и школе: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. – 25–36.
54. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
55. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии [Текст]: (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. – М.: Просвещение, 1977. – С. 125–149.
56. *Левковская К.А.* Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала [Текст] / К.А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с. (Или: 2-е изд. – М.: URSS, 2005 – 296 с.)

57. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
58. *Максимов Л.Ю.* Народная этимология и её стилистические функции [Текст] / Л.Ю. Максимов // Русский язык в школе. – 1982. – № 3. – С. 56–66.
59. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание [Текст]: учебник для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1998 (1987, 1977). – 272 с.
60. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 255 с.
61. *Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры в свете диалектического материализма [Текст] / А.С. Мельничук // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия / сост. Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 76–79.
62. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 159 с.
63. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи [Текст]: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 277 с.
64. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология [Текст]: учеб. пособие / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
65. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.
66. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
67. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 167 с.
68. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка [Текст] / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
69. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка [Текст] / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
70. *Норман Б.Ю.* Теория языка. Вводный курс [Текст]: учеб. пособие / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
71. *Одинцов В.В.* Лингвистические парадоксы [Текст]: Книга для учащихся старших классов / В.В. Одинцов. – 3-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1988. – 172 с.
72. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей русского языка // С.И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 158–182.
73. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191

- с. (Или: *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – URL: <http://www.4tivo.com/.../15807-popovasternin.ocherki-pokognitivnoj.html>, свободный.)
74. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык [Текст]: Лексика. Фразеология. Морфология: учеб. для студентов вузов / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 464 с.
  75. *Реформатский А.А.* Термин как член лексико-семантической системы языка [Текст] / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики – 1967. М.: Наука, 1968. – С. 103–125.
  76. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология [Текст] / А.А. Реформатский // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 46–54.
  77. Русский язык [Текст]: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
  78. Русский язык [Текст]: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1997. – 721 с.
  79. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
  80. *Селегей В.* Электронные словари и компьютерная лексикография. – URL: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/pdf/selegey_a-1.pdf, свободный.
  81. *Серлов О.* Словарь благонадежных слов. – URL: <http://www.gazeta.ru>, свободный.
  82. Словарь синонимов русского языка [Текст]: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970. – 656 с.
  83. Словарь фразеологических синонимов русского языка [Текст] / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров; под ред. В.П. Декова. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.
  84. *Снегов С.* Философия блатного языка // Даугава. – Рига, 1990. – № 11. – С. 72–77.
  85. Современный русский язык [Текст]: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учеб. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов [и др.]; под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – 864 с.
  86. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование [Текст] / В.М. Солнцев. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
  87. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры [Текст]: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

88. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 175 с.
89. *Стернин И.А.* Общественные процессы и развитие современного русского языка [Текст]: Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века / И.А. Стернин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2004. – 93 с.
90. *Телия В.Н.* Русская фразеология [Текст]: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Просвещение, 1995. – 236 с.
91. *Толстая Т.* Изюм [Текст]: Избранное / Т. Толстая. – М.: Подкова, Эксмо, 2003. – 384 с.
92. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира [Текст]: аналогии в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
93. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986–1987. – 4 т.
94. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология [Текст]: учеб. для вузов / М.И. Фомина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1990 (1978). – 415 с.
95. *Харченко В.К.* Функции метафоры [Текст]: учеб. пос. / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 87 с.
96. *Цейтлин Р.М.* Краткий очерк истории русской лексикографии [Текст]: (словари русского языка) / Р.М. Цейтлин. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1958. – 175 с.
97. *Черняк В.Д.* Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов [Текст] / В.Д. Черняк. – Л., 1989. – 79 с.
98. *Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации [Текст] // А.П. Чудинов. Политическая лингвистика: учеб. пос. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 122–148.
99. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка [Текст]: пос. для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1971. – 572 с.
100. *Шанский Н.М.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии [Текст] / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – М.: Русский язык, 1987. – 237 с.
101. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
102. *Шведова Н.Ю.* Лексическая система и её отражение в толковом словаре [Текст] / Н.Ю. Шведова // Русистика сегодня: Языковая система и её функционирование. – М.: Наука, 1988. – 152–166.

103. *Шведова Н.Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» [Текст] / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
104. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 325 с.
105. *Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» [Текст] / А.Д. Шмелев // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 481–495.
106. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика [Текст]: учеб. пос. для студ. пед. ин-тов / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
107. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии [Текст] // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265–304.
108. Энциклопедический словарь юного филолога [Текст]: (языкознание) / сост. М.В. Панов. – М.: Педагогика, 1984. – 352 с.
109. *Эпштейн М.Н.* Идеология и язык [Текст]: (построение модели и осмысление дискурса) / М.Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. – 1991 – № 6. – С. 19–33.
110. *Эпштейн М.Н.* Типы новых слов. Опыт классификации [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. – URL: <http://topos.ru/artic-le/5174>, свободный.
111. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира [Текст]: (модели пространства, времени, восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

Избранные научные статьи по лексикологии

Ю.А. Бельчиков

О культурном коннотативном компоненте лексики

Как известно, слово – носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера [1]. Такая информация и составляет социальноисторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова. Это объективно существующее понятие. «У каждой эпохи, – писал К. Чуковский, – есть свой стиль, и недопустимо, чтобы в повести, относящейся, скажем, к тридцатым годам прошлого века, встречались такие типичные слова декадентских девяностых годов, как *настроения, переживания, искания, сверхчеловек...* В переводе торжественных стихов, обращенных к Психее, неуместно словечко сестренка... Назвать Психею сестренкой – это всё равно что назвать Прометея братишкой, а Юнону – мамашей» [2]. Этот компонент смысловой структуры слова участвует (чаще имплицитно) в процессе повседневной речевой коммуникации, объективно учитывается в словоупотреблении.

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох, сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профессий, политических групп и т. п. Обычно это находит своё выражение в так называемых оценках речи, в более развернутом виде – в комментирующих контекстах, в детализированных толкованиях слов. Культурный компонент значения слова становится очевидным при сопоставлении, столкновении автором художественного произведения социально-речевых характеристик персонажей.

Н.Ю. Шведова выдвинула и обосновала продуктивную мысль о языковых условиях существования слова как об одном из важнейших (наряду с внутренними свойствами слова) факторов его многоаспектного описания. «...лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и в содержательном («обстановочном») контексте речевой ситуации» [3]. Как представляется (и это подтверждает освещение данной проблемы Н.Ю. Шведовой), для выяснения и описания культурного компонента смысла слова актуальны именно «обстановочные» (содержательные) контексты.

«Обстановочный» контекст – исходный, опорный момент при характеристике, описании слов, культурный компонент смысла которых обусловлен политическим, идеологическим осмыслением соответствующих понятий и явлений действительности, литературными реминисценциями и ассоциациями. «Из чисто содержательных ситуаций, из «контекстов обстановки», которые проецируются на слово и концентрируются в компонентах его значения, – отмечает Н.Ю. Шведова, – складывается описание таких слов, как *золушка* 'о том, кто несправедливо гоним, кого не любят, обижают' или уже имеющее право на место в словарях сочетание *поручик Киже* «выдуманная личность, выдаваемая и принимаемая за реально существующую» [4].

Культурный компонент смысла слова неоднороден. Он может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку. Такой его характер выявляется полнее всего в «обстановочных» контекстах, в непосредственных комментариях конкретного слова, вернее, его словоупотребления. Это больше всего и в первую очередь распространяется на слова общественно-политической и философской сфер, культурный компонент смысла которых имеет интеллектуальное содержание.

Уточнение смыслового содержания слов, обозначающих важные, ключевые понятия социологии, политики, этики, философии, происходит чаще всего в ходе политической борьбы. Такими уточнениями, разъяснениями терминов политического, философского, мировоззренческого характера, публицистических номинаций, за которыми стояли важные понятия, определявшие принципиальные

позиции, кредо политических партий, группировок, того или иного деятеля, сопровождается развитие русской общественной мысли нового времени. Именно этим объясняется тот факт, что в текстах русской публицистики, отчасти русской литературы мы встречаем немало «обстановочных», содержательных контекстов употребления общественно-политической, философской и публицистической лексики. Вот, к примеру, свидетельство Н.Г. Чернышевского: «Как все высокие слова, как *любовь, добродетель, слава, истина*, слово *патриотизм* иногда употребляется во зло не понимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом, потому, употребляя священное слово *патриотизм*, часто бывает необходимо определять: что именно мы хотим разуметь под ним» [5]. Особенно большое внимание к содержательной стороне понятий, смысловой стороне соответствующих слов присущее марксистской литературе, большевистской публицистике.

Культурный компонент коннотативного характера приобретает различный статус в смысловой структуре разных слов. И в зависимости от этого для его описания требуются «обстановочные» контексты неодинакового объема и структуры или непосредственный комментарий. Следует при этом подчеркнуть, что необходимость в таких контекстах и комментарии возникает прежде всего при сопоставлении обычно двух национальных культур при обучении неродному языку, в переводческой деятельности.

Говоря о различном статусе культурного компонента в смысловой структуре коннотативно значимых слов, мы имеем в виду следующие ряды лексико-семантических явлений.

Первый ряд составляют слова, в том числе имена собственные, коннотация которых опирается на ассоциации. При этом важно различать ассоциации, в основе которых лежат традиционные, социально-исторически обусловленные осмысления определенных реалий, представлений, понятий как национально-самобытных, присущих только носителям данного языка, и ассоциации литературного происхождения. Например, черемуха ассоциируется у русского человека с проявлением любви юноши к девушке. Это отражается и в контекстах употребления слова *черемуха*. Так, в одной из песен поется: «Все равно, любимая, отцветет черемуха», т. е. любовь кончится. Не случайно и один из рассказов Пантелеймона Романова 20-х годов

называется «Без черемухи». А, скажем, цветок незабудка в русском восприятии связан с поэтическим образом целомудренной голубоглазой девушки. См. также национально-самобытные ассоциации в русском языке таких слов, как *береза*, *березка*, *зорюшка*, таких имен собственных, как *Москва*, *Волга*, *Иван*.

Особенно рельефно такого рода ассоциации выявляются при сопоставлении национальных культур или различных социально-исторических ареалов, в частности, на основе анализа переводов художественного произведения на разные языки. В этом отношении большой интерес представляют наблюдения А.А. Брагиной над переводами «Анны Карениной» Л. Толстого на некоторые западно-европейские языки. В бальном наряде Анны Карениной – *анютины глазки*. Их название, пишет А.А. Брагина, созвучно имени Анна. Этот цветок широко известен в народе: он имеет много названий: *трехцветка*, *полуцвет*, *брат-и-сестра*, *Иван-да-Марья*. Цветок овеян легендами и сказками. Одна из них, наиболее известная, о запретной роковой любви брата и сестры, не знавших о родстве и поженившихся. Двухцветье напоминает о двух несчастливо влюбленных.

Однако длинный ряд разнообразных наименований и сложившиеся в русском языке коннотации чужды другим языкам. В немецком языке анютины глазки называют *Steifmütterchen* 'маленькая мачеха'. Видимо, поэтому в некоторых переводах появляется цветок с другой символикой: *einen kleinen offenen Kranz von blauen Sammetveilchen* 'маленький венок синих фиалок' или *eine kleine Girlande von Vergeßmeinnicht* 'маленькая гирлянда незабудок'. Во французских переводах фигурирует одно из наименований анютиных глазок – *pensée* 'цветок воспоминаний'. В английской речевой традиции, в разговорном употреблении цветок анютины глазки означает 'женственный мужчина'. Переводчики ищут соответствия, не отягощенные ненужной коннотацией. В переводах появляется резеда (*a wreath of mignonette* 'веночек, гирлянда резеды'). Она вызывает у англичан ассоциацию с изящным французским кружевом [6].

Приведем небезынересное наблюдение над своеобразием восприятия одинаковых или аналогичных ситуаций представителями разных национальных культур (соответственно – разных языков) и социально-культурных ареалов: «В свое время о человеке,

склонном проявлять излишнее старание там, где это не нужно, говорили, что он «собирается в Тулу со своим самоваром»... Французы со свойственным им легким юмором выражают эту мысль словами «зажечь факел, чтобы увидеть солнце». Но, пожалуй, эффективнее всех говорят об этом индонезийцы: «Греби вниз по течению, и над тобой будут смеяться крокодилы». Кстати, обратите внимание, что на экваторе смеются крокодилы, в то время как в наших широтах это делают куры» (Юность. 1955. № 7).

Ассоциации литературного происхождения возникают на основе конкретных литературных произведений (и отчасти публицистических), например: *недоросль*, *Митрофанушка*, *маниловщина*, *обломовщина*, *пошехонцы*, *корчагинцы*. Ср. в чешском языке глагол *svajkovat*. Сюда относятся ставшие устойчивыми такие сочетания, как *золотая рыбка*, *дым отечества*, *лишние люди*, *путевка в жизнь* и т. п.

Слова и словосочетания фольклорного происхождения (*добрый молодец*, *красна девица*, *три богатыря*, *соловей-разбойник*, *Иванушка-дурачок*, *Михаил Топтыгин* и т. п.), очевидно, занимают промежуточное положение между указанными разновидностями национально-самобытных ассоциаций, поскольку, будучи плодом поэтического творчества, они представляются устойчивыми обозначениями художественных образов национальной народно-поэтической традиции.

Второй ряд лексико-семантических явлений составляют слова, употребляемые в переносно-расширительном смысле. При таком употреблении они утрачивают соотносительность в основных значениях со своими лексическими эквивалентами других языков. Например, к слову *гриб* «Большой академический словарь» дает только «ботанические» значения. Однако, говоря с оттенком иронии, насмешки и недоброжелательства о старом человеке, сгорбленном, слабом, небольшого роста, с морщинистым лицом, нередко прибегают к слову *гриб* или к сочетанию *старый гриб*. См. также переносно-расширительное употребление таких слов, как *голубь*, *бык*, устаревшее *брильянтовый*. Ср. рус. *гуся* как негативную характеристику человека с намеком на его плутовство, необязательность и немецкое *Ganz* как характеристику глупой медлительной женщины; *лапочка* как нежно-ласкательное обращение к жен-

щине, ребенку, *заяц* – к ребенку при *Maus, Mäuschen* 'мышь, мышка' в немецком языке.

К последнему ряду явлений относятся слова, коннотативный культурный компонент смысла которых выступает в качестве переносно-метафорического значения данной лексической единицы. Например, *шляпа* наряду с прямым значением имеет переносно-метафорическое: о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке. В немецком языке эквивалент слова *шляпа* в этом значении – *Slappschwanz* 'вялый хвост'. Слово *тряпка* наряду с предметными значениями выступает в разговорной речи с переносно-метафорическим значением (с оттенком пренебрежительности): о бесхарактерном, слабовольном человеке. Ср. эквиваленты этого значения слова *тряпка* во французском языке: *poule mouillée* 'мокрая курица', в английском: *milksop* – букв. 'хлеб, размокший в молоке'.

Здесь отмечались только те слова, коннотация которых национально-специфична и национально-уникальна. Конечно, есть слова, которые заключают в себе аналогичные по содержанию коннотации, наблюдающиеся у эквивалентных слов разных языков. Это относится, скажем, к культурному компоненту смысла слов *роза, красный, левый, заря* во многих языках европейского ареала или к словам типа *донкихот, золушка, Хлестаков, ловелас, красная шапочка*.

Наиболее явственно культурный компонент смысла слова проявляется при сопоставлении национальных культур, в частности при изучении неродного языка. Вот почему проблема культурного компонента смысла слова, – будучи включенной в социолингвистическую проблематику, весьма существенна для лингводидактики, теории и практики перевода, в контрастивно-типологических лингвистических исследованиях.

Примечания

1. Концепция слова как вместилища знаний развивается в работах: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980; *Они же.* К развитию концепции слова как вместилища знаний // *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: межвузовский тематический сборник.* Калинин, 1980; ср. также: *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

2. Чуковский К. Высокое искусство. М., 1961. С. 118–119.
3. Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. М., 1982. С. 143–144.
4. Там же. С. 153.
5. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 136.
6. См.: Брагина А.А. Эстетическая функция предметных слов у Л.Н. Толстого // НДВШ. Филологические науки. 1984. № 2. С. 21.
Печатается по:
Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 30–35.

Анна Зализняк
Ирина Левонтина
Алексей Шмелев

Ключевые идеи русской языковой картины мира

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует*), и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Почему говорящий на данном языке должен обязательно разделять эти взгляды? Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде; человек принимает их на веру, не задумываясь, и часто даже сам не замечая этого. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив, те смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в тот общий фонд представлений, который формирует языковую картину мира. Так, из русской пословицы *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о

месте любви в русской языковой картине мира, а лишь о том, что козел предстает в ней как малосимпатичное существо.

Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, для носителей русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с головой, а эмоциональная – с сердцем. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; запоминая что-либо, храним это в голове, а чувствуем сердцем; переволновавшись, хватаемся за сердце. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени, они говорят о том, что у кого-то *умная печень* или *добрая печень*, а когда волнуются, подсознательно чувствуют дискомфорт в печени. Разумеется, это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Наиболее важные для данного языка идеи повторяются в значении многих языковых единиц и являются поэтому ключевыми для понимания картины мира.

Как ты ко мне относишься?

Один из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира – это внимание к нюансам человеческих отношений. Специфическим является само слово *отношение* <кого-то к кому-то> и *отношения* <между двумя людьми>; особенно трудно поддается переводу глагол *относиться* (в соответствующем значении). Отношение одного человека к другому – это часть его внутренней жизни, которая может в чем-то проявляться, но может и не проявляться, не теряя при этом своего экзистенциального статуса. При этом фраза *Как ты ко мне относишься?* – это не только практи-

куемый среди подростков способ вынудить признание в любви, но также явный или скрытый сюжет весьма значительной части разговоров на русском языке, начиная от классического вопроса русского пьяницы *Ты меня уважаешь?*

Одним из способов реализации человеческих отношений является общение. Надо сказать, что сами слова *общение* и, особенно, *общаться* в русском языке устроены существенно иначе, чем их аналоги в западных языках. Общение в русской языковой картине мира – это занятие, локализованное во времени и в пространстве, ср.: *Что делает Маша? – Она сейчас в соседней комнате общается по телефону с Петей*. Общение – это процесс, к которому применим богатый арсенал средств нюансировки способов его протекания, представленный в русском языке различными способами глагольного действия: *пообщаться полчаса, пообщаться весь вечер*; в разговорном языке возможны также: *наобщаться вдоволь, дообщаться (сейчас она дообщается по телефону и придет)*, а также несколько вульгарное *общнуться*.

Общаться по-русски значит что-то вроде 'разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта с этим человеком'. Слово *общаться* содержит, кроме того, положительно оцениваемую идею непрактичности, бесцельности этого занятия и получаемых от него удовольствия или радости, ср. радость общения; *ты получишь большое удовольствие от общения с ними* и т. п.

В числе речевых навыков, необходимых при общении, человек осваивает то или иное количество «ласкательных обращений». Может показаться, что ласкательные обращения как таковые мало содержательны, что всё зависит от того, какое чувство вкладывает в них говорящий, как, когда, с какой интонацией он их произносит. Многие из них, например, *дорогой, милая*, легко утрачивают интимный характер и употребляются по отношению к малознакомым людям, что, правда, иной раз вызывает их раздражение.

Среди русских ласкательных обращений есть одно, которое стоит особняком. Это одно из главных и, несомненно, наиболее своеобразное русское обращение – *родной, родная* (у него есть вариант *роденький* и ещё ряд производных). В основе слова *родной* лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты

мой кровный родственник. За пределами славянских языков трудно найти что-нибудь похожее. Оно отличается от других обращений в первую очередь даже не столько «градусом», сколько особым эмоциональным колоритом. *Родной, родная* выражает не столько романтическую влюбленность или страсть, сколько глубокую нежность, доверие, ощущение взаимопонимания и душевной близости. Так, в фильме «Друзья и годы» по сценарию Л. Зорина одна из героинь обращается к любимому человеку: «Родной!» – и потом, как бы прислушавшись к себе, с облегчением и радостью говорит: «Ты действительно родной!» За этим стоит не только то, что он (в отличие от другого, «отрицательного» героя) не побоялся полюбить дочь «врага народа», но и то, что, встретившись после долгой разлуки, он и она по-прежнему понимают друг друга с полуслова, им легко вместе, они могут болтать о любых пустяках и при этом их беседа полна сокровенного смысла. И ещё она явственно ощущает, что он стал неотъемлемой частью её мира, как бы частью её самой (ср. цветаевское *ты, что руки мне родней*).

Хотя *родной* гораздо меньше, чем другие любовные слова, связано с эротикой, степень интимности этого слова выше, чем у стандартных любовных обращений милый или даже любимая. Оно едва ли уместно в начале романа, даже если уже могут быть произнесены два других слова. А некоторые люди утверждают, что вообще не имеют слова *родной* в своем любовном лексиконе, так как оно кажется им шокирующе откровенным. Кроме того, в отличие от большинства ласкательных обращений, которые выражают лишь собственную эмоцию говорящего, *родной* скорее всего предполагает симметричность в отношениях: едва ли может быть родным человек, который тебя родным не ощущает.

Поскольку в слове *родной* на первом плане не факт родства, а ощущение органической связи, это слово свободно употребляется и для описания отношения к людям, не являющимся кровными родственниками. Для русского языка родными можно стать. В любви возможна и безграничная телесная близость, и слияние душ, и максимальный уровень взаимопонимания, ср.:

Раз Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слезы вдруг сделали её страшно родною ему, пронзили его чув-

ством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней.
(И. Бунин, Митина любовь)

Можно было бы допустить, что слово *родной* – просто случайная причуда русского языка, если бы метафора кровного родства не была представлена чрезвычайно широко и в ассортименте русских разговорных и просторечных обращений к незнакомым людям. За пределами славянских языков вряд ли отыщется такое изобилие подобных обращений: *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братцы, тетка, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т. д. Даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квазиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим дядей, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств. Этим он дружелюбно посягает на внутренний мир адресата обращения. Эта навязанная задушевность не всегда приятна; поэтому, например, в ответ на обращение *мамаша* довольно часто можно услышать: «Сынок нашелся!»

Обезоруживающая, возникающая на пустом месте доверительность родственных обращений, особенно некоторых из них, например *сестренка* или *отец*, – совершенно особое явление. Исключая заигрывание, они все же звучат весьма интимно. Этим они отличаются от фамильярных обращений типа *милая* или английского *sweetheart* по отношению к незнакомым людям, которые хотя и сокращают дистанцию против воли адресата, но не диктуют ему его собственную ответную интонацию, а всего лишь простодушно выражают симпатию говорящего, ничего не требуя взамен.

Итак, для русской культуры родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной эмоциональной насыщенностью. При этом любовь к своим совершенно не сопровождается равнодушием или недоброжелательством по отношению к чужим. Напротив того, родственная теплота служит образцом доброго отношения к людям вообще. Здесь русский язык подтверждает традиционное представление о широте и щедрости русской души.

Внимание к нюансам человеческих отношений проявляется и в том, что в значении многих русских слов сквозит образ человека

ранимого, чувствительного до мнительности. Так, весьма характерными для русского языка являются труднопереводимые слова *попрекнуть* (*попрекать*) и *попрек*. Они употребляются при описании ситуации, когда некто, сделав в прошлом что-то хорошее кому-либо, считает, что теперь он имеет право ожидать от этого человека ответных благодарений, послушания или просто постоянных изъявлений благодарности. Поэтому он напоминает облагодетельствованному о своих подарках, жертвах и т. п. Часто, оказывая такое моральное давление, «благодетель» даже не преследует никакой материальной цели, а просто хочет, чтобы его подопечный «чувствовал».

Попрек несет на себе печать близких, часто семейных отношений, причем попрекаемый обычно уже и так находится в униженном или зависимом положении, попреки делаются как бы «сверху вниз». Так, родители иногда попрекают детей тем, что отдали им лучшие годы жизни. Поэтому попреки тешат тщеславие попрекающего и больно бьют по самолюбию попрекаемого.

Особенно интересно и показательно использование этих слов в диалоге, при «выяснении отношений». Обвинение в попреке – безотказное оборонительное средство, позволяющее человеку из обвиняемого превратиться в обвинителя. Любое напоминание или просто упоминание о сделанном в прошлом добре может при недоброжелательной интерпретации быть названо попреком. В этом слове столь сильна отрицательная оценка, что человек, когда ему говорят: *Попрекаешь?!* – немедленно начинает оправдываться, а иногда, услышав такое обвинение, сразу капитулирует и просит прощения, как в диалоге матери с сыном из повести И. Грековой:

– *Молод ты еще курить. Сам заработай, тогда и кури.*

– *А, ты меня своим хлебом попрекаешь? Ладно же! Хватит!*

Не буду у тебя есть!

– *Прости меня, Вадик. Виновата. И кури, пожалуйста, только не вредничай.*

Наличие в русском языке глагола *попрекнуть* и соответствующего существительного *попрек* не должно быть истолковано как свидетельство особенной склонности русских к унижению ближнего, к тому, чтобы попрекать. Как раз наоборот, оно свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в русском языке

этических представлений, человек должен великодушно избегать высказываний, которые могут выглядеть как попреки, и, сделав кому-то добро, не напоминать ему об этом.

Идея недопустимости попреков чрезвычайно органично вписывается в закрепленную в русском языке систему этических представлений. Главный критерий положительного для русского языка – мера искренности и бескорыстия. Представление о попреках вносит новый штрих в эту картину. Оказывается, что, даже сделав нечто хорошее от всей души и без всякой задней мысли, человек может потом все перечеркнуть, бестактно напомнив о сделанном добре. И чем больше хороших поступков человек совершает, тем в каком-то смысле уязвимее его положение, потому что он все время рискует каким-нибудь неосторожным словом навлечь на себя обвинение в попреках. Можно сказать, что рисуемая русским языком картина вполне аналогична евангельской идее, что, когда человек делает добро, его левая рука не должна знать, что делает правая. Иначе он невольно может оказаться лицемером.

Русский язык особенно строг в этом отношении, ибо в нём совершенно отчетливо проявляется представление о том, что сделать хорошее, а потом попрекать – хуже, чем вовсе не делать хорошего или даже делать плохое. В русском языке немного слов, в которых отрицательная оценка была бы столь же убийственной, как в слове *попрек*. В полном соответствии с этим представлением Анна Каренина говорит:

– Человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для меня, – это хуже, чем нечестный человек, – это человек без сердца.

Чувство справедливости

В книге «Россия в обвале» А. Солженицын вслед за многими другими авторами отмечает следующую особенность русского мировосприятия:

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: да разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь все они непохожи друг на друга. Тут – и явная подкупность многих, кто

вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и ещё сегодня не умерла – тяга к живой справедливости.

Противопоставление справедливости законности, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно. Характерна следующая история, опубликованная о. Михаилом Ардовым в книге «Легендарная Ордынка» и наглядно иллюстрирующая противопоставление между живым чувством Радищева, возмущенного несправедливостью, и формально-юридической реакцией императрицы Екатерины II:

Гумилев рассказывал нам, что где-то в архиве хранится экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» с пометками императрицы Екатерины II.

– Радищев описывает такую историю, – говорил Лев Николаевич. – Некий помещик стал приставать к молодой бабе, своей крепостной. Прибежал её муж и стал бить барина. На шум поспешили братья помещика и принялись избивать мужика. Тут прибежали еще крепостные, и они убили всех троих бар. Был суд, и убийцы были сосланы в каторжные работы. Радищев, разумеется, приговором возмущается, а мужикам сочувствует. Так вот Екатерина по сему поводу сделала такое замечание:

– Лапать девок и баб в Российской империи не возбраняется, а убийство карается по закону.

Отметим, что в этой истории Екатерина воплощает подход, непривычный на русский взгляд, хотя и не лишенный здравого смысла и привлекательности. Обычно же в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости. Одна из особенностей русской культуры состоит в том, что в ней справедливость относится к сфере эмоционального: в русском языке есть чувство справедливости.

С другой стороны, справедливость может восприниматься как ценность низшего уровня. Человек, добывающийся справедливости, может оцениваться либо как бездушный, либо как мелкий – а это для русской языковой картины мира звучит как приговор.

Так, в свое время В. Ходасевич отозвался на тяготы эмигрантской жизни следующим пятистишием:

*Кто счастлив честною женой,
К блуднице в дверь не постучится.
Кто прав последней правотой,
За справедливостью пустой
Тому неуместно волочиться.*

Здесь под «блудницей» – *пустой справедливостью* – понимается людское признание, деньги, заслуженная слава. Над этими суетными ценностями стоит последняя правота, которую художник ощущает за собою.

Для русской языковой картины мира характерно представление, в соответствии с которым гораздо выше справедливости доброта и милосердие. Ср. следующий диалог:

– *Что может быть важнее справедливости*

– *Важнее справедливости? Хотя бы – милость к падшим.*

(С. Довлатов, Соло на ундервуде)

Таким образом, в русской языковой картине мира оценка справедливости двойственна. Справедливость, вообще говоря, ниже милости, но может и не противопоставляться милости. Это связано с особым представлением о несправедливости.

Человек чрезвычайно болезненно воспринимает, когда по отношению к нему или к кому-то, кому он сочувствует, проявляется несправедливость. Причем очень важно, что о несправедливости часто говорят не в смысле банального неправильного распределения благ, а в смысле недополучения человеком тепла, внимания, любви. Пока справедливость основана на объективности, беспристрастности, это ценность низшего уровня. Но она начинает восприниматься как высшая ценность, когда пропитывается чувствами, прежде всего болью за человека обиженного, пострадавшего от несправедливости. Специфика русской языковой картины мира не в том, что в ней противопоставлены «закон» и «милосердие» – это общее место для христианской культуры в целом. Особенность русского взгляда на вещи, отраженного в русском языке, состоит в том, что наряду с законом и милосердием в нём представлена справедливость, которая гораздо важнее закона, но мелочь по сравнению с подлинными духовными ценностями. Однако, соединяясь с чувством и душевной болью, справедливость повышается в статусе и попадает в один ряд с милосердием и правдой:

*А душа, уж это точно, ежели обожжена,
Справедливей, милосерднее и праведней она.* (Булат Окуджава)

В русском языке имеется целый ряд концептов, относящихся к разным жизненным сферам, объединенных идеей справедливости. Один из них – это концепт упомянутого выше специфически русского чувства обиды.

Обида – это жалость к себе, соединенная с претензией к другому. Обида возникает в том случае, когда другой человек оказал мне недостаточное внимание (не справился о здоровье), проявил неуважение (пренебрег моим мнением или просто выразил низкую оценку моих достоинств – например, талантов), недоверие (не рассказал мне чего-то важного, не поручил трудного дела, не поверил моему обещанию и т. п.).

Здесь имеется ещё одно очень важное звено. Недостаток уважения может быть, конечно, выражен прямо («А ты помолчи, тебя не спрашивают» или даже просто «Ты дурак»), но гораздо чаще это является результатом вывода, который производится адресатом «обидного» поступка или высказывания: это то, что «обидчик» хотел сказать своим высказыванием, то, о чём говорит его поступок. Этот вывод производится на основании общих законов коммуникации, но с точки зрения склонности и готовности его производить люди сильно различаются (соответственно, люди делятся на более и менее «обидчивых»).

Обида предполагает одновременность двух различных – и противоречащих друг другу – взглядов на вещи. Она существует лишь до тех пор и в той мере, в какой существуют оба эти взгляда; как только один из них пропадает (т. е. пропадает стереоскопичность), не остается места и для обиды. Два противоречащих друг другу взгляда – это что «обидчик» меня «любит» и что он меня «не любит» или что его негативное мнение обо мне «справедливо» и «несправедливо».

Так, если я считаю чужое негативное мнение обо мне просто не соответствующим действительности и оно нисколько не заставляет меня усомниться в моих достоинствах, то я и не обижусь. Обида возникает только в том случае, если это «несправедливое» (= неправильное) мнение показалось мне отчасти «справедливым» (= правильным) – и длится до тех пор, пока эти оба мнения в моем

сознании сосуществуют. Если же в результате я пришел к выводу, что «обидчик» был прав, то мое состояние уже не может быть названо обидой (это может быть огорчение, горе, отчаянье, депрессия или злоба, но не обида). Ср. следующий пример из «Мастера и Маргариты»:

– *Слава те господи! Нашелся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность Сашка!*

– *Кто этот Сашка-бездарность? – осведомился врач.*

– *А вот он, Рюхин! – ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина. Тот вспыхнул от негодования. <Это он мне вместо спасибо! – горько подумал он, – за то, что я принял в нём участие! Вот уж, действительно, дрянь!> <...> Настроение духа у едущего было ужасно. Становилось ясным, что посещение дома скорби оставило в нём тяжелейший след. Рюхин старался понять, что его терзает. <...> Что же это? Обида, вот что. Да, да, обидные слова, брошенные Бездомным прямо в лицо. И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключается правда.*

Фраза *Горе не в том, что они обидные* означает, что обнаружившийся в этих словах «недостаток любви» к нему со стороны Бездомного – это ещё не главное, что огорчает Рюхина: более всего огорчает его сознание собственной бездарности. И здесь уже места для обиды не остается.

Чувство обиды кажется нам настолько естественным и повседневным, что мы с удивлением обнаруживаем отсутствие точного эквивалента этому слову, например, в английском, французском или немецком языке. Действительно, такие слова, как англ. *to offend, offense, франц. offenser, offense, нем. beleidigen, Beleidigung*, иногда приводимые в словарях в качестве перевода слов *обидеть, обида*, на самом деле имеют значение, соответствующее русскому *оскорбить, оскорбление*, т. е. заключают в себе совсем иной концепт, в центре которого находится представление не о справедливости, а о чести.

Ещё более специфичным, чем *обидеться, обида*, является русское слово *обидно*. Если слово *обидеться* описывает отношение обиженного к «обидчику», то в *обидно* акцент перемещается на состояние обиженного. Чувство, называемое словом *обидно*, возникает, когда подвергается унижению, осмеянию или просто недооце-

нивается что-то данному человеку дорогое. *Обидно* в конструкции с подчиненным инфинитивом совершенного вида (*Как обидно заболеть в первый день каникул!*) имеет несколько иное значение и сближается с другим труднопереводимым словом *угораздило*. Слово *обидно* переводится на западные языки лишь в той мере, в какой оно синонимично *жалко* (англ. *it's a pity*, франц. *c'est dommage*, нем. *Schade*, итал. *peccato* и т. д.). Не менее специфичными и с трудом поддающимися переводу являются слова *совестно*, *неудобно*, связанные со словом *обидно* семантикой щепетильности.

Непредсказуемость мира

Ещё одной важной составляющей русской языковой картины мира является представление о непредсказуемости мира: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. В русском языке есть огромное количество языковых средств, призванных описывать жизнь человека как какой-то таинственный (природный) процесс. В результате создается такое представление, что человек не сам действует, а с ним нечто происходит. А мы только оглядываемся вокруг и разводим руками: так *сложилось* (*вышло, получилось, случилось*). Мы досадуем: *вот угораздило!* – или радуемся: *повезло*. А попав в затруднительное положение, надеемся, что как-нибудь *образуется*.

Надежда на благоприятное стечение обстоятельств и благоволение высших сил может быть свойственна людям независимо от того, на каком языке они говорят, и было бы преувеличением сказать, что западный человек во всем полагается только на себя. Более того, именно вера в удачу была положена в основу американской цивилизации. Фортуна может улыбнуться каждому: вспомним десятки фильмов о Золушках, покоровивших Голливуд, и множество историй о миллионерах, начинавших свою карьеру с десятью центами. Трудно сказать, по какую сторону океана с большим энтузиазмом покупают лотерейные билеты. Специфика русского мироощущения в другом. Она сконцентрирована в знаменитом русском *авось* (надо сказать, что как раз это слово в современной речи употребляется редко и обычно с оттенком самоиронии). О человеке, который покупает лотерейный билет, не говорят, что он действует *на авось*. Так

скорее скажут о человеке, который не чинит крышу, готовую обвалиться, или строит атомную станцию без надлежащей системы защиты: «Авось, ничего». Вопреки разуму он надеется, что ничего плохого не случится – что обойдется или пронесет. Так, в повести А. Солженицына «Раковый корпус» мальчик Дема готов отказаться от операции, говоря: «*Да на авось. А может само пройдет!*» При этом его более рационалистически настроенный собеседник Вадим Зацырко возражает: «*Нет, Дема, на авось мостов не строят. От авосья только авоська осталась. Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя.*»

Идея, что будущее непредсказуемо, выражается не только в знаменитом русском *авось*. Она также входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности, – таких как *а вдруг?*, *на всякий случай*, *если что*. Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятно произойдет что-то хорошее.

С другой стороны, идея непредсказуемости мира оборачивается непредсказуемостью результата – в том числе собственных действий. Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нём возможность снять с себя ответственность за собственные действия: достаточно сказать *мне не работается* вместо *я не работаю* или *меня не будет завтра на работе* вместо *я не приду завтра на работу*, употребить слово *постараюсь* вместо *сделаю*, *не успел* вместо *не сделал*. Целый пласт слов и ряд безличных синтаксических конструкций, в которых они употребляются, содержит идею, что с человеком нечто происходит как бы само собой, и не стоит прилагать усилия, чтобы нечто сделать, потому что в конечном счете от нас ничего не зависит. Наиболее распространенной является конструкция с дательным падежом субъекта: <мне> *удалось, привелось, довелось, пришлось, случилось, почастливилось, повезло*. К ней близка конструкция, в которой субъект обозначается именем в родительном падеже с предлогом *у*: <у меня> *не получилось, не вышло, не сложилось; у меня появилась стиральная машина*. Возможна также конструкция с винительным падежом субъекта: <меня> *угораздило*.

Представление о том, что нечто происходит с человеком «как бы само собой», столь укоренено, столь естественно для русской языковой картины мира, что оно может выражаться не только полнозначными словами и синтаксическими конструкциями, но также и специальными словообразовательными моделями, например: зачитался, заработался, засиделся в гостях – и поэтому не сделал чего-то, что должен был сделать, но как бы не по своей воле, и, тем самым, не по своей вине.

В случае, когда человек не сделал того, что от него ожидалось, он может также воспользоваться изящной формулой *не успел*, как герой Довлатова: «*Я забыл спросить, как ты добралась? Вернее, не успел*». Конечно, *не успел* – совсем другое дело, чем *забыл*! Говоря *Я не успел*, человек перекладывает ответственность за несовершение действия на внешние обстоятельства (недостаток времени), одновременно намекая на то, что прилагал усилия в этом направлении.

Весьма показательна форма *успею*, которая может иметь два почти противоположных смысла. Нормально *успею* значит 'сделаю, хотя времени мало'. Однако возможен и такой диалог: «Садись делать уроки! – А, успею!», т. е. 'не буду делать, потому что времени много'. Точно так же фраза *Успеешь!* может выражать совет не топиться. В крайней форме этот смысл передается беспечным *всегда успею*. С таким *успеть* связано и одно из самых характерных русских словечек – *успеется*. В нём звучат не только легкомыслие и безответственность, но ещё и надежда, что если откладывать решение проблемы, то она тем временем как-нибудь сама рассосется и необходимость действовать отпадет. Вот и получается, что человек сначала машет рукой: *Да ну, успею!* – а потом разводит руками: *Ну не успел!* И всё как бы не по его вине.

В русском языке имеется ещё несколько труднопереводимых глаголов, описывающих специфическое внутреннее состояние человека по отношению к собственному действию: это, прежде всего, слова *стараться*, *собираться*.

Специфика слова *стараться* (*постараться*) особенно хорошо видна на фоне более тривиального *пытаться* (*попытаться*), имеющего эквиваленты в других языках. Например, фраза *Я пытаюсь рано ложиться* всего лишь означает, что я каждый вечер

предпринимаю попытку лечь пораньше. А высказывание *Я стараюсь рано ложиться* указывает на наличие общей установки, готовности делать нечто, если к тому не будет серьезных препятствий. Приведем характерный диалог (из очерка Ларисы Сехон):

– Ты верен своей жене? – спросил Джон моего мужа. *Стараюсь*, – ответил мой муж. *Я тоже стараюсь*, – сказал Джон. Глаза его были грустные.

На просьбу купить хлеба по дороге с работы человек может, если он не хочет связывать себя обещанием, ответить *попытаюсь* или *постараюсь*. Говоря *попытаюсь*, человек обещает сделать попытку, но сомневается в успехе – например, в булочной может не оказаться хлеба. Между тем, говоря *постараюсь*, человек всего лишь сообщает, что он в принципе готов предпринять усилия для осуществления этого действия, однако не обещает расшибиться в лепешку – ему могут помешать различные внешние обстоятельства, в том числе его собственное нежелание делать крюк или стоять в очереди. Форма *постараюсь*, таким образом, – это нечто вроде ослабленного обещания. Что, например, имеет в виду герой Ю. Трифонова в следующем диалоге?

– Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем... Ты уж соберись, хотя я знаю, удовольствие небольшое...

– Я поговорю. *Постараюсь*. – Нет, ты уж не тяни.

Вообще говоря, нелегко объяснить иностранцу, что значит *постараться поговорить*. Характерна также последняя реплика – это реакция на слово *постараюсь* как на выражающее нежелание приступить к выполнению просьбы. На самом деле это так и есть: поскольку старание (в отличие от попытки) не предполагает никаких осязаемых действий, а, возможно, лишь какие-то ненаблюдаемые внутренние усилия (в том числе, чтобы собраться нечто сделать) – формула *постараюсь* в качестве реакции на просьбу может использоваться как демагогический прием, эксплуатирующий указанную особенность семантики глагола *стараться*.

Главное – собраться

В значении целого ряда русских языковых выражений содержится общее представление о жизни, в соответствии с которым активная деятельность возможна только при условии, что человек

предварительно мобилизовал внутренние ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте (как бы собрав их воедино). Чтобы что-то сделать, надо собраться с силами, с мыслями – или просто собраться. В русской речи часто встречаются такие выражения, как *всё никак не соберусь* или *собирался, но так и не собрался*.

Слово *собираться* указывает не просто на наличие намерения, но и на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом. Собраться – это самая трудная часть дела. Мы говорим: *Наконец собрался ответить на письмо*. А. Баранович-Поливанова вспоминает:

Однажды, когда Надежда Яковлевна появилась у нас дома, мать мужа сказала, что частенько вспоминает Евгения Яковлевича, собирается, но никак не соберется ему позвонить.

– Ведь это так просто – снять трубочку и всё.

– Да, конечно, – согласилась с ней моя свекровь, – но как-то не получается.

Хотя глагол *собираться* указывает прежде всего на определенное ментальное состояние субъекта, в нём достаточно сильна и идея процесса, ср.: *Хорошо, что ты позвонила, а то я уже целый час лежу и собираюсь встать*; ср. также: *Распустив волосы, я долго сидела на постели, всё собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула* (И. Бунин). Это отчасти обусловлено связью с другими значениями собираться. Показательно, что в тех контекстах, в которых идея процесса выходит на первый план, слово *собираться* не может быть заменено на *намереваться*, *намерен* и т. п., ср. **Лежу и намереваюсь встать*.

Процесс, подразумеваемый глаголом *собираться*, отчасти может быть понят как процесс мобилизации внутренних и даже иногда внешних ресурсов (в последнем случае просвечивает другое значение; так, *Собираюсь завтракать* значит не только, что я решил позавтракать, но и что уже начал накрывать на стол). Однако в гораздо большей степени собираться предполагает сугубо метафизический процесс, который не имеет никаких осязаемых проявлений. Идея такого процесса составляет специфику русского *собираться* и отличает его как от близких слов русского языка (*намере-*

ваться, намерен), так и от его эквивалентов в европейских языках (которые соотносятся скорее с *намереваться*, чем с *собираться*), ср. англ. to intend, to be going to, франц. avoir l'intention, итал. avere intenzione, нем. beabsichtigen, die Absicht haben, vorhaben.

Процесс «собирания» при этом сам по себе осмысливается как своего рода деятельность – что дает возможность человеку, который, вообще говоря, ничего не делает, представить своё времяпрепровождение как деятельность, требующую затраты усилий. Ср.:

– *Что ты сегодня делал?*

– *Да вот всё утро собирался сесть работать, а потом гости пришли.*

Жизненная позиция, отраженная в глаголе *собираться*, проявляется также в специфическом русском слове *заодно*. Поскольку приступить к выполнению действия трудно, хорошо, когда удастся что-то сделать, не прилагая к этому отдельных усилий: не специально, а *заодно*. Побуждая к действию, мы можем сказать: *Ты всё равно идешь гулять, купи заодно хлеба*. Человеку, который уже собрался пойти гулять, уже совсем нетрудно *заодно* (не надо собираться!) сделать ещё какое-то дело. С другой стороны, можно сказать: *Сходи за хлебом, заодно и прогуляешься*. Предполагается, что человек соблазнится возможностью без дополнительных усилий (не собираясь) получить удовольствие.

Любопытно, что та же установка отражена и в одном из значений русской приставки *за-*, а именно в глаголах типа *зайти* <за хлебом по дороге с работы>, *занести* <приятелю книгу>, *завести* <детей в детский сад по дороге на работу>. Все такие глаголы описывают действия, совершаемые попутно, <*заодно*>, т. е. требующие минимальных усилий для своего осуществления. Мы часто говорим: *Ну, заходи как-нибудь к нам в гости, Я к вам как-нибудь зайду (забегу)*. Такое приглашение – в отличие от более стандартного *Приходи к нам в гости* – особенно ни к чему не обязывает ни гостя, ни хозяина: когда предлагают заходить, приглашаемый может не прийти, а приглашающий может никак не готовиться к его приему. (Наоборот, приглашение на торжественный прием не может быть сделано с использованием глагола *заходить*, разве что в ироническом употреблении: *Заходите ко мне в субботу на день рождения*.) *Зайти* к кому-то в гости в отличие от *пойти* в гости – можно без предварительного

приглашения и даже без заранее сформированного намерения. Чтобы *пойти* к кому-то, надо *собраться*, *выбраться* да ещё и *добраться*; человек, который *зашел* к кому-то, был от всех этих трудных вещей избавлен.

Трудности, возникающие на этапе перехода от намерения к его осуществлению, наводят на мысль о ещё одном концепте, традиционно связываемом с русским характером: это *лень-матушка*.

Действительно, лень – важнейший элемент человеческого устройства. Подобно совести, которая ограничивает человека в достижении желаемого, лень ставит пределы вообще всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия. В русском языке много слов на тему лени; ср. *лень* (существительное и предикативное наречие), *лентяй*, *лодырь*, *лоботряс*, *ленивый*, *лениво*, *ленивец*, *разлентиться* и др.

Лень отличается от нежелания совершать действие тем, что осознается как некоторое особое состояние. Надо сказать, что онтологическая сущность лени неочевидна, и это проявляется в таксономической размытости существительного лень. Лень – это, с одной стороны, состояние, которое, как и многие другие состояния, концептуализуется в языке как стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Ср. *лень-матушка одолела*; *лень раньше нас родилась*; *пришел сон из семи сел, пришла лень из семи деревень*; *лень нападает, одолевает, лень обуяла* и т. п. С другой же стороны, лень – это и свойство человека; ср. *Меня раздражают его лень и глупость*.

Вообще-то лень – плохое свойство, которое, как считается, мешает человеку себя реализовать. И некоторые русские слова (*лодырь*, *лоботряс*) действительно выражают его отчетливо отрицательную оценку. Однако некоторые слова, содержащие идею лени, выражают симпатию, граничащую с нежностью; ср. *ленивец* или название московской улицы – *Ленивка*. Для Батюшкова или Дельвига слово *ленивец* (стандартная рифма для него – *счастливец*) обозначает поэтическую натуру, отринувшую соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви. Лень воспринимается здесь как состояние, родственное вдохновению и, во всяком случае, помогающее отрешиться от житейской суеты.

В русской культурной традиции вообще можно заметить некоторую неуверенность в осуждении лени. Из пословиц видно, что лень оценивается отрицательно в основном потому, что ленивый человек, отлынивая от работы, перекладывает её на других. Лень же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти (*Ленивому всегда праздник*). Это представление хорошо согласуется с тем, что чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно. Пословица *Охота пуще неволи* выражает отчужденное недоумение в адрес человека, развивающего бурную деятельность.

Главным ленивцем в русской культуре является Обломов. Показательно, что, в отличие от Добролюбова, заклеившего позором «обломовщину», сам Гончаров относится к своему герою двойственно. Его лень приводит к жизненному краху и распаду личности, но он вызывает больше симпатии, чем деятельный Штольц. Обломов воплощает черты, которые традиционно считаются присущими русскому национальному характеру. Сочетание *русская лень* столь же стандартно, как *русская душа*. Заметим, что русская лень скорее не вялая, не сонная, а мечтательная. Русские интеллектуалы даже любят признаваться в «обломовщине». Василий Розанов писал: *Я вечный Обломов*. Журналист Максим Соколов в одном из интервью («Итоги», 28.01.97) говорит: *Идея у нас действительно ценится. Но я думаю, что это скорее проявление русской лени. Концепцию складывать легче, нежели наблюдать факты*. Ему замечают: *Вы для многих тоже ассоциируетесь с обломовским типом. – Я люблю лежать на диване, – с готовностью отвечает он.*

Русская культура допускает и философское оправдание лени. Она не только глубоко впитала комплекс еkkлeзиастических и новозаветных представлений о суете сует, о тщете всякой деятельности и о птицах небесных, которые не жнут и не сеют. Она ещё и интерпретировала их как апологию бездеятельности. Русскому человеку очень естественно среди энергичной деятельности вдруг остановиться и задаться вопросом о её экзистенциальном смысле, как хлопотливый Кочкарев из гоголевской «Женитьбы»: *И спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает?* В этом контексте

бездеятельность может восприниматься как проявление высшей мудрости, а лень – чуть ли не как добродетель.

Представление о трудности мобилизации внутренних ресурсов, отраженное не только в словах *собраться* / *собираться*, *заодно*, *лень*, но и в целом ряде других труднопереводимых русских слов и выражений (*неохота*, *да ну!*, *выбраться* <из дома> и т. п.), возможно, является одним из многочисленных проявлений того, что Н.А. Бердяев называл «властью пространств над русской душой». Прежде чем что-то делать, надо как бы собрать воедино ресурсы, рассредоточенные на большом пространстве. Идея 'собираения' того, что было разбросано на большом пространстве, отражена во многих русских выражениях. Кафедральный храм в городе называется *собор*, термин *кафолический* в «Символе веры» передается как *соборный* (и это дало начало одному из самых специфичных русских концептов – *соборности*); в дорогу мы вещи не *пакуем*, как носители западных языков, а *собираем*, и это так и называется – *собираться в дорогу*. С «широкими русскими просторами» связано чрезвычайно большое количество труднопереводимых русских слов, начиная с самого слова *простор* (а также такие слова, как *даль*, *ширь*, *приволье*, *раздолье*, и, с другой стороны, *неприкаянный*, *маяться*, *не находить себе места*). Но вопрос о том, как носители русского языка воспринимают пространство и какое влияние родные просторы оказывают на язык, – это тема отдельной статьи.

Печатается по:
журнал «Отечественные записки».
2002. № 3.

В.А. Козырев, В.Д. Черняк

Типология словарей русского языка

Конец XX в. ознаменован небывалым подъемом словарного дела. Различные фрагменты языковой картины мира, уровни языковой системы, разнообразные аспекты научного знания воплощаются в словарной форме. Современная отечественная лексикография предоставляет получателю словарной информации широкий

круг самых разнообразных словарей. Разноаспектность словарной информации нередко не позволяет дать лексикографическому изданию однозначную характеристику, что может затруднить его поиск. Даже в библиографических справочниках и каталогах найти нужные словари бывает нелегко. Ещё труднее определить, каков объем и характер информации, содержащейся в том или ином словаре, к каким лексикографическим изданиям целесообразно обращаться при решении возникающих лингвистических, методических и иных вопросов. Таким образом, задача создания типологии словарей диктуется практическими потребностями обобщения и систематизации имеющейся лексикографической продукции. В то же время проблема типологии словарей является одной из важнейших в теории лексикографии, поскольку позволяет не только осмыслить уже осуществленное, но и прогнозировать создание новых типов словарей, определять характер лексикографических проектов, стимулировать усилия лексикографов в разных направлениях.

Тип словаря определяется основной информацией, которую он содержит, его общим назначением. Первым в отечественной науке к проблеме типологии словарей обратился Л.В. Щерба. В своей статье «Опыт общей теории лексикографии» (Щерба 1974) он предложил классификацию словарей, в основе которой лежат шесть противоположений.

Особого внимания заслуживает разграничение **лингвистических** (прежде всего толковых) и **энциклопедических** словарей, которое в первую очередь заключается в том, что в энциклопедических словарях описываются понятия (в зависимости от объема и адресата словаря дается более или менее развернутая научная информация), в толковых – лексические значения. Сравним толкования в «Словаре русского языка» (МАС) и «Советском энциклопедическом словаре» (СЭС) (М., 1986):

<...> СУРЬМА (лат. Stibium), Sb, хим. элемент V группы периодич. системы Менделеева, ат. н. 51, ат. м. 121,75. Назв. от тур. surme. Образует неск. модификаций. Обычная С. (т.н. серая) – синевато-белые кристаллы. Плотн. 6,69 г/см³, t пл. 630,5°С. На воздухе не изменяется. Важнейший минерал – антимонит (сурьмяный блеск). Компонент сплавов на основе свинца и олова (аккумуля-

торные, типографские, подшипниковые и др.), полупроводн. материалов (СЭС).

СУРЬМА, -ы, ж. 1. Химический элемент, серебристый хрупкий металл (применяется в технике и медицине). 2. Краска для чернения волос, бровей, ресниц [от перс. surma – металл] (МАС).

Немалое место в энциклопедических словарях занимают словарные статьи, заголовочным словом в которых являются имена собственные.

Здесь уместно вспомнить небесспорное замечание Н.З. Котеловой: «Энциклопедия – не словарь и не имеет отношения к лексикографии. Единственный повод считать её словарем – расположение обозначений описываемых реалий в алфавитном порядке» (Котелова 1976: 30). Сегодня лексикографы всё чаще склоняются к иной точке зрения: «Главный «герой» лингвистического словаря – слово, главное «действующее лицо» словаря энциклопедического – вещь, реалия с её параметрами. Лингвисты описывают бытие слов, их форм и значений, авторы энциклопедий систематизируют бытие действительности с её вещами, обладающими пространственно-временными и прочими характеристиками. Но два эти бытия не изолированы друг от друга, и на деле лингвисты всегда вынуждены касаться проблем вещей, а «энциклопедисты» – проблем слов. Граница между «словами» и «вещами», проходящая в нашем сознании, условна, прозрачна, а подчас и неуловима» (Елистратов 1997: 7). Отражение в толковом словаре необходимой экстралингвистической информации только увеличивает информационный потенциал словарной статьи, позволяет более полно показать разные аспекты бытования слова. Такой подход отвечает актуальным задачам современной лексикографии (см. об этом: Гак 1998; Калакуцкая 1991; Калакуцкая 1995; Крысин 1990; Скляревская 1994). Эта позиция полностью соответствует современным представлениям о постоянном взаимодействии языковых и энциклопедических знаний в психологической структуре значения слова: «В индивидуальном лексиконе хранятся словоформы и значения слов, в совокупности выступающие в роли средства доступа к информационной базе человека, которая, в свою очередь, обеспечивает становление психологической структуры значения слова на стыке общесистемного значения и всего комплекса знаний и переживаний, без которых словоформа остается просто не-

которой последовательностью звуков или графем, а общесистемное значение не дает выхода на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира» (Залевская 1999: 167).

Р.М. Фрумкина соотносит типологию словарей с моделью языкового сознания, отмечая, что практическая лексикография «ориентирована в конечном счете на более или менее наивное восприятие. С той разницей, что словари общего типа должны быть своего рода моделью действительно наивного языкового сознания, т. е. языкового сознания нерелефлирующего индивида, а словари научные – быть адекватными и наивному слою языкового сознания профессионала, и более глубинной части этого сознания, т. е. особому профессиональному чутью» (Фрумкина 1989: 45).

Современные исследователи, развивая идеи Л.В. Щербы, исходят из того, что типология словарей, с одной стороны, позволяет определить статус каждого словаря, а с другой – обладает прогнозирующей силой, открывает перспективу перед лексикографами. Так, В.В. Морковкин подчеркивает, что типология словарей должна порождать свободные («менделеевские») места в классификации, позволяющие прогнозировать и создавать новые типы словарей. Учитывая невозможность сведения типологии словарей к классификации по одному основанию, он предлагает три типа оснований для классификации: «что»-основания, «как»-основания и «для кого»-основания. Первые определяют объект словарного описания, вторые – характер расположения материала, способ обнаружения информации, третьи – специфику словаря в связи с образом адресата, его национальными, возрастными, профессиональными и иными возможностями (Морковкин 1983: 130–132).

П.Н. Денисов полагает, что типологию словарей определяют четыре основных координаты: 1) лингвистическая (по этой координате выделяются толковые, идеографические и аспектные – синонимические, антонимические, омонимические и т. п. – словари); 2) психологическая, связанная со свойствами и особенностями пользователя (по этой координате выделяются словари для носителей языка, для иностранцев, для ЭВМ); 3) семиотическая (эта координата задает знаковую специфику словаря, своеобразие метаязыка, совокупность средств фиксации информации – шрифты, выделения, цвета, таблицы, символы); 4) социологическая (эта координата пред-

полагает учет особенностей данной культуры, данного общества, носителя данного языка; на это специально ориентированы, например, лингвострановедческие словари, словари к произведениям русской классической литературы XIX в.) (Денисов 1980: 210–211).

Подчеркивая адресную направленность лексикографической продукции, Ю.А. Бельчиков и Г.Я. Солганик предлагают группировку словарей, определяющуюся запросами потенциальных пользователей, среди которых выделяются следующие основные группы: носители языка, изучающие неродной язык, лингвисты. Так, разные категории носителей языка (особое место среди них принадлежит учащимся) остро нуждаются в словарях «первой лексикографической помощи» (толковых, иностранных слов, орфографических, орфоэпических). У тех, кто занимается чтением текстов с разными целями (литературный редактор, учащийся, учитель-словесник, исследователь-филолог), возникает потребность в словарях, дающих информацию о парадигматических связях слов. Тем, кто работает над созданием текстов, нужны словари, дающие информацию о сочетаемости слов. В то же время остается актуальной задача создания комплексного толкового нормативно-стилистического словаря (Бельчиков, Солганик 1997).

В.Г. Гак, имея в виду многообразие уже созданных словарей и возможности появления новых видов лексикографических изданий, отмечает наличие более или менее широких словарных серий в пределах одного типа. Центральным типом лексикографических изданий является толковый одноязычный словарь. В других словарях, как правило, имеет место сочетание нескольких типологических признаков.

С точки зрения отбора лексики словари тезаурусного типа (максимально полные) противопоставляются тем, в которых лексика отбирается по определенным параметрам: а) по сфере употребления (словари разговорной, просторечной лексики, диалектные; арго; терминологические; поэтические и т. п.); б) по исторической перспективе (словари архаизмов, историзмов, неологизмов); в) по происхождению (словари иностранных слов, интернационализмов); г) по характеристике некоторых типов слов (сокращений, ономастические, окказионализмов); д) по источнику (словари отдельных авторов).

С точки зрения **раскрытия отдельных аспектов слова** (параметров) выделяются этимологические, грамматические, орфографические, орфоэпические словари, словари служебных слов и т. п.

С точки зрения раскрытия **системных отношений между словами** выделяются гнездовые, словообразовательные, омонимические, паронимические словари (план выражения); синонимические, антонимические словари (план содержания).

С точки зрения **выбора единицы описания** выделяются: а) словари морфем, корней (единица описания меньше слова); б) словари словосочетаний, фразеологизмов, цитат и т. п. (единица описания больше слова).

С точки зрения описания определенного **диахронического среза** выделяются исторические словари, словари разных эпох современного языка.

С точки зрения **функционального аспекта** слова выделяются: а) по частотности – частотные словари, словари редких слов; б) по стилистическому использованию – словари метафор, эпитетов, сравнений, экспрессивной лексики; в) по нормативной характеристике – словари трудностей, правильностей.

По **направлению изложения материала** (с отклонением от обычного алфавитного) выделяются: а) исходя из формы, обратные словари, словари рифм; б) исходя из содержания, идеографические, тематические словари. Каждый тип словаря, имеющий свою центральную задачу, предполагает свою совокупность лексикографических решений (Гак 1988: 44–46).

Попытка построения универсальной, глубинной и перспективной классификационной схемы словарей сделана А.М. Цывиным (Цывин 1978). Каждый объект классификации (словарь) предлагается определять по восьми признакам, в связи с чем строится восемь классификационных схем. Элементарными признаками, на которых основана классификация словаря, являются заглавный словарный блок (левая сторона словаря) и разработка заглавного словарного блока (правая сторона словаря). Их сочетание формирует словарную статью.

Первая классификационная схема основана на соотношении правой и левой стороны словаря. Все словари делятся на одно-

сторонние (имеющие только левую часть, например, орфографические, обратные) и двусторонние. Двусторонние (имеющие левую и правую часть) делятся на переводные и непереводные. Двусторонние непереводные словари или объясняют значение слова, или поясняют его форму и функцию, причем левая и правая части выполнены на одном языке. Объяснительные словари – это все толковые словари. Пояснительные делятся на функциональные (частотные, стилистические, словари трудностей и т. п.) и формопоясняющие, дающие полную грамматическую характеристику слова (грамматические словари).

Следует иметь в виду, что чисто объяснительных толковых словарей не существует, они обязательно содержат сведения поясняющего характера (о произношении, стилистическом употреблении, грамматических характеристиках).

Вторая классификационная схема основана на способе расположения заглавного словарного блока. По этому признаку все словари делятся на алфавитные и неалфавитные. Алфавитные словари делятся на строго алфавитные (прямые и обратные) и гнездовые (ср., например, словарь В.И. Даля). Неалфавитные словари делятся на тематические (слова в них расположены по понятийным группам, обозначающим те или иные фрагменты лингвистической картины мира) и статистические (слова в них расположены по убывающей или возрастающей частоте).

Третья классификационная схема основана на признаке состава заглавного словарного блока. В ней противопоставляются лексикон (в левой части словаря представлены слова или части слов) и фразарий (в левой части словаря представлены словосочетания или предложения). Лексиконы делятся на глоссарии (заглавный словарный блок равен слову) и морфемарии (заглавный словарный блок равен морфеме).

Четвертая классификационная схема основана на характере отбора заглавного словарного блока (левой части словаря). Противопоставляются в этой схеме тезаурусы и атезаурусы. Тезаурусы отражают всю лексику определенного объекта без всякого отбора. При этом общие тезаурусы регистрируют вообще все слова данного языка (что практически невозможно), отраслевые тезаурусы регистрируют без отбора слова определенной системы (отдельного

диалекта, отдельной науки или отрасли производства). Атезаурусы основаны на определенной последовательной системе отбора.

Пятая классификационная схема. В ней основным различительным признаком является объект отображения. С этой точки зрения все словари делятся на общие и частные. Общие словари делятся на словари национального языка и словари литературного языка, однако в отечественной лексикографии четкого разграничения этих двух типов нет. Частные словари, подразделяясь, в свою очередь, на словари книжного языка и словари не книжного языка, представлены словарями языка газеты, словарями языка отдельных писателей и отдельных произведений, областными словарями.

Шестая классификационная схема основана на отражении в словаре исторических процессов. С этой точки зрения все словари делятся на синхронные и диахронные. В синхронных словарях лексика рассматривается вне движения словарного состава. Диахронный словарь отражает динамику лексики определенного временного среза. Диахронные словари делятся на перспективные, отмечающие новые слова и значения, и ретроспективные, которые, в свою очередь, делятся на этимологические и исторические.

Седьмая классификационная схема строится по признакам цели и назначения словаря. Основное противопоставление здесь – противопоставление учебных словарей и словарей-справочников. Учебные словари, одноязычные и двуязычные, предназначены для лиц, изучающих язык. Словарь-справочник рассматривается как такой тип словаря, где читатель может найти справку о любых словах, значение или употребление которых неясно для него. Словари-справочники подразделяются на нормативные, определяющие образцовое употребление языковых средств, и описательные, по возможности полно описывающие существующее словоупотребление всего языка или его фрагмента.

Восьмая классификационная схема связана с тем, какие слова представлены в левой части словаря – имена собственные или нарицательные. Основное противопоставление здесь: ономастиконы – аппеллятивы. Ономастиконы делятся на антропонимические и неантропонимические (например, топонимические) словари.

Представленная классификация позволяет дать объемную характеристику всем словарям русского языка, сопоставить их по

однотипным дифференциальным признакам. Например, «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова характеризуется как объяснительный прямой строго алфавитный обычный глоссарий атезаурус литературного языка синхронного типа и научно-нормативный словарь-справочник (апеллятив). Такая характеристика каждого словаря точно определяет его место в системе лексикографических изданий, адекватно отражает специфику его структуры, информационный потенциал. Очевидны и прогнозирующие возможности предложенной классификации.

Многоаспектность и многоярусность представленных научных типологий лексикографических изданий не позволяет воспользоваться ими в целях практического расположения материала.

Чисто практический характер носит типология филологических словарей, разработанная в издательстве «Русский язык» (Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии 1988: 214–218). В её основу положены тематика, адресат словаря и объем словника:

I. Словари, описывающие лексическую систему русского языка. 1. Толковые словари различного объема для различных категорий читателей. 2. Словари новых слов. 3. Словари иноязычных слов. 4. Словари, отражающие системность связей между словами (аспектные словари): словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов. 5. Словари по фразеологии и паремии. 6. Словари по ономастике и топонимике. II. Словари, описывающие грамматическую систему русского языка. III. Словари сочетаемости. IV. Словари по словообразованию. V. Словари по орфоэпии. VI. Словари по орфографии. VII. Словари трудностей. VIII. Словари по этимологии. IX. Исторические словари. X. Словари языка писателей. XI. Справочники по словарной литературе. XII. Словари терминов по языкознанию. XIII. Памятники русской лексикографии. XIV. Словари по лингвостатистике <...>.

Очевидно, что для создания объемного лексикографического портрета слова или группы слов необходимо обращение к словарям различных типов, к различным базам данных, что бывает нелегко осуществить на практике. Компьютерная лексикография XXI в. должна изменить эту ситуацию: «Возможности компьютерной лексикографии должны привести к тому, что в будущем различие ме-

жду словарной картотекой и готовым словарем должно уменьшиться и в конечном счете исчезнуть: бесчисленное количество различных типов словарей должно программно порождаться из лексикографически обработанной автоматизированной словарной картотеки» (Андрющенко 1986: 40). Несомненно, появятся новые типы словарей, отвечающие все возрастающим запросам пользователей.

Аспекты лексикографического описания слова в словарях различных типов

Слово как центральная и сложнейшая единица языка, органически воплощающая единство формы и содержания, предполагает многоаспектность описания. По словам Л.В. Щербы, «каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии» (Щерба 1974: 285). Сложившееся к настоящему времени многообразие лексикографических изданий позволяет отразить разные стороны словарного состава в целом и отдельных лексических единиц.

Лексико-семантический уровень русского языка содержит сотни тысяч единиц, которые находятся между собой в самых разнообразных отношениях. Представить всю совокупность этих отношений один, даже самый полный словарь не в состоянии. Русская лексикография на протяжении длительного пути своего развития стремилась к созданию системы словарей, в которой слово раскрывало бы все свои возможности в синхронии и диахронии.

Словари русского языка в своей совокупности систематизируют наши знания о языке и о мире. Эти знания воплощаются в типе словаря, объеме словника, в способе представления лексикографируемого материала, в структуре и элементах словарной статьи.

Объектом описания в словарях являются дискретные, внешне независимые друг от друга единицы, в то же время множество объектов образует систему. Сложность лексикографического описания заключается в этом противоречии: каждая лексическая единица должна раскрыть в словаре свои уникальные особенности и в то же время выступить как элемент системы. Э. Агрикола пишет о необходимости отражения в содержании словаря микро-, медио- и макроструктур в их взаимосвязи, при этом под микроструктурой по-

нимается семантическая структура слова, медиоструктура – это структура лексических группировок (тематических, семантических полей, ассоциативных полей), макроструктуры предполагают взаимосвязи этих группировок (Агрикола 1984). Кроме того, словарю надлежит описывать, «по сути дела, две реальности: слово как элемент языковой системы, т. е. как сугубо лингвистический объект... и слово как элемент речевой деятельности, его поведение в различных сферах своего функционирования, т. е. уже как объект социальный, исторический и культурный» (Бережан 1988: 14).

Полнота и характер лексикографической информации связаны с её ориентированностью на определенного адресата. Особое значение для читателей словаря имеют структура словарной статьи, набор её компонентов, обеспечивающих достоверную информацию о слове, о разных видах его языкового окружения. В компонентах и структуре словарной статьи отражаются объективная сложность описываемых словарных единиц, своеобразие лексикографических жанров, совокупным объектом которых является практически открытое множество лексических единиц в их современном состоянии и исторической перспективе. «Сверхзадачей системной лексикографии, – отмечает Ю.Д. Апресян, – является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира – наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре» (Апресян 1995: 351).

В последние годы словарная статья рядом исследователей рассматривается как особый вид текста (Андреюк 1997; Воробьева 1981; Скибина 1984), отличающийся особыми параметрами и особой прагматической установкой. «Словарная статья, выделяющая слово из общей лексической системы, сама строится на системных отношениях описываемого и толкуемого слова... Синонимические, антонимические и родо-видовые отношения связывают слова в сложную систему, подвижную, эволюционирующую. Эти же отношения определяют и семантический объем словарной статьи» (Брагина 1980: 63–64).

Н.Ю. Шведова отмечает «парадоксы словарной статьи». Во-первых, они связаны с всеохватностью задачи описания лексиче-

ской системы, с одной стороны, и сжатостью, миниатюрностью жанра, с другой, во-вторых, с «классоцентризмом» языка и «лексоцентризмом» (эгоцентризмом) слова в словарной статье. Лексоцентризм словарной статьи предполагает представление в ней слова как единицы, «влекущей к себе» другие слова, формы и виды связей. Классоцентризм языка основан на том, что слово не столько притягивает к себе, сколько подчиняется законам языковой системы. Отмечая те групповые отношения, в которые вступает слово и которые с большей или меньшей степенью полноты представляются в словарях различных типов, Н.Ю. Шведова выделяет следующие классы: 1) частеречный; 2) лексико-семантический; 3) собственно грамматический (например, одушевленность, собирательность у существительных, вид, возвратность у глаголов); 4) словообразовательный (для производных слов); 5) деривационный (по типам гнездования); 6) класс синтаксических связей; 7) класс семантических связей; 8) класс стилистический; 9) функциональный класс (по сфере употребления); 10) класс хронологический, локально-хронологический или только локальный; 11) класс квалификационный и оценочный; 12) класс орфоэпический; 13) класс акцентологический; 14) класс орфографический. В словарной статье должны отразиться многоаспектность слова, многообразие его связей в системе языка (Шведова 1988: 7–8).

Индивидуальные и групповые отношения слова выявляются в той совокупной информации, которую представляет словарная статья, в наборе лексикографируемых параметров. «Под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами – это особое словарное представление структурных черт языка» (Караулов 1981: 52), это «способ лексикографической интерпретации того или иного структурного элемента или функционального явления языка и их экстралингвистических соответствий» (Караулов 1981: 111). Ю.Н. Караулов выделяет в словарях русского языка 68 лексикографируемых параметров (Караулов 1981: 76–77). В зависимости от типа словаря меняется количество, соотношение параметров и

глубина их разработки. Так, к обязательным параметрам современного толкового словаря как основного вида лексикографических изданий относятся орфографический, акцентологический (для определенных категорий слов), грамматический (часть речи, категориальные характеристики слова как части речи и др.), стилистический, семантический, синтаксический, фразеологический, словообразовательный и ряд других. Факультативными являются этимологические, ассоциативные, паронимические, гиперонимические, тематические соответствия, лингвострановедческие, статистические, библиографические сведения. В иных типах словарей набор лексикографируемых параметров может меняться, расширяться, давая возможность лексическим единицам раскрыть все свои грани. В то же время «лексикографическое сопровождение повседневности с целью соблюдения литературных норм, исправления ошибок и достижения точности словоупотребления нет нужды обеспечивать фундаментальными словарями, содержащими глубокою, подчас предельно полную, семантическую, грамматическую и стилистическую разработку слова. Подобную функцию справочного пособия частично выполняют мало- или даже однопараметровые (аспектные) словари, а также словари с минимальным числом параметров» (Караулов 1990: 52). Итак, количество лексикографируемых параметров и глубина их проработки определяют структуру словарной статьи.

Важнейшим компонентом словарной статьи является словарное толкование, а разработка метаязыка словаря (языка словарного описания) является важнейшей лексикографической проблемой. Лексикографы разных стран обсуждают теоретически и решают практически вопрос создания универсального метаязыка, который позволил бы, пользуясь определенным набором семантических примитивов и символическими способами их обозначения, строить соотносимые друг с другом толкования слов разных языков (Вежбицкая 1996: 327–328).

В отечественной лексикографии предпочтение отдается естественному языку для создания точных и непротиворечивых словарных толкований. «Толкование объясняет значение данной лексемы, служит для установления её места в семантической системе языка, служит основой для правил семантического взаимодействия данной лексемы с другими в составе высказывания» (Апресян

1994: 29). Словарное толкование строится на основе выделения минимальных семантических компонентов, позволяющих идентифицировать предмет, включить слово в группу родственных по смыслу единиц и четко определить различия между ними. Однако в словарях далеко не всегда выдерживается единообразие даже при описании групп семантически близких лексических единиц. Рассмотрим, как толкуются в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой значения слов, называющих пернатых, которые гнездятся в России:

воробей – «маленькая птичка с серо-черным оперением», горихвостка – «небольшая певчая птица семейства дроздовых с рыжим хвостом»,

дрозд – «лесная птица из отряда воробьиных», дятел – «лесная лазящая птица с сильным клювом», зяблик – «небольшая лесная певчая птица семейства вьюрковых с красноватыми перьями по бокам»,

иволга – «певчая птичка из отряда воробьиных», жаворонок – «певчая птица из отряда воробьиных», малиновка – «небольшая перелетная певчая птица», соловей – «буро-серая птичка из отряда воробьиных, отличающаяся красивым пением»,

стриж – «небольшая птица отряда длиннокрылых».

Очевидно, что набор семантических компонентов («принадлежность к семейству пернатых», «размер», «характер оперения», «место обитания», «певчая / непевчая» и др.) не представлен достаточно последовательно в каждом толковании. Не во всех случаях эксплицируются признаки, важные для национального языкового сознания. Для удобства пользователя целесообразно в ряде случаев расширение словарной информации, введение в неё компонентов, позволяющих создать более четкий зрительный образ денотата и отличить его от близких реалий.

Подчеркивая чрезвычайную сложность создания непротиворечивых словарных толкований, Н.Ю. Шведова пишет: «Для того чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими группировками внутри отдельных частей речи. Только на этом пути могут быть достигнуты единство в разграничении значений, однотипность толкований, непротиворечивые приемы подачи фра-

зеологизмов и примеров, последовательность и единообразие стилистических характеристик. Иными словами, словарь станет не просто квалифицированно составленной коллекцией слов, за которой стоит лексикограф со своим знанием языка и со своим пониманием отдельного слова, а также научным произведением, которое опирается на специально для него разработанные эталоны описания слов, так или иначе объединенных формально и семантически» (Шведова 1981: 171).

Словарная дефиниция (толкование) и словарная статья в целом должны не только в удобной и экономичной форме дать строгую и по возможности исчерпывающую информацию о значении отдельного слова, но и показать место слова в лексической системе, его связи с близкими по значению лексическими единицами (Арбатский 1977: 37).

В практике отечественной лексикографии сложились универсальные типы словарных дефиниций: денотативные, реальные, описывающие характерные признаки объекта; логические, указывающие на ближайшее родовое понятие и на существенный отличительный признак; эквивалентные, отсылающие к синониму; отсылочные (например, серии отсылочных толкований: Тот, кто; Женск. к; Специалист в области; Относящ. к и т. д.). Нередко наблюдается сочетание разных типов дефиниций (Скляревская 1994: 28).

Как уже отмечалось, самая широкая и разноаспектная информация о слове представлена в толковых словарях, которые в словарных дефинициях отражают языковую картину мира, содержат сведения о грамматических характеристиках лексических единиц, об особенностях их функционирования и решают свою главную задачу – с помощью принятого составителями особого инструмента описания отразить основные характеристики семантической структуры слова, системы его значений.

В толковых словарях слово предстает в неразрывной связанности трех важнейших системных параметров – парадигматического, синтагматического и деривационного. Эти параметры становятся предметом специального внимания лексикографов в аспектных словарях: синонимических, антонимических, паронимических, омонимических, идеографических (парадигматические связи слов), сочетаемости, эпитетов (синтагматические связи), словообразова-

тельных (деривационные связи). Однако принципиально важно стремление лексикографов представить в любом словаре разноаспектную информацию о слове. Степень её полноты, представление в компактной форме разнообразных сведений о лексических единицах свидетельствуют о достоинствах словаря.

Грамматика и лексика в словаре неразрывно связаны. Это положение оказывается принципиально важным для современной лексикографической практики, для лексикографических изданий активного типа. Н.Ю. Шведова отмечает: «Грамматический строй пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не потребовало бы включения в свою формулировку «лексической части» (Шведова 1984: 11).

Попытки систематизировать словарное описание, сделать его максимально адекватным языковой системе вызвали к жизни «главное понятие системной лексикографии» – понятие лексикографического типа, представляющего собой «группу лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное, сочетаемое, морфологическое, просодическое и т. п.), к которому обращаются одни и те же правила лингвистического описания («грамматика в широком смысле») и которые требуют поэтому единообразного описания в словаре» (Апресян 1995: 349). Актуально в современной лексикографии и понятие лексикографического портрета – «такого описания слова, при котором все его свойства представлены во всем богатстве и многообразии. В частности, толкование слова должно в идеале давать представление обо всех тонкостях его значения» (Богуславский, Зализняк 1995: 164). Слово раскрывает разные свои стороны в зависимости от того, в окружении каких лексических единиц оно оказывается, какими отношениями с ними связано. Внимание к функциональному аспекту слова отличает все заметные лексикографические издания. Контекст в словаре понимается как «сочетание семантически реализуемого слова с необходимым и достаточным для реализации смысла лексическим окружением» (Бабкин 1977: 28).

Современная практическая лексикография, оснащенная мощными компьютерными технологиями, подходит к решению важной задачи соединения в лексикографическом описании информации из различных областей гуманитарного знания. Концепция нового ин-

тегрального словаря, создаваемого в настоящее время в Институте русского языка РАН, предусматривает решение фундаментальной задачи – целостного описания языка, при котором словарь и грамматика согласованы друг с другом. В интегральном словаре описываются синтагматические правила взаимодействия лексических и грамматических значений, в нём расширяется объем сведений о свойствах лексемы (семантических, морфологических, синтаксических, сочетаемостных), расширяется и объем актуальной для восприятия слова энциклопедической информации (Апресян 1995). Покажем на примере одной словарной статьи (приводится в сокращении), разработанной в соответствии с концепцией интегрального словаря (Богуславская 1995), особенности системного представления всех лексикографируемых параметров.

ОГУРЕЦ

морфология

СУЩ. м. 5*Б.

1. 'вид растения' *Огурцы выращивают в парниках;*
2. 1. 'плод растения вида огурец 1' *Прикрыт ватой толстый пожелтевший огурец, оставленный на семена;*
2. 2. 'съедобный продукт, доставляемый растением вида огурец 1' *На закуску подали малосольные огурцы с укропом.*

ОГУРЕЦ 1.

морфология Если речь идет об отдельных конкретных экземплярах растения данного вида, формы ЕД свободно используются для обозначения единственного экземпляра, противопоставляясь формам МН: *Один огурец – самый смелый – вылез из-под небрежно сброшенной пленки и далеко отбросил сочную плеть. В парник поместилось только десять огурцов.* Если же речь идет о классе растений определенного вида, то формы ЕД используются только в специальных текстах – например, в растениеводческих инструкциях, где они преобладают: *Уход за растениями кабачка и патиссона такой же, как и за растениями огурца* (Справочник садовода-любителя). В общелитературных текстах в таких случаях решительно преобладают формы МН: *Огурцы <*огурец> выращивают в парниках или в открытом грунте; Рассадку огурцов <*огурца> высаживают в грунт в конце апреля.* Употребление форм ЕД в текстах общелитературного жанра ограничено субъект-

ной позицией предложений тождества типа *У настоящего огурца <настоящих огурцов> должны быть усики*;

значение '*Огородное вьющееся растение с широкими крупными листьями, желтыми цветами и удлинёнными ярко-зелеными или бледно-зелеными с белыми полосками плодами, которые употребляются в пищу*';

энциклопедия *Огурцы (Cucumis sativa) – повсеместно культивируемое растение семейства тыквенных. Плод – огурец – является ягодой. Характерно для огурцов наличие усиков. Родина – Америка, где они растут в диком виде. В средних широтах огурцы выращиваются как в открытом грунте, так и в парниках и теплицах;*

синтаксические признаки ИСЧИСЛ. [см., впрочем, морфологический комментарий];

гипер. росток [только в применении к отдельному экземпляру], плеть [только в применении к отдельному экземпляру], растение, культура;

дер. огуречная (рассада);

соч. сажать <но не сеять> огурцы, <выращивать, полоть, поливать> огурцы, грядки огурцов, плети огурцов, ростки огурцов, выращивать огурцы в грунте <в парнике>, грунтовые <парниковые> огурцы;

ил. Два огурца слева совсем завяли, их листочки почернели и сморщились. / В Голландии своей, наоборот, / мы разведем с тобой огород. /... / Пускай шумит над огурцами дождь, / мы загорим с тобой по-эскимосски... (И. Бродский. Пророчество). Где-то, где начинались огороды, поливали огурцы на грядках, переливая воду из ведра в ведро, и гремели цепью, набирая её из колодца (Б. Пастернак. Доктор Живаго). Такие овощи, как огурец, томат, перец, лук на перо, кориандр, и другие зеленные вполне можно вырастить в условиях городской квартиры (Справочник садовода-любителя).

ОГУРЕЦ 2.1.

значение '*Съедобный в сыром виде плод растения вида огурец 1: удлинённый, часто слегка изогнутый, размером с ладонь, с ярко-зеленой или бледно-зеленой с белыми полосками кожицей, покрытой пупырышками, внутри светло-зеленый, имеющий более мягкую и водянистую консистенцию, с белыми семечками, обладает характерным запахом свежести*';

[энциклопедия] Получила большое распространение другая разновидность огурцов, так называемые длинноплодные огурцы, с плодами, покрытыми темно-зеленой гладкой кожицей, гораздо более длинными, размером с руку от кончиков ногтей до локтя. Однако при уподоблении какого-либо предмета огурцу всегда имеется в виду канонический огурец;

[синтаксические признаки] ИСЧИСЛ.;

[гипер.] плод;

[дер.] огурчик [формальный диминутив *огурчик* часто употребляется вместо формы *огурец*. Мужики оглушили его, кричали ему: «Вот первый сорт огурчик, Ваше благородие!» (И. Бунин. Солнечный удар)];

[соч.] собирать <снимать, резать> огурцы <*огурец>, сорвать огурец <несколько огурцов>; маленькие огурцы [считаются лучшими некрупные экземпляры, поэтому малоупотребительно мелкие огурцы, так как прилагательное мелкий в применении к названиям растений и других живых существ имеет значение «меньше нормы» и коннотацию «невысокого качества»], крепкий огурец; шаль с каймой из красных огурцов [специфический традиционный узор, состоящий из фигур, по форме напоминающих огурцы];

[коннотации] свежесть, крепость (о человеке): *Как он выглядит? – Как огурец* <чаще > [т. е. очень здоров и бодр: ср. ироническое продолжение этого диалога, вскрывающее условность уподобления здорового и бодрого человека огурцу: Как огурчик. Зелененький и весь в прыщах];

[ил.] Тузик выпил с большим удовольствием и с хрустом закусил огурец (А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне). Дон Рэба поспешно сунул ему соленый огурец. Король молча швырнул огурцом в дон Рэбу и опять протянул руку (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). Он зачем-то походил по свежему навозу среди телег, среди возов с огурцами, среди новых мисок и горшков (И. Бунин. Солнечный удар).

Характерное для современной лексикографии внимание к функционированию слова проявляется и в максимально полном отражении синтагматических свойств лексических единиц в толковых словарях, словарях синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, и в появлении специальных словарей сочетаемости, словарей

эпитетов. Синтаксисты осуществили возможность представления синтаксического строя русского языка в словарных параметрах. Особенно актуальной сегодня становится выдвинутая ещё Л.В. Щербой задача создания словаря активного типа, максимально полно удовлетворяющего коммуникативные запросы пользователя, эффективно выполняющего роль инструмента, который помогает человеку понимать и порождать текст.

Для словарей различных типов, прежде всего тех, которые описывают семантику слова, особое значение имеет иллюстративный материал. Он, с одной стороны, демонстрирует типичные условия функционирования лексических единиц, подтверждая их системные характеристики, с другой – дает как бы моментальный снимок реальной жизни слова, выхваченный из многообразия возможных ситуаций его использования. Именно поэтому Л.В. Щерба сформулировал «практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров» (Щерба 1974: 285). Подчеркивая значимость «оправдательных цитат» (типизированных контекстов), С.Г. Ильенко пишет: «Они как бы завершают естественный лингвистический круговорот, в котором толкование значения слова, вырастая из контекстов, вновь ими подкрепляется, возвращается «на круги своя», копируя в определенном смысле путь индивидуального языкового сознания. Но главное не в этом. Типизированный контекст должен быть квалифицирован как жанровая составляющая словарной статьи наряду с презентацией слова-знака, его толкованием, системой стилистических и грамматических помет. Словарная статья интертекстуальна по своей сути, поскольку обусловлена в конечном счете взаимодействием множества текстов друг с другом внутри единства, целостность которого определяется презентацией слова» (Ильенко 1995: 79). Особую роль играет иллюстративный материал в так называемой писательской лексикографии, где в примерах раскрывается особая эстетическая функция слова в художественной литературе. В диалектных словарях иллюстративный материал позволяет читателям представить себе реальные условия функционирования слова в живой народной речи.

Один из важнейших аспектов описания слова в словарях современного русского литературного языка – его нормативно-сти-

листическая характеристика. По существу, любой словарь современного литературного языка является и пособием по культуре речи. «Культура речи как прикладная дисциплина обладает своей особой формой теории. Это – словарь» (Рождественский 1988). Особенно важны нормативно-стилистические ориентации в толковых словарях, словарях синонимов, паронимов, орфоэпических словарях, в словарях трудностей русского языка. Они проявляются и в специальных нормативно-стилистических пометах, и в образцовых текстах, служащих источником иллюстративного материала. Принципиально важным является то, что нормативно-стилистические характеристики – наиболее динамичные параметры слова, поэтому обращение к разным толковым словарям, а также к широкому кругу аспектных словарей позволяет характеризовать норму (орфоэпическую, грамматическую, лексическую, стилистическую) в её динамике.

Особое значение имеет прагматическая направленность словаря. В семантико-стилистической характеристике слова, в отборе иллюстративного материала отражается как своеобразие языковых личностей лексикографов, так и их представление о социальных, возрастных, профессиональных особенностях потребителей словаря. Состав словарного материала, структура словарной статьи, количество лексикографируемых параметров, метаязык словаря непосредственно связаны с его прагматической направленностью.

В последнее время в лексикографии встает принципиально новая проблема: «человек и словарь», «словарь в личности и личность в словаре» (Караулов 1987: 27). Характеристика слова в различных словарях с учетом времени их создания, прагматической установки на адресата неразрывно связана с идеологией словаря, проявляющейся и в составе словника, и в характере дефиниций, и в оценочных пометах, и в иллюстративном материале. Словарь не просто описывает лексику, но обязательно отражает философию эпохи, совокупность этических представлений народа. Особенно интересен в этом отношении анализ словарей неологизмов, отчетливо демонстрирующих направленность языковых поисков носителей языка в хронологически ограниченный период.

Задача воссоздания истории отдельного слова и всего словарного состава языка лексикографическими средствами связыва-

ется со словарями исторического цикла (этимологическими, собственно историческими, диалектными). Как уже отмечалось, в зависимости от целевой установки в рамках указанных основных видов словарей исторического цикла возможно выделение различных типов, в которых акцент делается на раскрытие тех или иных формальных или содержательных сторон слова. Однако для получения наиболее полной информации об истории слова в письменной и устной формах его бытования особенно важна система словарей исторического цикла, которая сложилась в отечественной лексикографии совсем недавно. Ценность каждого словаря определяется тем, как решается в нём основная задача раскрытия формы и содержания слова в их исторической перспективе. Однако объём информации о слове и ценность каждого лексикографического издания возрастают в лексикографическом комплексе, слагаемом из этимологических, собственно исторических и диалектных словарей.

Наличие системы словарей исторического цикла обеспечивает возможность не только проследить историю отдельного слова, групп слов и т. д., но и восполнить лакуны, которые по тем или иным причинам неизбежны в любом словаре. Особое значение имеют данные диалектных словарей и для выявления сложных взаимосвязей между лексикой литературного языка и диалектными лексическими системами, для определения соотношения между разговорными, просторечными и диалектными словами и значениями.

Задачи определения динамических процессов в развитии словарного состава позволяют рассматривать в системе словарей исторического цикла и словари неологизмов.

Особое место среди современных словарей занимает «Сводный словарь современной русской лексики» (ред. Р.П. Рогожников). Словарь объединяет словники 14 популярных отечественных словарей: всех толковых – от Ушакова до Ожегова, словарей иностранных слов, орфографического, орфоэпического, словарей «Новые слова и значения» 1971 и 1984 гг., 3-е издание Большой Советской Энциклопедии, Советский энциклопедический словарь 1979 г., Политехнический словарь. «Сводный словарь», являясь самым полным сводом русской лексики (170 тысяч слов), служит своеобразным путеводителем по современным отечественным словарям, позволяет легко получить исчерпывающую справку о том, в

каких лексикографических изданиях и в какой форме было зафиксировано то или иное слово. Указанное в словаре количество «адресов» того или иного слова дает возможность сделать выводы о степени его распространенности, о его освоенности русским языком (что особенно важно для иноязычных слов и терминов), о вариантах его бытования. Анализ «Сводного словаря» показывает соотношение активного и пассивного фондов русской лексики, место специальной, терминологической лексики в составе литературного языка.

Слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно-два десятилетия. Поэтому, стремясь отразить все особенности функционирования слова, лексикограф должен обладать способностью видеть будущего читателя словаря, должен разглядеть существенные характеристики за теми, которые характерны для сиюминутного восприятия слова. Задача лексикографа – «смотреть на свой труд глазами будущих поколений, постоянно работать над проблемами «словарной геронтологии» (Григорьев 1977: 17).

Печатается по:

Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. СПб., 2000. С. 38–63.

Максим Кронгауз

Опыты воздействия на язык

Однако в двадцатом веке имели место и гораздо более успешные попытки критики и изменения языка. Их можно подразделить на два типа, которые несмотря на принципиальные отличия связывает то, что мотивом изменений оказывается не научная, а политическая или социальная идея. К первому типу относятся изменения в естественных языках, происходящие в тоталитарных государствах (среди них явные и скрытые, спонтанные и инспириро-

ванные властью), ко второму – изменения, открыто и как бы «законодательно» проводимые в языке под нажимом различных социальных течений (прежде всего, феминизма). Различные вариации второго типа изменений могут быть объединены под общим названием «политическая корректность».

Методы внедрения таких «поправок» и преследуемые при этом цели находятся вне сферы лингвистики. Лингвистической же задачей можно считать описание изменений, происходящих в языке, а также изучение связи языковых и речевых механизмов с прагматическими факторами, в том числе анализ и ограниченное предсказание возможных социальных и психологических последствий изменений в языке. Причем в случае исследования языковой ситуации в тоталитарных государствах лингвистический анализ является в первую очередь инструментом описания «новояза», поскольку в отличие от ситуации в романе Дж. Оруэлла его реальное формирование происходит достаточно стихийно, и сознательное «творческое» вмешательство власти представляет собой лишь один из факторов. Исследование немецкого языка Германии времен Третьего рейха, русского языка СССР и языков других социалистических стран обнаруживает как удивительные параллели даже на самых поверхностных уровнях, так и специфические черты в развитии каждого языка.

Течение политической корректности использует лингвистику для поиска тех черт обыденного языка и речевого поведения, которые сложились под влиянием традиционной культуры и навязывают современным носителям языка различные представления, связанные с неравенством и несправедливостью. Дальнейшей задачей считается устранение этих черт. Иначе говоря, речь идет о контроле над языком, его улучшении (или порче – в зависимости от точки зрения), то есть фактически созданию нового языка. Таким образом, можно говорить о лингвистическом анализе и о «нелингвистических» приложениях этого анализа, хотя наиболее успешные приемы изменения языка основаны на понимании его законов.

Политически корректная правка языка затрагивает в первую очередь лексику. Из языка исключаются «обидные» слова, которые заменяются нейтральными, например, *негр* на *афро-американец*. Однако существует претензия и на системные изменения в языке,

которая по существу уже реализуется в английском, немецком и некоторых других языках. И здесь ярче всего проявляет себя одно из направлений политической корректности – феминизм. Сейчас существует даже отдельное направление в лингвистике, называемое гендерной, или феминистской, лингвистикой. Одна из главных её задач – поиск «языковых несправедливостей» по отношению к женщине и устранение их из языка. В самых общих чертах можно сказать, что речь идет об установлении полной симметрии в назывании мужчин и женщин и вообще употреблении слов, семантически связанных с идеей пола.

Так, в европейских языках уже практически исчезли специальные обращения к незамужней женщине (*miss, mademoiselle, Frulein* и т. д.). Их либо вообще не употребляют, либо употребляют по отношению к значительно более узкому кругу адресатов, например, только к девочкам.

Сильное феминистическое давление в этом направлении основывалось на следующих доводах: во-первых, обращения к мужчинам и женщинам должны быть симметричны, во-вторых, различие при обращении замужних и незамужних женщин является вторжением в их личную сферу и, следовательно, дискриминацией.

Надо сказать, что обращения вообще наиболее подвержены внеязыковым воздействиям. Законы их изменения чаще обусловлены внешними социальными событиями, чем естественным внутренним развитием языка, – конечно, если мы говорим об официальных и просто публичных обращениях.

Достаточно вспомнить, что после Французской революции специальным декретом Конвента было введено в качестве обязательного обращение *citoyen/citoyenne*. Впрочем, как и следовало ожидать, в посттермидорский период оно бесследно исчезло. Ещё более сильным было влияние на обращение социалистической системы. В области формальных, официальных обращений в бывших социалистических государствах было много общего. Они были идеологически маркированы и потому выделялись на фоне традиционной системы обращений. Так, например, в румынском языке в качестве формального обращения вообще использовалось заимствованное славянское слово *tovaras*. Позднее эти обращения почти мгновенно исчезли из языка вместе с исчезновением соответ-

вующих политических режимов. Такова, например, судьба немецкого *Genosse*.

Возвращаясь к гендерной лингвистике, нужно указать главного системного «врага» феминизма. Во всех языках, где есть категория рода, коррелирующая с семантикой пола, нейтрализация проходит по мужскому полу. Следствия этого факта, действительно, значительны и разнообразны. Например, говоря о группе людей разного пола, мы используем слово мужского рода: *студенты, актеры* и т. д. Для называния людей по профессиональному признаку часто существует только одно слово, и оно обычно мужского рода: *министр, космонавт, президент* (однако ср. *няня, секретарша, прачка* и др. для типично женских профессий). В некоторых случаях существующее слово женского рода имеет пренебрежительный оттенок (иногда более, иногда менее ощутимый): *гроссмейстерша, врачиха* и т. д. Когда мы говорим о человеке вообще, мы также используем слова мужского рода и, в частности, местоимение *он*. В некоторых языках слово со значением «человек» означает также и «мужчина», а для женщины существует специальное название, например, в английском – *man* и *woman*, или в немецком – *Mann* и *Frau*. Более того, в этих языках соответствующий корень включается в состав многих названий профессий: *policeman, Kaufman* и др.

Эта и некоторая подобная асимметрия постепенно устраняется в тех языках, где влияние гендерной лингвистики наиболее сильно. Это, в первую очередь, английский язык, затем, по-видимому, немецкий и другие германские языки. В английском, например, в названиях профессий *man* чередуется с *woman* (в случае называния женщины) или с нейтральным *person*. Само слово *woman*, кстати, иногда искажается так, чтобы оно не было производным от названия мужчины *man*. В немецком языке какое-то время рекомендовалось при назывании разнополой группы использовать слова разных родов, например, *Studenten und Studentinnen* (*студенты и студентки*, вместо простого *студенты*). Сейчас появился новый графический способ устранения несправедливости. При нём в качестве нейтральной используется уже форма женского рода, но в суффиксе вместо строчной пишется прописная буква: *StudentInnen*. Графические средства популярны и в английском языке. Так, в качестве нейтрального местоимения третьего лица единственного числа пи-

шут *s/he*, то есть и *he* (он), и *she* (она) одновременно. Конечно, прочесть это невозможно, но свою функцию в письменном языке такое местоимение выполняет. Таких изменений на сегодняшний день уже достаточно много, и они достаточно радикально изменяют язык. Естественно, что не все политически корректные изменения уже утвердились в языке. Некоторые встречаются лишь эпизодически, некоторые только рекомендованы. У многих носителей языка существует неприятие таких изменений. Достаточно популярны опыты пародирования политически корректных изменений как в языке, так и в поведении. Наиболее знамениты «Политически корректные истории на ночь» Дж.Ф. Гарнера, появившиеся в 1994 году. В этой книге по-новому, политически корректно рассказываются известные (и, естественно, некорректные) сказки: «Красная шапочка» и др. Менее известен у нас в стране «Словарь (и руководство по использованию) политически корректной лексики» Г. Бирда и К. Серфа. В нём рассматриваются и издевательски обсуждаются реальные предложения по усовершенствованию языка в сторону абсолютной справедливости. Чтобы показать его ироническую направленность, достаточно упомянуть, что посвящен он некоей даме по фамилии Кауфман, изменившей в судебном порядке свою фамилию на Кауфперсон.

Тем не менее многие из политически корректных изменений уже необратимы и являются ярким примером успешной (в смысле достижения результата) сознательной правки языка.

Печатается по:

Кронгауз М. Критика языка. URL:
[http://ihtika.net/lang/uz/q-we/.../
111297.html](http://ihtika.net/lang/uz/q-we/.../111297.html), свободный.

Л.П. Крысин

Социальные компоненты в семантике языковых единиц

В качестве языкового объекта, на примере которого мы собираемся рассмотреть вопрос об отражении в семантике слова тех или иных социальных факторов, нами избрана лексика межличностных отношений.

Лексика этого рода многочисленна и разнообразна, как многолики и разнообразны сами человеческие отношения. Нас будут интересовать лишь те слова, которые обозначают ситуации с так называемой асимметрией социальных ролей участников ситуации – типа:

(1) *арестовать, верховодить, даровать* (в отличие от *дарить*), *диктат, нахлобучка, окрик* и др. (эти слова обозначают ситуации, в которых роль первого участника, семантического субъекта (X-а), «выше» роли второго участника, адресата (Y-а), – схема $P_x > P_y$);

(2) *вымолить, грубить, пререкаться, рапортовать, слушаться* и т. п. (роль первого участника ситуации, семантического субъекта, «ниже» роли второго участника, адресата: схема $P_x < P_y$).

Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, будем называть социально ориентированными (соответственно, названия равных, или симметричных, ролевых отношений – *дружить, сотрудничать, сослуживец, напарник, однокурсник* и т. п. – составляют группу лексики с социально не ориентированными значениями).

Приведенные списки слов достаточно представительны: по ним вполне можно судить о том, названия каких ситуаций имеются в виду, когда мы говорим об асимметрии социальных ролей. Специфическую (вследствие некоторой своей жаргонности) подгруппу этого рода лексики составляют слова и обороты, принадлежащие официально-деловому и разговорному стилям современного русского языка и обозначающие разного рода административные, служебные и т. п. наказания и поощрения: *дать, закатить, влететь, снять выговор* и т. п.

Некоторые из слов и оборотов, относящихся к административно-деловой сфере, обнаруживают весьма тонкие различия прагматического характера. Так, слова *распоряжение* и *распорядиться*, обозначающие деятельность лица, которое имеет власть и, следовательно, социальная роль которого выше социальных ролей тех, кому адресуется распоряжение, – в определенных контекстах описывают не только не одинаковые, но противоположные друг другу ситуации. Фраза, начинающаяся со слов: *Прошу Вашего распоряжения* (о предоставлении дополнительного отпуска, о выдаче денежного пособия и т. п.), уместна в ситуации, когда автор этой фразы исполняет подчиненную служебную роль по отношению к

лицу, которому эта фраза адресована. С другой стороны, фраза, начинающаяся словами: *Прошу Вас распорядиться* (о чем-либо), уместна в устах «начальствующего» лица и не может быть употреблена (без нарушения некоторых неписаных этических норм) подчиненным по отношению к начальнику.

Семантическая структура слов с социально ориентированными значениями содержит не менее двух актантов – агента (в другой терминологии – семантического субъекта) и адресата: кто командует кем, кто контролирует кого, кто подчиняется кому, кто выслуживается перед кем и т. д. Помимо актантов агента и адресата в значения рассматриваемых слов могут входить актанты содержания (*Командир приказал нам наступать*), мотивировки (*Его наказали за нерадивость*), начальной точки (*Их выселили из квартиры*), конечной точки (*Декабрист Лунин был сослан на каторгу*) и нек. др.

Актант адресата у некоторых слов синтаксически не выражается: ср. *диктат*, *окрик* – при этих словах выразим лишь первый актант (*диктат крупного капитала*, *окрик генерала*), и невозможно построение сочетаний со словами, реализующими валентность адресата: **диктат против мелких предприятий*, * *окрик на подчиненного*.

Значительная часть слов, перечисленных в пункте (1), – это обозначения действий, которые связаны с выполнением данной социально-ролевой функции: командир должен командовать, подчиненный должен подчиняться, невзрослый сын должен слушаться родителей и не должен их слушиваться и т. д. Компонент смысла, указывающий на неравенство ролей участников ситуации, здесь вполне очевиден. <...>

2.1. Слова, значения которых содержат указание на ролевое отношение $P \times > P \cup$. В существующих словарях толкования этих слов не содержат социального компонента, т. е. указания на неравенство ролей участников обозначаемой словом ситуации. Лишь иногда этот компонент можно «вычитать» из иллюстративных примеров или в комментариях к толкованию. Сравните:

Благоволить (устар.): проявлять расположение к кому-н., доброжелательствовать (СУ); проявлять благоволение (СО) *благоволение* в этом словаре определяется как «доброжелательство, бла-

госклонность»); чувствовать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение (обычно об отношении высшего к низшему) (БАС); испытывать, проявлять доброжелательство, расположение (МАС).

Гневаться (устар.): быть в состоянии гнева, испытывать гнев (СУ); испытывать гнев (СО); испытывать, проявлять чувство гнева, неудовольствия; сильно сердиться (БАС); испытывать гнев, предаваться гневу; сильно сердиться (МАС). *Гнев* определяется в этих словарях как «чувство сильного негодования, возмущения, раздражения».

Более детальное и глубокое толкование этого глагола находим в статье Л.Н. Иорданской [Иорданская 1970].

«А гневается на С за В = А испытывает активно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что:

- 1) А уверен в осуществлении события В, субъект которого – лицо С;
- 2) В нежелательно для А;
- 3) А считает, что В противоречит основным принципам личной и общественной жизни;
- 4) С нежелателен для А из-за В;
- 5) А желает воздействовать на С с целью противодействовать событию В или повторению В».

Как видим, и в этом развернутом толковании нет указания на асимметрию ролей участников ситуации ‘гневаться’.<...>

Слова нормально употребляются только при условии, что между участниками соответствующей ситуации либо отношение $P x > P y$ (*благоволить, гневаться, окрик, принимать, аудиенция*), либо отношения (*распекать*). Если это условие не соблюдено, то получаются неправильные высказывания.

Это хорошо видно на примере глагола *благоволить*:

- (1) *Начальник давно благоволит к этому сотруднику* ($P x > P y$).
- (2) *Учитель математики благоволит к своим коллегам* ($P x = P y$).
- (3) **Молодой монах благоволит к настоятелю монастыря* ($P x < P y$).

Анализ употребления этого глагола в текстах русской художественной литературы подтверждает наше мнение о необходимости

указанного условия. При этом в качестве субъекта действия *благово- лить* могут выступать не только должностные лица, старший по воз- расту, старший в социальной иерархии и т. п., но и такие понятия, как судьба, счастье, красавица (см. пример в БАС), женщина, жена и др., если они мыслятся (автором или говорящим) как нечто, от чего адресат благоволения находится в какой-либо зависимости (напри- мер, добивается расположения, внимания, оправдывается и т. п.). Сравните:

(4) *Я втайне сознавал, что она [Вера] ко мне благоволила* (И.С. Тургенев. Фауст);

(5) – *Даже жена моя обиделась, а уж на что, кажется, бла- говолит к вам* (А.П. Чехов. Неприятность);

(6) *Ко мне адмиральша благоволила, потому что считала меня моряком, скрывающим свое звание* (К.Г. Паустовский. Черное море).

Существенным компонентом ситуации ‘благоволить’ (и со- ответственно глагола) является выделенность второго участника ситуации из некоторой совокупности лиц: *благоволить к Y-у* значит выделять его среди некоторого множества лиц. Вряд ли возможен такой диалог:

(7) – *А к кому ваш начальник особенно расположен? – Ни к кому: он благоволит ко всем (в равной степени).*

Ср. подчеркивание этого компонента смысла в следующем примере из рассказа И.С.Тургенева «Мой сосед Радилов»: *От него так и веяло неразборчивым благоволеньем, радушьем и почти обидной готовностью сближения с каждым встречным и попе- речным.*

Употребление глагола *благоволить* связано также с опреде- ленной оценкой говорящим отношений между X-ом и Y-ом: ведь о том, что X благоволит к Y-у, говорящий заключает на каком-то ос- новании – а именно на основании уже имевших место фактов, сви- детельствующих о повышенном внимании X-а к Y-у, о том, что X так или иначе выделяет Y-а среди остальных и проявляет к нему доброту. Эти обстоятельства также должны быть учтены при се- мантическом описании глагола *благоволить*.

В ситуации 'гневаться' субъект мыслится обычно как лицо почитаемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью и т. п.

Сравните:

И увидев то, царь Иван Васильевич

Прогневался гневом, топнул о землю

И нахмурил брови черные... (М.Ю. Лермонтов. Песня про купца Калашникова);

Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего. (А.С. Пушкин. Капитанская дочка);

– *После сами же будете гневаться, что не разбудил* [слуга Захар – Обломову] (И.А. Гончаров. Обломов).

Невозможно:

(11) **Лакей разгневался на барина (за выговор, который тот ему устроил);*

(12) **Мальчик гневается на учителя (который выгнал его из класса);* в примерах (11) и (12) описываются «перевернутые» ролевые отношения: $P \times < P y$;

и сомнительно:

(13) *Гневаться на товарища за столь незначительный пропуск – дело недостойное* ($P \times = P y$)¹⁴.

Высказывания типа (14), хотя и возможные, воспринимаются как сделанные с установкой на шутку:

(14) – *Ты уж не гневайся: мы тут без тебя хозяйничаем, – сказал мне приятель.*

В значении глагола *гневаться*, таким образом, присутствует элемент оценки говорящим субъекта гнева: прежде чем употребить этот глагол, говорящий должен решить, «достойно» ли по своему авторитету, весу, власти и т. п. лицо, о котором идет речь, соответствующего почтения или же о нём можно сказать *сердится*, *злится* и т. п.

Кстати говоря, благодаря наличию этой оценки шутливое употребление глагола, как в (14): оно обусловлено не столько устарелостью глагола, сколько тем, что говорящий проявляет мнимое почтение к лицу, относительно которого употребляется глагол *гневаться*.

Оценка, присутствующая в значении этого глагола, – иного рода, нежели оценка в ситуации ‘благоволить’: здесь она непосредственно связана со статусом субъекта гнева (объективным или приписываемым ему говорящими). Характерно, что она не указана в приведенном выше толковании Л. Иорданской: это было бы возможно лишь при специальном внимании к статусу субъекта гнева и к ролевым отношениям между субъектом и адресатом.

<...> При описании смысла слова *окрик*, помимо (1) указания на обязательную асимметрию ролей участников ситуации ($P \times \gg P \cup$), необходимы следующие признаки:

2) X отрицательно оценивает поведение Y-а;
3) поведение Y-а актуально;
4) X стремится изменить поведение Y-а так, чтобы отрицательно оцениваемые X-ом факты этого поведения в дальнейшем не имели места;

5) X хочет, чтобы поведение Y-а изменилось немедленно;

6) X непосредственно обращается к Y-у (ср. *угроза*: в значении этого слова нет указанного признака). Сравните (21) – (25):

(21) *Вы этими окриками немножого добьетесь от сына (от учеников, от подчиненных);*

(22) – *Сядь на место! – послышался раздраженный окрик отца;*

(23) **Митины окрики, с которыми он обращался к начальнику, не возымели действия (ситуация «перевернутых» ролевых отношений: $P \times < P \cup$ вместо $P \times > P \cup$);*

(24) **Слышится окрик учительницы: – Завтра я вызову твоих родителей! (налицо угроза, но нет стремления путем окрика изменить поведение адресата);*

(25) ** – Перестаньте носить короткие юбки! – долетел из 10 «Б» окрик директора (налицо приказание, содержащее стремление изменить поведение адресата, но это поведение неактуально: оно не выражается в неких поступках адресата, совпадающих с моментом речи). <...>*

2.2. Слова, значения которых содержат указание на отношение $P \times < P \cup$. Среди лексики, составляющей эту подгруппу, также есть слова, которые обозначают действия, связанные с выполнением социально-ролевых функций: *подчиняться, рапортовать, услужение*

(*быть в услужении*) и т. п. Их мы здесь рассматривать не будем ввиду полной очевидности наличия в их значениях компонента, указывающего на неравенство ролей участников ситуации (или членов социальной группы). Не столь очевидно присутствие этого компонента в значениях глаголов *грубить*, *дерзить*, *резать* (правду в глаза) и нек. др.

Приведем сначала имеющиеся словарные толкования этих глаголов. Как и в толкованиях слов предыдущей подгруппы, здесь не отражена ролевая асимметрия участников соответствующих ситуаций. Сравните:

грубить = говорить грубости (во всех словарях), *грубость* – в одном из двух своих значений – толкуется как «грубое выражение, грубый поступок», *грубый* – как «недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный»;

дерзить = говорить дерзости (во всех словарях), *дерзость* – «дерзкий поступок, дерзкое высказывание», *дерзкий* – «непочтительный, оскорбительно грубый».

Поскольку *дерзкий* определяется, как мы видим, через *грубый*, то эти прилагательные, так же как и их производные *грубость* – *дерзость*, *грубить* – *дерзить*, на основании словарных толкований следовало бы считать квазисинонимами, причем *дерзкий* уже по значению, чем *грубый*. Ниже мы попытаемся показать ошибочность такой трактовки.

Резать (в одном из своих значений) = говорить прямо, открыто, не стесняясь (СУ), говорить прямо, открыто (СО), говорить прямо, резко, с грубой откровенностью (БАС), говорить прямо, без обиняков, не стесняясь (МАС).

Рассмотрим каждый из глаголов более подробно.

Помимо общего для них компонента значения, указывающего на тип ролевых отношений между субъектом и адресатом действия, значения этих слов обладают специфическими свойствами, которые необходимо учитывать в семантическом описании.

В обычном своем употреблении глагол *грубить* предусматривает два типа ролевых отношений между участниками называемой им ситуации: $P \times < P \ y$ и $P \times = P \ y$. Ср. (34), (35) и (36):

(34) *Не груби отцу!*

(35) *Мальчик, плохо учится, грубит учителям;*

(36) *Мы же с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной нормально: все время злишься, грубишь.*

Некорректны высказывания типа (37) и (38), описывающие ролевое отношение $P_x > P_y$:

(37) **Отец грубит сыну;*

(38) **Учитель грубит ученикам.*

Есть, однако, некоторое различие в употреблении этого глагола в зависимости от того, какие отношения X-а и Y-а он описывает. Если эти отношения институционализованы, то есть находятся в рамках некоторой социальной иерархии (семьи, школы, воинского подразделения и т. п.), то обычным является применение *грубить* при описании действий младшего относительно старшего: грубят отцу, матери, учителю, командиру и т. п. Возможно в этом случае употребление глагола *грубить* и при ролевой симметрии, хотя это менее обычно (*Не груби друзьям*).

Если же отношения X-а и Y-а возникают в ситуациях общения, таких как купля-продажа, водитель и автоинспектор и т. п., то глаголом *грубить* можно описывать речевые действия и того лица, которое в данной ситуации является «хозяином», т. е. роль которого выше роли адресата действия.

Так, вполне возможны высказывания типа (39) и (40):

(39) – *Вы мне, товарищ лейтенант, не грубите, а объясните толком, в чем я виноват!* (разговор водителя с автоинспектором);

(40) *Эта продавщица постоянно грубит покупателям.* Последний пример является иллюстрацией к сказанному выше лишь в том случае, если мы признаем, что в ситуации «магазин» покупатель зависит от продавца, а не наоборот.

Для значения глагола *грубить* существенно также то, что это – речевое действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т. п. Нельзя описывать этим глаголом невербальное непочтение одного человека к другому. Повидимому, неуместен этот глагол в следующем предложении:

(41) **Дочь часто грубит мне: молчит, поворачивается спиной, хлопает дверью* (ср. возможные здесь выражения: *ведет себя непочтительно, грубо, по-хамски* и т. п.).

В отличие от этого, содержанием действия, обозначаемого глаголом *дерзить*, является не «поверхностная», не чисто словес-

ная грубость, а непочтение по существу: можно говорить дерзости (= *дерзить*), не употребляя ни одного грубого слова. Глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован социально: дерзят обычно младшие по возрасту старшим (часто на это накладывается также различие в социальном статусе). Например:

(42) *Коля, почему ты дерзишь маме?*

(43) *Мальчик надерзил директору и даже не извинился;*

(44) *Хотя молодой офицер говорил негромко и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.*

Во всех трех примерах имеется в виду отношение $P x < P y$.

Нельзя сказать: (45) **Учитель постоянно дерзил ученикам* ($P x > P y$); (46) **Мальчик дерзит товарищам* ($P x = P y$).

При этом возрастной фактор имеет больший вес, чем служебный: если между участниками ситуации имеется асимметрия лишь в служебных ролях (подчиненный – начальник), но заметной разницы в возрасте нет или же она «обратна» служебной, то употребление глагола *дерзить* (и оборота *быть дерзким* – см. ниже) сомнительно или неестественно. Сравните (45) и (46):

(45) *Хоть начальник и ровесник тебе, ты не должен дерзить ему;*

(46) *Ваш почтенный возраст ещё не дает вам оснований для того, чтобы дерзить нашему заведующему (быть дерзким с заведующим).*

Предикативные сочетания *быть грубым* с кем-либо и *быть дерзким* с кем-либо на первый взгляд кажутся полностью синонимичными глаголам *грубить* и *дерзить* (соответственно). В действительности, однако, социально ориентированным является лишь значение оборота *быть дерзким*: его употребление нормально только при наличии возрастного (или служебного, но в сочетании с возрастным) контраста участников общения (младший – со старшим). Например:

(47) *Девочка дерзка с матерью;*

(48) *Молодая сотрудница недопустимо дерзка с начальником.* Выражение *быть грубым* с кем-нибудь социально не ориентировано (и, стало быть, по смыслу оно шире, чем оборот *быть дерзким*). Ср. (49), (50) и (51):

(49) *Мальчик груб с учителями* (отношение $P x < P y$);

(50) *Начальник груб с подчиненными* (отношение $P_x > P_y$);

(51) *Почему ты был так груб с товарищами?* (отношение $P_x = P_y$).

Примером, «покрывающим» все три типа ролевых отношений, является следующее предложение из романа И.А. Гончарова «Обломов»:

(52) *«Никогда не стеснялся он [Тарантьев] ничьим присутствием и в карман за словом не ходил, и вообще постоянно был груб в обращении со всеми, не исключая и приятелей». <...>*

2.3. Социальный компонент в семантике частицы *-ка*. Рассмотренные выше социальные компоненты могут присутствовать в значениях не только лексически и грамматически самостоятельных единиц языка, но и таких, которые реализуют своё значение только при сочетании с другими словами. Такова, например, модальная частица *-ка*, присоединяемая к глагольным формам повелительного наклонения.

В словарях и грамматиках эта частица описывается следующим образом:

«[Частица *-ка*] ставится после повелительного наклонения и заменяющих его форм и выражений для придания оттенка увещания, для смягчения приказания. *Ступай-ка отсюда. Дайте-ка пройти*» (СУ), «употребляется для смягчения просьбы, приказания *Спой-ка. Ну-ка, покажи*»(СО); «употребляется после повелительного наклонения для выражения приказания, понуждения к действию, приглашения и т. п.» (БАС); «употребляется для смягчения приказания, для выражения просьбы, увещания, придавая оттенок непринужденности, простоты обращения» (МАС); «С формами повелительного наклонения сочетается... постпозитивная частица *-ка*, смягчающая императивность требования: ...моя хозяйка Была пригожа и добра, А муж-то помер, *замечай-ка*. (Пушкин “Гусар”» [Виноградов 1947]; «К частицам с несвободной позицией относится частица *-ка*, вносящая в форму побудительного наклонения оттенок смягчения: *Иди-ка отсюда! Пусть-ка он сам попробует*» [Грамматика-70]; «модальная частица, смягчающая просьбу, побуждение (*помолчи-ка*)» [Грамматика-80, Ч. 1].

В этих определениях не учтены по крайней мере два обстоятельства, необходимые для правильного понимания и употребления глагольных форм повелительного наклонения с частицей *-ка* :

1) говорящий и слушающий должны быть хорошо знакомы друг с другом (на это условие есть слабый намек в толковании, содержащемся в МАС: ср. компонент ‘непринужденность’, ‘простота обращения’);

2) роль говорящего не ниже роли слушающего ($P_x > P_y$ или $P_x = P_y$).

Нормальное общение с незнакомым человеком невозможно с помощью фраз типа (58) и (59), где нарушено первое условие:

(58) *Дайте-ка мне газету!*

(59) *Подвиньтесь-ка!*

Невозможно также обращение, скажем, ученика к учителю в форме (60), где нарушено второе условие:

(60) * *Повторите-ка задание.*

Сравните: (61) *Повторите, пожалуйста, задание.*

Нарушение второго условия особенно отчетливо ощущается в случае возрастного контраста коммуникантов: если, скажем, речь, содержащая *-ка*-формы, вполне естественна в устах бабушки или деда при их обращении к внукам, то обратная ситуация – когда внуки обращаются к прародителям, используя формы с *-ка*, – воспринимается как явно ненормальная.

Употребляя глагольные формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, говорящий не только выражает просьбу или побуждает адресата к действию, но и исходит из предположения, что адресат должен – по своей социальной роли – эту просьбу выполнить. Кроме того, у него есть уверенность, что адресат понимает, что он по своей социальной роли обязан выполнить просьбу (или приказание) говорящего. Такое обоюдное понимание необходимо для того, чтобы процесс общения протекал нормально и не вызывал недоумения или протеста со стороны адресата, что вполне вероятно при нарушении указанных выше условий. Это нарушение, по видимому, нельзя трактовать только как нарушение одного из постулатов коммуникации – постулата вежливости. Скорее, это отклонение от имеющегося у носителей русского языка представления о нормальном, «стандартном» употреблении частицы *-ка*.

Таким образом, частица *-ка* служит не для смягчения, а для усиления просьбы или побуждения. В пресуппозиции фраз, содержащих формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, имеется нечто вроде следующего смысла: ‘говорящий, будучи хорошо знаком с адресатом и исполняя роль, которая не ниже роли адресата, и считая, что адресат должен выполнить указания говорящего...’.

2.4. Место социального компонента в толковании языковых единиц. Обсудим теперь вопрос о месте, которое должна занимать информация об асимметрии ролей участников ситуации в толковании языковых единиц, называющих эти ситуации. Из рассмотренного выше материала видно, что подобная информация является как бы фоном употребления данной единицы, условием правильного её использования, ситуативной уместности предложений, содержащих такие единицы. Следовательно, место указанной информации – в пресуппозиционной части толкований¹⁵.

Такое решение вопроса о месте социального компонента в толковании вполне согласуется и с поведением слов с социально ориентированными значениями в отрицательных предложениях (когда частица *не* стоит непосредственно слева от слова, обозначающего асимметричные ролевые отношения): значение частицы *не* присоединяется не ко всему значению слова, а лишь к той его части, которая остается за вычетом указания на асимметрию ролей (т. е. к ассертивной части). Например, говоря:

(62) *Начальник, вовсе и не благоволит к этому сотруднику, мы не отрицаем того факта, что роль начальника выше роли сотрудника, – мы отрицаем лишь наличие особого, «выделенного» отношения первого ко второму. <...>*

2.5. Правильность/неправильность высказываний, содержащих слова с социально ориентированными значениями. Какова природа неправильностей, возникающих при игнорировании социального компонента лексических значений? Иначе говоря, как квалифицировать высказывания типа:

(71) **Молодой солдат благоволил к своему командиру;*

(72) **Мать постоянно дерзила своему малолетнему сыну, и т. п.?*

Д. Гордон и Дж. Лакофф обратили внимание на то, что в значениях глаголов типа *приказывать* имеется указание на презумп-

цию власти у субъекта этого действия. Е.В. Падучева, цитируя это замечание, высказывает мнение, что нарушение этой презумпции не ведет к языковой ошибке: фраза *Иван приказал Петру явиться, хотя и не имел над ним власти* «имеет смысл – за счет того, что реальное положение вещей может расходиться с мнением субъекта». Несомненно, что интуиция носителей русского языка отмечает подобные высказывания, хотя очевидно, что такого рода аномальности отличаются от случаев нарушения идиоматики языка вроде **оказывал впечатление* вместо *производил впечатление* или **понижение здоровья* вместо *ухудшение здоровья*. Если о выражениях последнего типа говорящий вправе заметить: «Так не говорят», то, услышав высказывания типа (71), (72), он возразит: «Так не бывает».

В этих высказываниях странна сама ситуация, отчего и высказывание кажется аномальным. Но это не логическая аномалия типа *круглый квадрат*: ни при каких условиях нельзя, по-видимому, представить себе квадрат в виде круга, в то время как приказ, исходящий от лица, не имеющего власти, вообще говоря, помыслить можно – при отчетливом понимании, что такое речевое действие противоречит обычному положению вещей, что оно аномально прагматически.

Если круглым квадрат не бывает никогда (хотя сказать *круглый квадрат* можно), то приказ подчиненного начальнику (или благоволение низшего к высшему и т. д.) не бывает в нормальной ситуации, т. е. в тех общепринятых и одобряемых общественными отношениями людей, которые описываются глаголами типа *приказывать*.

Поэтому, в отличие от собственно языковых неправильностей (вроде **оказывать впечатление* или **понижение здоровья*) и логических аномалий (вроде *круглого квадрата*), высказывания, в которых нарушено представление о нормальных отношениях между субъектом и адресатом действия, обозначаемого глаголом, формирующим высказывание, мы называем пресуппозитивными и неправильностями, в полном согласии с тем, в какой части лексического значения происходит нарушение, если игнорируется или неправильно интерпретируется социальный компонент.

Пресуппозитивные – это характеристика неправильностей, так сказать, по месту, где происходит отклонение от нормы. По

природе же такие неправильности являются прагматическими, если под прагматикой, или прагматическим контекстом, понимать «совокупность когнитивных и социальных факторов, релевантных для использования данного высказывания» [Языковая деятельность 1984].

Как видно из рассмотренных выше примеров, сведения о характере ролевых отношений между участниками обозначаемой данным словом ситуации необходимы не только для правильного употребления слова, но и для представления о его значении. Иначе говоря, толкование глаголов типа *благоволить*, *гневаться*, *дерзить*, *резать* и т. п. с необходимостью должно включать сведения о виде ролевых отношений – в противном случае описание семантики этих глаголов оказывается неадекватным их осмыслению носителями языка.

Возможны и иные формы влияния социальных факторов на содержательную сторону языковых знаков. Одна из таких форм – социальные ограничения в семантической и лексической сочетаемости слов. В этом случае социальное фигурирует не в качестве компонента смысла слова, а в качестве тех или иных контекстных условий. Эти условия касаются участников речевого акта, включающего высказывание с данным словом <...>.

Печатается по:

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Дж. Лакофф, М. Джонсон

Метафоры, которыми мы живем

I

Мир понятий, окружающий нас

Для большинства людей метафора – это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка – то, что относится к сфере

слов, но не к сфере мышления или действия. Именно поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор. В противоположность этой расхожей точке зрения мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути.

Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные её детали. Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.

Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественноречевое общение базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет.

Наш вывод о том, что наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути, опирается на лингвистические данные. Благодаря языку, мы получили также доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия.

Для того чтобы дать читателю наглядное представление о том, что такое метафорическое понятие и как оно упорядочивает повседневную деятельность человека, мы рассмотрим понятие ARGUMENT 'СПОР' и понятийную метафору ARGUMENT IS WAR 'СПОР – ЭТО ВОЙНА'. Эта метафора представлена в многочисленных и разнообразных выражениях обыденного языка:

ARGUMENT IS WAR 'СПОР ЕСТЬ ВОЙНА'

Your claims are *undefensible*

'Ваши утверждения не выдерживают критики (букв. *незащищаемы*)'.

He *attacked every weak points* in my argument

'Он *напал на каждое слабое место* в моей аргументации'.

His criticisms were *right on target*

'Его критические замечания *били* точно в цель'.

I *demolished* his argument

'Я *разбил* его аргументацию'.

I've never *won* an argument with him

'Я никогда не *побеждал* в споре с ним'.

You disagree? Okay, *shoot!*

'Вы не согласны? Отлично, ваш *выстрел!*'

If you use that *strategy*, he'll *wipe you out*

'Если вы будете следовать этой *стратегии*, он вас *уничтожит*'.

He *shot down* all of my arguments

'Он *разбил* (букв. *расстрелял*) все мои доводы'.

Крайне важно иметь в виду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция не защитима, мы можем её оставить и принять новый план наступления. Многое из того, что мы реально делаем в спорах, частично осмысливается в понятийных терминах войны. В споре нет физического сражения, зато происходит словесная битва, и это отражается в структуре спора: атака, защита, контратака и т. п. Именно в этом смысле метафора СПОР – ЭТО ВОЙНА принадлежит к числу тех метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре: она упорядочивает те действия, которые мы совершаем в споре.

Постараемся вообразить другую культуру, в которой споры не трактуются в терминах войны, в споре никто не выигрывает и не проигрывает, никто не говорит о наступлении или защите, о захва-

те или утрате территорий. Пусть в этой воображаемой культуре спор трактуется как танец, партнеры – как исполнители, а цель состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут рассматривать споры иначе, вести их иначе и говорить о них иначе. Мы же, по-видимому, соответствующие действия представителей этой культуры вообще не будем считать спорами: на наш взгляд, они будут делать нечто совсем другое. Нам покажется даже странным называть их «танцевальные» движения спором. Возможно, наиболее беспристрастно описать различие между данной воображаемой и нашей культурами можно так: в нашей культуре некая форма речевого общения трактуется в терминах сражения, а в той другой культуре – в терминах танца.

Разобранный пример показывает, каким образом метафорическое понятие, а именно метафора СПОР – ЭТО ВОЙНА, упорядочивает (по крайней мере частично) наши действия и способствует их осмыслению в ходе спора. *Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода.* Дело вовсе не в том, что спор есть разновидность войны. Споры и войны представляют собой явление разного порядка – словесный обмен репликами и вооруженный конфликт, и в каждом случае выполняются действия разного порядка. Дело в том, что СПОР частично упорядочивается, понимается, осуществляется как война, и о нём говорят в терминах войны. Тем самым понятие упорядочивается метафорически, соответствующая деятельность упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык также упорядочивается метафорически.

Более того, речь идет об *обыденном* способе ведения спора и его выражения в языке. Для нас совершенно нормально обозначать критику в споре как атаку: *attack a position* 'атаковать позицию'. В основе того, что и как мы говорим о спорах, лежит метафора, которую мы едва ли осознаем. Эта метафора проявляется не только в том, как мы говорим о споре, но и в том, как мы его понимаем. Язык спора не является ни поэтическим, ни фантастическим, ни риторическим: это язык буквальных смыслов. Мы говорим о спорах так, а не иначе потому, что именно таково наше понятие спора, и мы действуем в соответствии с нашим осмыслением соответствующих явлений.

Наиболее важный вывод из всего сказанного выше состоит в том, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР – ЭТО ВОЙНА, соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты).

II Системность метафорических понятий

Споры ведутся по определенным моделям. Это означает, что мы делаем одни ходы и не делаем другие. Тот факт, что мы осмысливаем споры частично в терминах сражения, системно обуславливает и саму форму спора, и способ обозначения наших ходов. Поскольку метафорическое понятие системно, системно и язык, используемый для его раскрытия.

На примере метафоры СПОР – ЭТО ВОЙНА мы видели, что выражения, взятые из лексикона войны, например *attack a position* 'атаковать позицию', *indefensible* 'неспособный к обороне', *strategy* 'стратегия', *new line of attack* 'новый план наступления', *win* 'побеждать', *gain ground* 'захватывать территорию' и т. п., образуют системный способ выражения «военных» аспектов спора. Отнюдь не случайно, что эти выражения сохраняют своё обычное значение, когда мы пользуемся ими, говоря о спорах. Некоторый фрагмент понятийной сети сражения частично характеризует понятие спора, и язык следует этому образцу. Поскольку метафорические выражения нашего языка системно связаны с метафорическими понятиями, мы можем обратиться к первым в целях исследования природы метафорических понятий и уяснения метафорической природы наших действий.

Для демонстрации того, как метафорические выражения повседневного языка могут прояснять метафорическую природу поня-

тий, упорядочивающих наши повседневные действия, рассмотрим метафорическое понятие TIME IS MONEY 'ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ' так, как оно отражается в современном английском языке.

TIME IS MONEY 'ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ'

You are *wasting* my time

'Вы отнимаете (букв. *растрчиваете* мое) у меня время'.

This gadget will *save* you hours

'Это приспособление *экономит* вам много времени'.

I don't *have* the time to *give* you

букв.: 'Я не *имею* времени, чтобы *дать* вам'.

How do you *spend* your time these days?

'Как вы проводите (букв. *тратите*) ваше время в эти дни?'

That flat tire *cost* me an hour

'Эта спустившая шина *стоила* мне часа работы'.

I've *invested* a lot of time in her

букв.: 'Я *вложил* много времени в нее'.

I don't *have enough* time to *spare* for that

букв.: 'Я не *имею достаточно* времени, чтобы уделить этому'.

['У меня нет для этого времени'.]

You're *running out* of time

'Вы *истощаете* ваш запас времени'.

You need to *budget* your time

'Вам нужно *рассчитывать* свое время'.

Put aside some time for ping pong

'Выделите (букв.: '*накопите*') время для пинг-понга'.

Is that *worth your while*?

'Стоит ли это *затраты* вашего времени?'

Do you *have much time left*?

'Много ли времени у вас *осталось*?'

He is living on *borrowed* time

'Он живет за счет чужого (букв. *одолженного*) времени'.

You don't *use* your time *profitably*

'Вы не *используете с выгодой* ваше время'.

I *lost* a lot of time when I got sick

'Я *потерял* много времени, когда болел'.

Thank you for your time

'*Спасибо* вам за потраченное время'.

В нашей культурной среде время особенно ценится. Его ресурсы для нас ограничены. Поскольку в современной западной культуре понятие труда обычно связывается со временем, затрачиваемым на его выполнение, а время подлежит точному количественному измерению, труд людей обычно оплачивается согласно затраченному времени – по часам, неделям или годам. В нашей культуре метафора ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ проявляется весьма многообразно: повременная оплата телефонных разговоров, почасовая оплата труда, тарифы за пользование гостиницей, годовые бюджеты, проценты по займам, выполнение общественных обязанностей, связанное с «выделением» для них определенного времени. В истории человечества эти общественные установления относительно новы и существуют далеко не во всех культурах. Возникшие в современных индустриальных обществах, они глубоко пронизывают нашу повседневную деятельность. Мы *относимся* ко времени как к очень ценной вещи – как к ограниченным ресурсам и даже как к деньгам – и соответствующим образом осмысливаем его. Тем самым мы понимаем и переживаем время как нечто такое, что может быть истрачено, израсходовано, рассчитано, вложено разумно или безрассудно, сэкономлено или потрачено напрасно.

ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ – ЦЕННАЯ ВЕЩЬ – всё это метафорические понятия. Метафорические потому, что наш повседневный опыт обращения с деньгами, ограниченными ресурсами и ценными вещами мы используем для осмысления понятия времени. Это отнюдь не обязательный для всех людей способ осмысления времени, но с нашей культурой он тесно связан. Существуют культуры, где время осмысливается в других категориях.

Метафорические понятия ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ – ЦЕННАЯ ВЕЩЬ образуют единую систему, основанную на категориальном вложении понятий, поскольку в нашем обществе деньги входят в понятие ограниченных ресурсов, а ограниченные ресурсы – в понятие ценных вещей. Эти отношения характеризуют и импликации метафор: ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ имплицирует метафору ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, а ВРЕМЯ – ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС имплицирует метафору ВРЕМЯ – ЦЕННАЯ ВЕЩЬ.

Мы принимаем практику использования наиболее специфического (узкого) метафорического понятия, в данном случае – понятия ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ, для характеристики всей системы понятий. Из тех выражений, которые приведены выше для иллюстрации метафоры ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ, одни относятся собственно к деньгам (spend, invest, budget, profitably, cost), другие – к ограниченным ресурсам (use, use up, have enough of, run out of), а третьи – к ценным вещам (have, give, lose, thank you for). Здесь мы имеем пример того, как импликации метафор характеризуют связную систему метафорических понятий и соответствующую им связную систему метафорических выражений.

III

Метафорическая системность: освещение и затемнение

Системность, благодаря которой мы можем осмысливать некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия (например, спора в терминах сражения), по необходимости затемняет другие аспекты данного понятия. Позволяя нам сосредоточиться на одном аспекте понятия (например, на «военном» аспекте спора), метафорическое понятие может мешать сосредоточиться на других аспектах этого понятия, несовместимых с соответствующей метафорой. Например, в пылу бурного спора, когда мы стремимся разбить нашего противника и защитить наши собственные позиции, мы можем упустить из виду, что в споре есть и сотрудничество. Можно считать, что ваш противник в споре затрачивает свое время, то есть ценную вещь, стремясь достичь взаимопонимания. Когда же мы поглощены исключительно «военным» аспектом спора, мы часто упускаем из виду аспекты сотрудничества.

Гораздо более тонкий пример того, как метафорическое понятие может затемнять тот или иной аспект нашего опыта, можно усмотреть в явлении, которое М. Редди назвал «conduit metaphor» – 'метафора передачи' ('метафора канала связи'). Редди указывает, что тот язык, который мы используем, когда мы говорим о самом языке, структурно упорядочивается в соответствии со следующей составной метафорой:

ИДЕИ (ИЛИ ЗНАЧЕНИЯ) СУТЬ ОБЪЕКТЫ.

ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА.
КОММУНИКАЦИЯ ЕСТЬ ПЕРЕДАЧА (ОТПРАВЛЕНИЕ).

Говорящий помещает идеи (объекты) в слова (вместителища) и отправляет их (через канал связи – conduit) слушающему, который извлекает идеи/объекты из слов/вместителищ. Редди демонстрирует эту метафору на примерах многочисленных типов выражений английского языка (более сотни типов), что покрывает, по его оценке, по меньшей мере 70 % общей совокупности выражений, используемых нами, когда мы говорим о языке. Приведем примеры:

МЕТАФОРА КАНАЛА СВЯЗИ

It's hard to *get an idea across* to him

'Ему трудно *втолковать* (любую) мысль'.

I *gave* you that idea

'Я *подал* вам эту мысль'.

Your reasons *came through* to us

букв.: 'Ваши доводы *дошли до нас*'.

It's difficult to *put* my ideas *into* words

'Мне трудно *облечь* мои мысли *в слова*'.

When you *have* a good idea, try to *capture* it immediately *in* words

'Когда у вас появляется хорошая мысль, старайтесь сразу же *облечь её* в слова'.

Try to *pack more* thought *into* fewer words

букв.: 'Старайтесь *вложить* больше мыслей в меньшее число слов'.

You can't simply *stuff* ideas *into* a sentence any old way

'Вы не можете просто *втискивать* новые мысли *во фразу старым способом*'.

The meaning is right there *in* the words

'Смысл *заключен* как раз *в этих словах*'.

Don't *force* your meanings *into* the wrong words

букв.: 'Не *втискивайте* ваши мысли *в не те* (неподходящие) слова'.

His words *carry* little meaning

'Его слова *несут* мало смысла'.

The introduction *has* a great deal of thought *content*

букв.: 'Введение *имеет* много содержательных мыслей'

Your words seem *hollow*

'Ваши слова кажутся *пустыми*'.

The sentence is *without* meaning

'Эта фраза *без* смысла'.

The idea is *buried in* terribly dense paragraphs

'Эта мысль *погребена в* ужасающе глупых абзацах'.

Читая подобные примеры, непросто увидеть в них метафорический смысл, даже заметить в них метафору. Такое осмысление языка настолько вошло в привычку, что подчас трудно себе представить, что оно может не соответствовать действительности. Однако если мы обратим внимание на следствия, вытекающие из метафоры КАНАЛА СВЯЗИ, то увидим, что она маскирует некоторые аспекты коммуникативного процесса.

Прежде всего, из второго компонента метафоры КАНАЛА СВЯЗИ – ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ – вытекает, что слова и фразы обладают значением сами по себе – вне зависимости от контекста или от говорящего. Из первого положения этой метафоры – ЗНАЧЕНИЯ СУТЬ ОБЪЕКТЫ – вытекает, в частности, что значения существуют независимо от людей и от контекстов употребления. По существу, аналогичное следствие вытекает и из второго положения – ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ. Эти метафоры оказываются приемлемыми для многих речевых ситуаций, а именно для тех, в которых контекстуальные различия не играют никакой роли, и все участники речевого акта понимают фразы одинаково. Упомянутые два следствия нашей метафоры иллюстрируются фразами типа

The meaning is *right there in* the words

'Смысл *заключен* как раз *в* этих словах';

в соответствии с метафорой КАНАЛА СВЯЗИ, это может быть сказано относительно любой фразы. Однако во многих случаях весьма существенную роль играет контекст речевого акта. Вот известный пример:

Please sit in the apple-juice seat

букв.: 'Садитесь, пожалуйста, на место яблочного сока'.

Взятая изолированно, эта фраза вообще лишена содержания, поскольку выражение apple-juice seat не является нормальным спо-

собом обозначения какого-либо объекта. Однако эта фраза приобретает полноценный смысл в том контексте, в котором она была произнесена. Гость, оставшийся на ночлег, утром спустился к завтраку. Накануне вечером стол был накрыт на четыре персоны: против трех мест стоял апельсиновый сок, а против одного – яблочный. Тогда было очевидно, к чему следует отнести выражение *apple-juice seat* 'место, против которого стоит яблочный сок'. И на следующее утро, когда уже не было на столе яблочного сока, было по-прежнему ясно, которое из мест за столом может быть обозначено как *apple-juice seat*.

Кроме тех фраз, которые не имеют смысла вне контекста речевого акта, представляют интерес случаи, когда одна и та же фраза означает разное для разных людей. Рассмотрим пример:

We need new alternative sources of energy

'Мы нуждаемся в новых альтернативных (запасных) источниках энергии'.

Эта фраза означает разное для президента нефтяной компании и для президента общества друзей земного шара. Смысл этой фразы заключен не только в ней самой: здесь для её уяснения существенно и то, кто говорит или кто слушает, и то, каковы социальные или политические статусы участников речевого акта. Метафора КАНАЛА СВЯЗИ не охватывает те случаи, в которых необходимо привлечение контекста для выяснения того, имеет ли фраза смысл вообще, и если имеет, то каков этот смысл.

Приведенные примеры показывают, что рассмотренные метафорические понятия дают лишь частичное осмысление того, какова суть коммуникации, что такое спор, что такое время; при этом они затемняют (маскируют) некоторые аспекты этих понятий. Важно учитывать, что метафорическое упорядочивание реальности носит в этих случаях не всеобъемлющий, а лишь частичный характер. Если бы оно было всеобъемлющим, одно понятие было бы тождественно другому понятию, а не просто осмысливалось бы в его терминах. Например, время реально не тождественно деньгам. Если вы *затрачиваете ваше время* (*If you spend your time*), стремясь к достижению некоторой цели, но не достигаете этой цели, вы не можете вернуть ваше время назад. В реальном мире банков времени нет. Я могу *уделить вам много своего времени* (*I can give you a*

lot of time), но вы не можете вернуть мне назад то же самое время, хотя можете *вернуть мне то же самое количество времени* (you can give me back the same amount of time). И так далее. Таким образом, метафорическое понятие не отражает и не может отражать все без исключения аспекты исходного понятия.

Однако метафорические понятия могут выйти за пределы обычного буквального способа мышления в область, называемую фигуральным, поэтическим, красочным или причудливым мышлением и языком. Так, если мысли суть объекты, то мы можем *облачать их в причудливые одежды* (*dress them up in fancy clothes*), *жонглировать ими* (*juggle them*), *выстраивать их стройно и красиво в шеренгу* (*line them up nice and neat*) и т. п. Поэтому мы, говоря, что некоторое понятие упорядочивается метафорой, имеем в виду, что оно частично упорядочивается и может получить расширительное употребление не произвольным, но вполне определенным способом.

Печатается по:

Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

Б.Ю. Норман

Языковое зазеркалье

Если язык отражает мир, то почему он его не воспроизводит подряд и целиком, а делает это выборочно и в определенной последовательности? Обратимся к окружающей нас действительности – и что мы увидим?

Рядом с реалиями, давно и четко обозначенными в языке, существуют, так сказать, «белые пятна»: участки, кусочки объективной действительности, не имеющие своего собственного обозначения. Вот, к примеру, рука: уж, казалось бы, какой предмет знаком нам лучше, чем этот, изучен в мельчайших подробностях? Внутреннюю сторону кисти мы обозначаем словом *ладонь*. А вот как обозначить противоположную сторону? *Тыльная сторона ладони*? Получается, что только так, описательно.

Или пальцы. Каждый из них имеет свое название (которое, кстати, приходит нам в голову с неодинаковой скоростью: легче всего вспоминаются большой палец и мизинец, потом указательный, потом средний и безымянный). А как называются промежутки («выемки») между пальцами? Никак специально не называются... А как назвать складки на внутренней стороне пальцев? Да так и назвать: складки на внутренней стороне пальцев, по-другому вроде бы и не скажешь... А пальцы на ноге – чем они хуже пальцев руки? Но на ноге мы выделяем названием, пожалуй, только большой палец да ещё, быть может, мизинец – все остальные просто нумеруем: второй палец, третий... Что за дискриминация? И подобные вопросы можно задавать до бесконечности. Получается, что язык имеет на окружающую нас действительность свою точку зрения, разрабатывает как бы свою «концепцию». Некоторые объекты он просто не хочет замечать, а другие «ранжирует», распределяет по степени важности...

Объяснение всему этому находится без труда. Это, конечно, не всемогущий и «самовитый» язык проявляет свои прихоти и капризы, а его властелин, человек, демонстрирует свой прагматизм. То, что для него важно, что используется в жизни часто, что приводит к каким-то практическим результатам, то и называется в первую очередь. Указательный палец мы, конечно же, используем чаще, чем безымянный; вообще пальцы на руке нам приходится различать чаще, чем пальцы на ноге... Вот отсюда и вытекают описанные выше различия. Старинная русская поговорка гласит: «Едчи рыба дать ей имя». Это значит: если ты ешь рыбу, то её надо назвать. Если же эта рыба несъедобна и бесполезна или плавает в каких-то неведомых морях, то с присвоением ей имени можно и подождать: название надо заслужить. Поэтому в языковой картине мира совершенно естественны какие-то пропуски, «дыры» – их называют лакунами. И уже хотя бы в этом отношении язык не обязан копировать действительность.

Но мало того, что язык позволяет себе не замечать каких-то элементов реальности. Он может создавать слова, не опирающиеся на эту реальность. В таком случае мы имеем дело со словами-призраками, или фантомами. Нет, внешне это самые обычные слова, только за их значением не стоит никакого явления объективной

действительности, это продукт умственной деятельности человека. Самые простые примеры слов-фантомов – это названия всяких сказочных и мифологических существ: *русалка, кентавр, циклоп, домовой, водяной, леший, бука, упырь, гоблин...* В принципе отдельные элементы, составные части данных феноменов могут существовать в реальности – например, рыбий хвост, голова и туловище женщины и т. п. Но комбинация их – это уже порождение человеческой фантазии: русалок в природе не существует и кентавров тоже. И все же, как говорят юристы, прецедент создан: если прижились в языке русалки и кентавры, кто нам запретит сочинять новые сказки, продолжать ряд слов-фантомов, играть в эту игру дальше? Вот как это делает маленькая девочка в стихотворении Корнея Чуковского:

«Дали Мурочке тетрадь,
Стала Мура рисовать.
“Ну, а это что такое,
Непонятное, чудное,
С десятью рогами,
С десятью ногами?”
“Это Бяка-закаляка кусачая.
Я сама из головы её выдумала”.
“Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?”
“Я её боюсь”».

Но в принципе подобным «мифотворчеством» занимаются и взрослые. К примеру, озорные книжки детского писателя Григория Остера, наряду с «нормальными», обычными персонажами – какими-нибудь там Машей, дядей Гошей, удавом, мартышкой, – населены загадочными существами и предметами. Среди них: фарик, пусик, Мряка, фуфыра, Слюник, залява, мукука, всхлюп и др. Это все, конечно, тоже фантомы, причем не такие общеизвестные, как русалка или бука. Но читателю они никаких особых хлопот не доставляют. Мы просто принимаем предложенные автором правила игры: допустим, что существует некто по имени *Мряка*. И существует нечто, что называется *пусик*. И т. д. А дальше все эти фантомы действуют по законам жанра, например: «Мряка дружит пусики. На

друську одного пусика Мряка тратит полдолгика. Сколько долгов истратит Мряка на друську восьми пусиков?»

Большим мастером создания искусственных слов был английский ученый и писатель Льюис Кэрролл, известный нам по сказкам про девочку Алису.

В его «Алисе в Зазеркалье» есть баллада о «джабберворках» (слово, которого нет в английских словарях), почти целиком состоящая из слов-фантомов. Вот её начало (в переводе Д.Г. Орловской):

«Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове...»

Несмотря на «абсолютную непонятность» того, о чем тут говорится, стихи эти с удовольствием читают и дети, и взрослые: игра захватывает всех. Ещё показательней в данном отношении – для русского читателя – сказочка «Пуськи бятые», принесшая её автору, писательнице Людмиле Петрушевской, поистине всенародную популярность. Вот она:

«Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит:
– Калушата, калушаточки! Бутявка!
Калушата присяпали и бутявку стрямкали.
И подудонились.
А Калуша волит:
– Оее, оее! Бутявка-то некузявая!
Калушата бутявку вычучили.
Бутявка вздрезбзнулаась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.
А Калуша волит:
– Бутявок не трямкают. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые.
От бутявок дудонятся.
А бутявка волит за напушкой:
– Калушата подудонились! Калушата подудонились!
Зюмо неку!
Зявые! Пуськи бятые!»

Филологам такие забавы давно и хорошо знакомы. Пожалуй, самый известный пример – это предложение, которое в свое время, в 1920-е годы, придумал профессор Л.В. Щерба, чтобы показать, что даже из незнакомых, искусственных слов можно составить целое, которое будет нести некоторый смысл. Вот как это предложение выглядело: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». С тех пор многие и многие поколения молодых филологов прошли через «глокую куздру» (об этой истории хорошо рассказано в книге Льва Успенского «Слово о словах»).

Искусственно созданные слова используются также психолингвистами. Психолингвисты – ученые, которые изучают процессы речевой деятельности, т. е. то, как человек производит и понимает текст. Их, в частности, интересует внутренняя связь между значением слова и его звуковой оболочкой. Дело в том, что звуки, из которых состоит форма слова, могут связываться у нас в сознании с определенными эмоциями, приятными или неприятными. И если «настоящее» значение слова неясно, неизвестно, то эти ассоциации играют решающую роль. В частности, описаны эксперименты, в ходе которых испытуемым предъявлялись две картинки. На одной было изображено округлое добродушное существо, на другой – мохнатый (или колючий) зверь с рогами. Задание состояло в том, чтобы определить, кто тут жаваруга, а кто – мамлыга. Ответ, кажется, напрашивается сам собой.

Слова-фантомы применяются и в иных научных целях. Скажем, во вполне серьезной книге П. Линдсея и Д. Нормана «Переработка информации у человека» приводится такое искусственное сообщение:

«В глике с руповыми локсенами и кейтером мункните локсен в бламп, и в гратце появится бим».

В сущности, перед нами еще один вариант «глокой куздры»: высказывание, которое содержит «информацию об отношениях», но умалчивает о том, между какими реалиями эти отношения устанавливаются. Тем не менее, как показывают авторы, и с таким высказыванием можно «работать» – например, задавать вопросы и получать ответы типа: «Где находится кейтер?» – «В глике». «Что является руповым?» – «Локсен»...

Как мы видим, это игра не только языковая. Она имеет отношение к логике и теории информации, она сродни алгебраическим операциям. Мы ведь можем складывать и умножать не только конкретные величины (например, $7 + 8 = 15$), но и величины абстрактные, о которых известно только то, что они **нечто** значат (например, $a + b = c$). Чем отличаются наши слова-фантомы от символов a , b , c в приведенной формуле? Практически ничем: мы тоже принимаем, что *путьки* и *мукуки* «что-то значат», и всё.

Но слово-фантом – не какое-то изолированное и «запредельное» явление языка, оно связано с другими, обычными словами множественными нитями. Иногда бывает так, что слово в начале своего «жизненного пути» ведет себя совершенно нормально: соотносится с соответствующим предметом и т.п. Но затем эта связь почему-то утрачивается: то ли предмет выходит из употребления, то ли выясняется, что его, собственно говоря, и не было, то ли еще что – и слово постепенно превращается в фантом.

Очень интересны, в частности, такие слова, которые «обесмысливаются» по мере развития науки. Это, так сказать, вежи, отмечающие тупики на пути человеческого познания. К примеру, в XVIII веке ученые считали, что есть особое вещество, которое рождает и передает тепло – теплород. Позже, с развитием молекулярной физики, это представление отпало, а слово *теплород* так и осталось в языке – как памятник заблуждению. Подобной историей может похвастаться существительное *флогистон* – так ученые в XVIII веке называли «огненную материю», которая, по их мнению, содержалась в горючих веществах и выделялась из них при горении. Позже флогистонная теория горения сменилась кислородной, но название *флогистон* так и сохранилось в словарях и энциклопедиях. Любопытно, все ли науки находят в себе смелость отказываться от одних понятий в пользу других – или только экспериментальные? Это отдельная тема, так же как и вопрос о словах-призраках в сфере общественной жизни – идеологии и т. д.

Нередко слово утрачивает предметную соотнесенность в составе устойчивого словосочетания – фразеологизма. Это значит, что сочетание в целом имеет свой смысл, а его элемент, отдельное слово, как бы растворяет свое значение в смысле целого выражения. Таковы в современном русском языке фразеологизмы *бить*

баклуши – «бездельничать, лодырничать», *точить лясы* – «болтать, трепать языком, сплетничать», *типун* (тебе) *на язык* «не говори так», «я не хочу, чтобы случилось то, о чем ты говоришь», *у черта на куличках* – «очень далеко», *турусы на колесах* – «нелепица, вздор» и др. *Баклуши*, *лясы*, *типун*, *кулички*, *турусы* – все эти слова когда-то обозначали (а можно сказать, в какой-то степени и сегодня обозначают) определенные предметы. В частности, *баклуши* – это чурки, заготовки для деревянных ложек, *лясы* (*балясы*, *балясины*) – столбики в перилах, ограде и т. п. Но постепенно эти слова превращаются в фантомы – во всяком случае, когда они употребляются в составе фразеологизмов, за ними уже не стоит никаких предметов.

Близки к этому случаю и слова, которые существуют только в определенных литературных или фольклорных контекстах. Все мы читали в детстве сказку «Колобок» и помним просьбу деда к бабке: «А ты по амбару помети, по сусекам поскреби – глядь, муки и наберется». Что такое *сусеки*? (Один маленький мальчик так переиначил незнакомое ему слово: «Ты по соседкам поскреби...») *Сусеки*, вообще-то, – «закрома», большие ящики, в которых хранили зерно. Но слово это постепенно забывается, выходит из употребления, остается только в сказке, которая вряд ли забудется. Но тут мы сталкиваемся с целым рядом лингвистических проблем. Можно ли считать фантомом слово, значение которого известно только узкому кругу лиц (например, специалистов)? Если есть слова, знакомые носителю языка лишь «понаслышке», по их оболочке, можно ли считать, что он их знает? Как далеко может отходить переносное значение от первоначального, прямого, может ли оно превращаться в «нуль», в отсутствие значения?

Все эти вопросы очень интересны, но, к сожалению, уведут нас за границы нашей темы. Поэтому здесь мы только отметим, что утрата предметной соотнесенности слова, отрыв его от питательной почвы действительности не только свидетельствует об относительной автономии языка, но и создает богатые возможности для языковой игры. Такие слова, как мы видели, можно «безнаказанно» создавать в развлекательных и прочих целях, ими можно манипулировать, придавать им чуть ли не любое значение...

Лакуны и фантомы в лексической системе – это ещё не все проявления самобытности и самостоятельности языка. Не менее характерным доказательством этих его качеств является своеобразие языковых классификаций. Дело в том, что те разбиения на классы, которые предлагает нам язык, часто не совпадают с классификационными основаниями, предлагаемыми нам объективной действительностью. Ничего удивительного в этом нет. Чем дальше продвигается человек по пути познания окружающего мира, тем глубже он узнает суть вещей, тем полнее и совершеннее становятся его определения... Но – одновременно – тем заметнее становятся расхождения между классификацией научной и классификацией бытовой, может быть, примитивной и архаичной, но уже закрепленной в языке.

Если кто-то попросит перечислить известных нам насекомых, мы с легкостью назовем муху, комара, муравья, кузнечика, паука, жука, скорпиона, таракана... Для нас насекомое – это маленькое животное, с ножками и, возможно, крылышками, которое ползает (а возможно, также прыгает или летает); остальное неважно. Наука же подходит к своему объекту более тщательно, учитывает его существенные признаки: строение тела, особенности поведения и т. п. И с этой точки зрения оказывается, что мухи, комары, жуки и т. д. действительно представители класса насекомых, а вот пауки и скорпионы не относятся к насекомым и в научной номенклатуре образуют отряды иного, отдельного класса паукообразных.

Точно так же для нас минерал – это какое-то природное образование, твердое, вроде камня, встречающееся в горах и добываемое людьми. Наука же определяет минерал как «природное тело, приблизительно однородное по химическому составу и физическим свойствам, образующееся в результате физико-химических процессов на поверхности или в глубинах Земли» (Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 16). В соответствии с данным определением к минералам относятся не только малахит, апатит, кварц и т. д., но и, скажем, лед, а быть может, даже вода.

В той же энциклопедии можно найти немало других примеров расхождения научной теории и языковой практики. В частности, при объяснении того, что такое орех, специально указывается: «Неправильно называют орехом семена некоторых сосен («кедро-

вый орех»), косточку грецкого ореха («грецкий орех»), сухую костянку кокосовой пальмы («кокосовый орех»)» (т. 18). При определении ягоды говорится: «Ягодой часто неправильно называют плоды земляники, малины, инжира и некоторые др.» (т. 30).

Действительно, для обычного человека ягода – это маленький сочный плод кустарника (обычно сладкий или кислый), и всё. Пусть себе познание развивается как ему угодно, язык не склонен менять свою устоявшуюся точку зрения, он консервативен. Впрочем, утешением может служить то, что наши «наивные» определения не очень мешают нам в практической жизни. Мы знаем, что малина вкусна, и едим её, независимо от того, ягода она или что-то там иное... Другое утешение – в иных языках классификация природных и общественных явлений имеет свои странности и непоследовательности, иногда, пожалуй, даже большие, чем в русском языке.

Вот как выглядит, например, часть классификационной системы языка навахо (индейское племя Северной Америки): «Индейцы вначале классифицируют все живые существа на говорящие и неговорящие... Неговорящие существа затем подразделяют на животных и растения. Потом первые на основе очевидных воспринимаемых свойств подразделяются на «бегающих», «летающих» и «ползающих». Далее каждая группа ещё раз делится на «передвигающихся по земле» и «передвигающихся по воде», а также на «передвигающихся днем» и «передвигающихся ночью». Для всех этих описаний, основанных на отдельных признаках, имеются характерные названия» (Ф. Кликс. «Пробуждающееся мышление»). Не стоит только относиться к подобным «картинам мира» высокомерно: это, мол, свойство примитивных народов. Наша собственная «наивная» классификация – например, деление на животных и растения и т. д. – тоже довольно далека от истины.

Получается, что языку свойственно весьма вольно поступать с реалиями, с предметами объективной действительности. И если так, то стоит ли удивляться тому, что конкретный человек в своей речевой деятельности может ещё сильнее нарушать правила, перетасовывать классификационные признаки?

Известны казусы, случавшиеся даже с великими художниками слова. А.С. Пушкин, похоже, плохо различал медь и бронзу, если позволил себе в «Медном всаднике» (медном!) выразиться так:

«...Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне».

М.Ю. Лермонтов приписал львице наличие гривы (хотя грива бывает только у льва):

«И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел...» («Демон»).

А И.А. Крылов в своем переложении басни Лафонтена «Стрекоза и муравей» вынужден был пойти на некоторые изменения. В оригинале у французского поэта действуют цикада (насекомое, близкое к кузнечику) и муравей (кстати, по-французски оба существительных относятся к женскому роду, так что это две «кумушки»). Крылов заменил цикаду на стрекозу, но при этом сохранил особенности поведения насекомого: стрекоза у него «прыгает» и «поет» в мягких муравах! «Стрекозы, – замечает Л. Успенский в «Слове о словах», – насекомые, которые в траву попадают только благодаря какой-нибудь несчастной случайности; это летучие и воздушные, да к тому же совершенно безголодые, немые красавицы».

Самое интересное тут, что обычный читатель подобных ляпсусов просто не замечает. И не потому, что находится под гипнозом авторитетов (или вообще печатного слова), а более всего потому, что он привык к нежесткости языковой системы: тут «всё может быть». Если есть кентавры и циклопы, человеки-невидимки и черепашки ниндзя, то почему не быть львицам с гривой или прыгающим стрекозам...

Создавая свои классы предметов и – на их основе – свои понятия, практическое (или «наивное», что в данном случае одно и то же) мышление человека как-то их упорядочивает, соотносит друг с другом. В конце концов классы выстраиваются в систему последовательного подчинения – иерархию. Например, мы можем сказать: жук – это насекомое, насекомое – это животное, животное – часть природы... Только надо признаться, что и эта иерархия довольно непоследовательна и случайна. Посмотрим на примеры того, как некоторые предметы объединяются нашим сознанием в классы.

Туфли, тапочки, сапоги, ботинки, кроссовки... – это всё обувь.

Молоток, дрель, плоскогубцы, отвертка, клещи... – инструменты.

Шапка, кепка, шляпа, берет, фуражка, папаха... – головные уборы.

Молоко, сыр, творог, кефир, сметана, брынза... – молочные продукты.

Чашка, кружка, стакан, бокал, фужер... – то, из чего пьют.

Марки, монеты, значки, открытки, спичечные этикетки... – то, что коллекционируют.

Уже тут видна первая непоследовательность: одни классы имеют свое четкое, устойчивое, однословное наименование (*обувь, инструменты*), другие обозначаются устойчивым же, но словосочетанием (*головные уборы, молочные продукты*), у третьих и такого названия нет, они могут быть обозначены по-разному (*то, из чего пьют; посуда для питья; чашки-кружки* и т. п.). На примере данных классов легко также показать нежесткость языковой системы.

Скажем, класс головных уборов в принципе проницаем, незамкнут. Можно добавить в него платок, шаль, тюрбетейку, башлык, феску, чалму и т. д., хотя мы чувствуем, что с каждым шагом все дальше отходим от «типичного», привычного нам головного убора. А если продолжить этот список: войдет ли в него каска? Мотоциклетный шлем? Парик? Фата? Корона?.. Трудно сказать. Это уже то ли головные уборы (по некоторым своим признакам), то ли нет (по другим). Границы класса оказываются нечеткими, размытыми – хотя ясно, что у него есть некоторое более или менее стабильное «ядро». (Сказанное, естественно, относится и к другим выделенным нами группам.)

Сложность лексической классификации связана и с тем, что слова неодинаковы по своей способности налаживать иерархические связи с другими словами. Есть такие, которые с легкостью образуют родовидовые отношения (например: *туфли* – вид обуви, *отвертка* – вид инструмента), а есть такие, которые плохо поддаются подобной систематизации. Это касается, в частности, слов неоднозначных, с отвлеченным или оценочным значением (например, *загадка* – это вид чего? *Бессмыслица* – это вид чего?). Кроме

того, носителю языка привычно «работать» с некоторым наиболее удобным уровнем обобщения (примером может служить слово и понятие *жук*), а на уровне выше- и нижележащие (соответственно: *насекомое* и, допустим, *навозник*) он редко обращает внимание, они для него служат скорее своеобразным фоном...

Наконец, сами отношения иерархии, подчинения понятий в языковой классификации не так уж отчетливы и прозрачны. Вот, скажем, сыр – это вид молочных продуктов. А брынза? Находится ли она на том же уровне обобщения? То есть это тоже вид молочных продуктов? Или же это вид сыра? Другой пример. Птица – в языковом или, если угодно, наивном понимании относится к животным или же существует рядом с ними как отдельный класс?

Как мы скажем по-русски: «Птицы и другие животные спасались от пожара» или же просто «Птицы и животные спасались от пожара»? Кажется, первое предложение вызывает у нас сомнения («режет слух»), в то время как второе выглядит вполне нормально; это значит: птица – не животное...

Подобных вопросов и сомнений может быть множество. Главное же, сложность этих внутриязыковых отношений дает массу поводов для языковой игры.

Печатается по:

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. С. 17–28.

Владимир Селегей

Электронные словари и компьютерная лексикография

Введение

Термин «электронный словарь» стал уже привычным. При этом атрибут «электронный» характеризует свой объект настолько же поверхностно, насколько противоположный ему атрибут «бумажный» – традиционные словари. Обычно подразумевается, что словарь на компьютере – это введенный в него бумажный словарь, снабженный удобными средствами поиска и отображения. То есть

создатели электронных словарей переливают старое доброе лексикографическое вино в новые электронные мехи. Компьютерная лексикография как область прикладной лингвистики, производящая такие словари, оказывается лишенной собственного языкового предмета. На её долю оставляется только эффектная демонстрация канонического содержания.

Мы бы хотели предложить другую точку зрения, согласно которой компьютерная лексикография является особым направлением в практической лексикографии со своими собственными подходами не только к отображению, но и к содержанию словаря. Мы полагаем, что электронный словарь – это особый лексикографический объект, в котором могут быть реализованы и введены в обращение многие продуктивные идеи, не востребованные по разным причинам в бумажных словарях.

Необходимо сразу оговориться, что речь идет о тенденциях, потенциальных возможностях компьютерной лексикографии, часть которых ещё не реализована или даже еще не осознана. Прежде чем перейти к обсуждению новых возможностей, остановимся на проблемах классической «бумажной» лексикографии.

Антиномии бумажной лексикографии

Плоды традиционной практической лексикографии страдают от трех фундаментальных противоречий, характерных для этой области человеческой деятельности:

1. Чем больше объем словаря, чем полнее и доказательнее описание лексических значений, тем сложнее им пользоваться.

Это противоречие привело к поляризации рынка бумажных словарей: имеется большая группа массовых изданий, довольно примитивных, но относительно удобных, которой противостоят единичные пудовые профессиональные издания, непригодные для быстрого получения информации. Характерный пример – 20-томный Оксфордский словарь.

2. Чем полнее и глубже описание лексических значений, тем в меньшей степени словарь соответствует текущей языковой и культурной ситуации.

Чрезвычайно долгий цикл создания и модификации фундаментальных бумажных словарей приводит к тому, что образ мира, который они фиксируют в системе своих значений, примеров и переводов, уже заметно отличается от действительности. Многие словари, основной корпус статей которых сформировался в языковой атмосфере середины века, представляют собой лексикографические музеи (а то и терминологические кладбища, если говорить о специализированных словарях).

3. Чем интереснее собственно лексикографическая концепция словаря, чем интегральнее средства описания лексических значений, тем уже его лексическая база.

В результате универсальные бумажные словари демонстрируют печальное отсутствие влияния достижений теоретической лексикографии на лексикографическую практику. Научные лексикографические проекты существуют, но реализуются в виде словарей, не покрывающих и 10 % всего лексикографического пространства. Например, в знаменитом Толково-Комбинаторном Словаре (ТКС) под ред. Мельчука и Жолковского [1] описано всего около 400 лексических значений русского языка.

Возможности компьютерной лексикографии

Компьютерная реализация бумажного словаря сама по себе позволяет преодолеть часть указанных проблем. К новым возможностям электронного словаря относятся:

1. Существенно более изощренные возможности показа содержания словарной статьи, включая возможность частичного показа по разным критериям (различные «проекции» словаря), разнообразные графические средства, которые не используются в обычных словарях.

2. Использование для доступа к содержанию различных лингвистических технологий, таких как морфологический и синтаксический анализ, полнотекстовый поиск, распознавание и синтез звука и т. п.

С точки зрения пользователя смысл реализации в электронном словаре всех этих технологий состоит в том, что становится возможным быстро получить информацию, которая содержится где-то в недрах словаря и непосредственно отвечает тому запросу,

который сформулирован пользователем в удобной для него форме. При традиционном подходе минимальной единицей доступа является лексема (имя словарной статьи): мы должны прочитать всю статью, чтобы определить, содержится ли в ней ответ на наш запрос. Для таких словарей, как оксфордский, это представляет серьезную проблему. Например, глагол *set* имеет там 400 только основных значений (и у многих из них имеются подзначения).

Пользователь хотел бы, чтобы словарь максимально локализовал релевантную информацию. При этом речь не идет об автоматическом выборе переводного эквивалента (если мы говорим о переводном словаре). Специфика словарного ответа в том, что он дает весьма разнообразную информацию о слове или словосочетании, а не просто переводное соответствие, предполагает активный выбор пользователя из нескольких возможных хорошо обоснованных альтернатив. Однако попытка решить проблему адекватной реакции словаря на запрос неизбежно наталкивается на сопротивление самого словарного материала, перенесенного из бумажного словаря.

Новое противоречие

Итак, мы видим новое противоречие: между новыми языковыми компьютерными технологиями и старым традиционным словарным содержанием, не позволяющим воспользоваться этими технологиями в полном объеме. Иными словами, новые мехи требуют нового вина!

Источник этого противоречия тоже ясен: словарь представляет собой модель языка, устроенную на совершенно иных принципах, чем те формальные модели, которые лежат в основе этих технологий. И если в области морфологии противоречие ещё не очень существенно, то в области синтаксиса и семантики оно становится почти непреодолимым.

Действительно, технология морфологического анализа всего лишь позволяет установить соответствие между исходной формой слова из текста и множеством лексем (словарных входов), для которой такая форма возможна. Синтаксический анализ позволяет сделать то же самое для словосочетаний, являющихся отдельными словарными входами. Однако для всех этих технологий само словарное содержание является «непрозрачным», полностью ими иг-

норируется. Заглянуть «внутри» словарной статьи позволяет только полнотекстовый поиск. Однако этот мощный инструмент работает со словарным содержанием как с текстом на естественном языке, что резко ограничивает его возможности. Первый и очевидный шаг, на который уже идут создатели электронных словарей, это первичная разметка словарной статьи, формализация той внутренней структуры, которая в той или иной мере имеется в хороших бумажных словарях. В результате полнотекстовый поиск может различать, к примеру, переводы, примеры использования и комментарии, что принципиально усиливает его возможности с точки зрения пользователя. Однако все эти меры являются поверхностными. Ясно, что задача состоит в том, чтобы единицей описания было отдельное лексическое значение, и технологии анализа могли бы устанавливать соответствие между исходным запросом и теми лексическими значениями, которые релевантны для этого запроса по синтаксическим и семантическим критериям.

В качестве иллюстрирующего примера можно привести практически любой глагол, принадлежащий ядру языка. Например, глагол «развести» может встретиться в таких контекстах: разводить руками; разводить спирт водой; разводить супругов; разводить мосты; разводить баранов; разводить дерущихся; разводить пилу; разводить / разбивать сады (английские эквиваленты: bring; conduct; part, separate; mix; dissolve; divorce; breed; plant, etc...).

Задача создания такого словарного содержания, которое позволило бы сделать единицей анализа отдельное лексическое значение, а не морфологическую лексему, видится нам наиболее перспективным направлением в компьютерной лексикографии. Ясно, что для её решения требуется «синхронизация» словарных описаний и формальных моделей, используемых технологиями анализа. В пределе это должно быть единое интегральное лексико-синтактико-семантическое описание.

Читатели и писатели

Интегральный подход к лексическим описаниям позволяет также решить и проблему «монофункциональности» бумажных словарей. К примеру, особенностью большинства бумажных переводных словарей является ориентация описания структуры лекси-

ческого значения в исходном языке на лексическую систему языка перевода и на реализацию ровно одной функции – собственно перевода с языка А на язык Б в предположении, что язык А является иностранным, а язык Б – родным. Нечего и говорить, что такое ограничение делает словарь исключительно неудобным при необходимости перехода от пользовательской модели Читатель к модели Писатель.

Фактически сегодня такие модели реализуются разными типами словарей, что достаточно неудобно читателю. Поэтому интегральный подход к лексическим описаниям оправдан не только методически (и, что немаловажно, экономически), но и с точки зрения учета интересов пользователя.

Проблема актуальности

Коснемся проблемы актуальности словарного содержания. Как уже указывалось, фундаментальные (лучшие!) бумажные словари – неизбежно словари устаревшие. Особенно это характерно для разговорной лексики, в частности, ненормативной. В этой области отечественные классические словари предстают не только устаревшими, но попросту ханжескими. Функции фиксации текущего состояния языка берут на себя растущие, как грибы после дождя, небольшие словарики, обычно весьма конъюнктурные и поверхностные. Новые значения в них оторваны от своих языковых корней, плохо или произвольно объяснены.

Для массовых программных продуктов, каковыми являются электронные словари, характерны частая смена версий и наличие постоянной обратной связи с тысячами пользователей. Поэтому компьютерная лексикография – это неизбежно актуальная лексикография. Жизнь электронного словаря должна быть похожа на нелегкую жизнь других программных систем: с маниакальным стремлением особо вредных пользователей обнаружить очередную ошибку или лауну и, с другой стороны, с возможностью и необходимостью поправить дело сейчас, а не через десятилетия. Такой подход всего лишь фиксирует естественное положение дел: коллективное авторство на словарное содержание принадлежит всем носителям языка, задача лексикографа – фиксация языковых фактов и их методически правильное описание.

Соответствие уровню достижений лингвистической науки

Отрыв лексикографической теории от лексикографической практики велик. Это должно быть особенно обидно для российской лингвистической науки, в которой лексическая семантика занимает особое место. Достаточно назвать такие имена, как Мельчук, Апресян, Падучева и многие другие.

Разумеется, существуют особые «концептуальные» словари, в которых лексика представлена интегрально и систематически. Например, уже упоминавшийся ТКС, созданный в рамках теории Смысл-Текст Мельчука, или толковые и синонимические словари группы Апресяна.

При этом в массовых бумажных словарях никаких следов этих идей вы не обнаружите. И именно в развитии этих идей мы видим будущее практической компьютерной лексикографии.

В этой статье мы не можем подробно анализировать теоретические концепции, являющиеся одновременно и практически полезными. Укажем лишь на следующие:

- Понятие «лексической функции», позволяющее систематически описывать несвободную сочетаемость слов. Например, то, что «войну ведут», а «экзамен держат», что «теории выдвигают», а «мысли подают» и т. п.

- Описание семантики и практической реализации грамматического словоизменения и словообразования. Каждый язык имеет свои собственные способы грамматического кодирования смысла. И эти способы никогда не описывается в массовых словарях систематически. Например, как передать по-английски смысл «довыпендриваться», даже если знаешь как передать «выпендриваться»?

- Синтаксические описания. Здесь ситуация наиболее печальна, поскольку в массовых словарях не существует даже системы понятий, с помощью которой синтаксическая информация могла бы быть доведена до обычного читателя. Идея, что за составление предложения ответственна грамматика, изложенная в справочнике, а словарь обеспечивает перевод отдельных слов, не выдерживает критики с точки зрения современных представлений о центральной роли слова в синтаксисе.

Выход из этой печальной ситуации уже указан. Будущее лексикографии за интегральными словарными описаниями, основанными на формальных моделях, учитывающих упомянутые научные результаты. На этих же моделях будут основываться технологии доступа к словарному содержанию.

Заключение

Пару лет назад накануне 1 апреля подписчикам сетевой лексикографической конференции было разослано следующее сообщение, которое мы оставим без комментариев:

Поскольку число слов в английском языке продолжает увеличиваться, словари становятся все толще, а издательские издержки стремительно растут – лексикографы всего мира предложили революционное решение этой проблемы. На очередной встрече Ассоциации Творческих Лексикографов её члены единогласно проголосовали за 15-процентное сокращение всех словарей. Сокращение будет произведено пропорционально для всех букв и на всех уровнях словаря. Таким образом, к 2002 году каждый вновь выходящий словарь, от школьных до академических, будет урезан на 15 %. Президент Ассоциации Харли Лайкли определил это решение как «экологически корректное», указав, что меньшие по объему словари сберегают леса. Дело за малым: определить, что именно следует выкинуть.

Печатается по:

URL: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/pdf/selegey_a1.pdf,
свободный.

Олег Серлов

Словарь благонадежных слов

Сотрудники центральных телеканалов получили от своих начальников неприметные на первый взгляд бумаги – «список терминов».

Этот «краткий цитатник» был роздан телевизионным начальникам в Кремле на пятничном «сером брифинге» – традиционной встрече, на которой представители администрации президента высказывают свои пожелания (в смысле требования) – что и как должно быть освещено. Обычно на таких встречах указания даются устно, в крайнем случае журналисты получают back-ground – аналитические материалы к предстоящим визитам или по отдельным темам. Но тут едва ли не впервые бумага была посвящена... русскому языку. Пожелания в области языкознания стоят того, чтобы их привести полностью, сохраняя кремлевскую орфографию.

Список терминов:

Употребляемые термины	Правильные термины
Джемаат	террористическая организация, банда
Шахид, шахидка	террорист (-ка)-смертник (-ца)
Моджахед	Боевик, террорист
Амир, эмир, имам, шейх, полевой командир	главарь бандформирования
Ваххабит	исламский экстремист
Пояс шахида	пояс со взрывчаткой
Джихад	диверсионно-террористическая деятельность
Чеченский терроризм, исламский терроризм	международный терроризм
Кавказский, Северный, Южный и т. д. фронты, бригады	чеченские террористические группировки, действующие на Кавказе
Чеченский сепаратист	чеченский террорист, боевик
Военная операция боевиков, войсковая операция моджахедов	Террористическая акция боевиков, террористическая вылазка боевиков
Эмиссар чеченских сепаратистов (А. Закаев)	рупор чеченских боевиков

Главный вопрос – что стоит за этим приказом «учить албанский»?

Очевидно, что это те идеологемы, которые благодаря журналистам должно выучить российское общество.

А именно: недопустимы никакие ассоциации чеченских боевиков с «воинами Аллаха» или мусульманами. С одной стороны, не стоит ссориться с российскими мусульманами – все-таки их 20

миллионов. И, если смертников называть шахидами (борцами за веру, сразу после гибели попадающими в рай), не появится и у других желание идти тем же путем?! С другой стороны, к бегающим по кавказским хребтам «мусульманам» с неизменным сочувствием относятся радикалы за границей. По логике Кремля, упоминание ваххабитов в российской прессе может обернуться чемоданами с деньгами, идущими к чеченцам из-за рубежа. Во-вторых, следует всячески подчеркивать международный характер чеченских боевиков. Это ставит Россию в один ряд с США и другими борцами с террористическим интернационалом.

Недаром одно из любимых занятий российских военных в Чечне – демонстрация документов иностранных граждан, якобы изъятых у уничтоженных боевиков.

Логика проста: если в Ираке гибнут мирные граждане и никто не кричит о правах человека, то нечего муссировать эту тему и в Чечне, граждане европейские либералы.

В-третьих, тем гражданам, кто успел подзабыть, что в Чечне не было и нет никакой войны – только контртеррористическая операция, ненавязчиво об этом напоминает. А посему нет фронтов, бригад, а также войсковых операций террористов!

Единственный персонаж, который удостоился личного упоминания в списке, – Ахмет Закаев. Почему он вовсе не эмиссар, а только «рупор» – понятно. Эмиссаров, объясняет любой словарь, «посылают политические или государственные организации». Но у чеченских террористов ни того ни другого быть не должно.

Появление этого «письма счастья» сегодня вовсе не случайно.

Требования Кремля показывать, как «налаживается мирная жизнь» в Чечне, звучали и раньше и каждый раз были приурочены к важным пропагандистским акциям – как правило, тем или иным выборам.

Как утверждают в администрации президента, сегодня в Чечне «все стабилизировалось» и республика накануне «хороших выборов» (на этот раз в конце ноября будут выбирать парламент). Именно поэтому, например, с месяц назад от всех телеканалов потребовали широко осветить, как партийные лидеры съездили в Чечню, чтобы объявить о начале предвыборной кампании.

А в ближайшие недели наверняка появятся репортажи о жизни рядовых чеченских строителей, крестьян и т. п.

Отдельной строкой здесь стоят рассказы о высокопоставленных чеченских чиновниках. Вот лишь некоторые из недавно показанных сюжетов по РТР и НТВ. Рамзан Кадыров хоть и не совершил хаджа, но так любит отца, а его так любит народ, что самая популярная одежда в республике – майка с надписью «кадыровский спецназ». (Зато никто не рассказал, как в Чечне заканчивается война, когда Кадыров-младший возит по Грозному Ксению Собчак.) Премьер Абрамов обещает за пять лет все восстановить – он из молодых, но, как восстанавливать экономику, знает. (Роскошный особняк чеченского премьера в ближнем Подмоскowie, куда он приезжает раз в две недели, показан мельком.) И, конечно же, президент Алханов, который находит общий язык с европейскими парламентариями. И все это рассказано исключительно правильными словами.

Таким образом, информационная политика Кремля на Северном Кавказе перешла в третью фазу: сначала журналистов изолировали в Ханкале, заставив получать аккредитации и запретив ездить кто куда хочет, потом начали выдавать дозированную информацию, теперь предлагают «фильтровать базар».

Через простые и определенные наверху термины обществу навязывается вполне конкретная точка зрения. И телеканалы здесь не более чем средство для «прочистки мозгов».

А чтобы узнать иную точку зрения, похоже, действительно придется «учить албанский» – в смысле английский, французский или какой иной иностранный язык...

Печатается по:

«Газета. Ru». 2005. 3 ноября. URL:
<http://www.gazeta.ru>, свободный.

Типология денотативных сем

По отношению к системе языка денотативные микрокомпоненты подразделяются на узуальные и окказиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные.

Узуальные семы – входящие в системное значение слова, окказиональные – наведенные контекстом или ситуацией, не входящие в системное значение слова, а присоединяющиеся к нему лишь в коммуникативном акте. Узуальные семы обычно отражаются в словарях, окказиональные, естественно, нет. Окказиональные семы могут существенно изменить значение слова в речи. Ср. известное шуточное выражение: Есть простая ложь, наглая ложь и статистика. В значении слова *статистика* наводятся окказиональные семы «ложь» и «крайняя степень».

Необходимо разграничивать окказиональные и актуализованные периферийные семы. Например: – Не был у нас на мельнице-то? – Нет. – Загляни как-нибудь. Пруд там получился богатый, красивый. Покуда комарья нет – просто *санаторий* (А. Иванов. Вечный зов). Слово *санаторий* употреблено здесь в смысле «место приятного отдыха». В данном случае наблюдается актуализация периферийных сем значения. Ср. другое возможное употребление этого слова: В санатории, где я был, было очень холодно, все мерзли. Я так рад, что наконец дома! – Ну, у нас тепло, согреешься. Это тебе не санаторий! В данном случае наводятся семы «холодное место», они не входят в системное значение слова *санаторий* и не являются в нем даже периферийными.

Системные семы представляют собой семы, входящие в структуру семемы и являющиеся общеизвестными для всего говорящего коллектива. Личностные семы существуют только в индивидуальной языковой компетенции и не входят в число общеизвестных (см. Плотников, 1984, с. 49–50).

Деление сем на системные и личностные во многом условно. Есть групповые семы, включаемые в значение того или иного слова группами людей (научные и профессиональные семы). Групповые семы могут переходить в личностные, личностные – в групповые. Существование личностных сем обусловлено самим отражатель-

ным характером значения: индивидуальный опыт всех говорящих различен, что и приводит к формированию в их языковых компетенциях личностных сем.

Количество и содержание личностных сем зависят от многих факторов – профессии, пола, жизненного опыта и др. Эта зависимость хорошо прослеживается в ассоциативных экспериментах. Так, содержание слов *завод, университет, школа, армия, деревня, больница, война, тюрьма* будет существенно различаться у разных категорий людей, в разной степени знакомых с соответствующими явлениями. Изменяются личностные семы и со временем. Личностными оказываются семы различных типов, и денотативные, и коннотативные. Приведем примеры актуализации личностных денотативных сем.

[Персонаж пьесы по ходу действия врывается в номер к незнакомой девушке и включает радио.]

Потапов. Что? (Вдруг очень вежливо) Извините меня! Я, это самое, сам не знаю, как ... Футбол, сами понимаете... (А. Вампилов. Провинциальные анекдоты).

Актуализируются личностные семы «важность события», «большой вызываемый интерес». Ср. ещё один пример. Девушка пытается оправдать Потапова перед другими:

Виктория. ...Он только что болельщик, а так человек воспитанный, из Москвы приехал (А. Вампилов. Провинциальные анекдоты).

Актуализована личностная сема «не совсем нормальный».

Личностными могут быть не только семы, но и целые значения, семемы – индивид в силу незнания или в силу каких-либо других причин может иметь свое собственное представление о содержании того или иного слова. Так, дед Щукарь из «Поднятой целины» М. Шолохова говорил:

«К примеру, что означает “монополия”? Ясное дело – кабак. “Адаптер” – означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. “Акварель” – это хороша девка, так я соображаю, а “бордюр” – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба, “антрессоли” крутить – это и есть самая твоя любовь, Агафон, на которой ты умом малость тронулся, и так далее».

Личностные значения состоят из личностных сем, играющих немаловажную роль в понимании значения носителем языка, но их выделение лингвистом затруднено и требует разработки специальных методик исследования. Личностные моменты в значении являются, по определению А.Г. Шмелева, предметом новой науки – психосемантики, изучающей «избирательное усвоение и трансформации значения в индивидуальном сознании в процессе индивидуальной деятельности» (Шмелев, 1983, с. 6–7). Семасиология имеет дело преимущественно с системными семами.

По различительной силе разграничиваются интегральные и дифференциальные семы. Интегральными являются семы, общие для значений группы слов. Они не выполняют различительных функций в пределах соответствующей группы. Дифференциальные семы различают значения сравниваемых слов, в группе они выполняют различительные функции. Интегральные семы могут быть с различным уровнем абстракции. Интегральные семы высокого уровня абстракции называют архисемами (Гак), ядерными (Васильев), идентифицирующими (Гайсина), частеречными семами (Гинзбург, Арнольд), маркерами (Катц, Фодор), групповыми дифференциальными признаками (Селиверстова), инвариантными семами (Комарова), дифференциальные семы – дистингвишерами (Катц, Фодор), индивидуализирующими, диагностирующими (Арнольд), периферийными (Васильев). Представляется удобным употреблять достаточно прозрачный термин «интегральная сема» для всех общих сем сравниваемых слов, независимо от степени абстракции семы, а термин «архисема» оставить за обозначением наиболее общей семы индивидуального лексического значения, относящей предмет к определенному классу. Ср. медведь – «животное», стул – «мебель», стакан – «сосуд» и др.). Дифференциальной будет любая сема, конкретизирующая архисему в составе семемы.

Архисема в структуре семемы обладает существенной спецификой. Во-первых, она является центром, опорой семемы. В структуре семемы архисема всегда автономна, независима, а все остальные семы прямо или через другие семы определяют архисему, конкретизируют её. Во-вторых, архисему отличает свойство, которое может быть названо неединственностью: для каждого зна-

чения может быть выделен целый ряд архисем, причем все они будут адекватными для данного значения. Это – следствие возможности рассмотрения одного и того же предмета с разных сторон и на разных уровнях абстракции, что приводит к подведению его в разных случаях под классы разного объема. Это, в свою очередь, означает, что каждый такой класс будет представлен в значении архисемой соответствующего уровня абстракции. Так, *шкаф* можно рассматривать и как мебель, и как неодушевленный предмет, и как предмет, и как артефакт, и как вещь – в зависимости от выбранной исследователем точки зрения, от выбранного им уровня абстракции. *Репертуар* можно определить как совокупность, набор, состав, список, перечень пьес и т. д., идущих в театре; *воровство* – как преступление, похищение, нанесение ущерба; *качели* – как предмет, устройство, сооружение и т. д.; *галстук* – украшение, деталь одежды, полоска ткани и т. д.

Проблема выделения архисемы значения тесно связана с проблемой категоризации предметов вообще. У. Чейф указывает, что в то время как индивидуализация предмета происходит только в акте его восприятия, его категоризация может в равной мере иметь место как при восприятии предмета, так и при вербализации прошлого опыта восприятия в акте говорения (1983, с. 61–62). При этом категоризация одного объекта может быть разной у разных людей и у одного и того же человека в разные периоды осмысления предмета, например при непосредственном восприятии и спустя определенное время. Это и обуславливает возможность подведения одного и того же предмета в разных условиях и разными людьми под разные категории (классы). Так, в описываемом У. Чейфом эксперименте детская горка получила обозначение как сооружение, башня, платформа, конструкция, стойка и т. д. (с. 52).

В словарях обычно выбирают наиболее низкий уровень абстракции, так как такая архисема наиболее информативна для пользующихся словарем. Это – практический выход, но надо иметь в виду, что любая архисема – лишь одна из многих, которые могут быть приписаны данному значению.

Архисемы в структуре значения образуют открытый ряд. Каждая архисема соответствует определенному уровню абстракции. Чаще всего архисемы описываются установившимися для

данной лексической системы единицами метаязыка – предмет, явление, человек, животное, устройство, система, приспособление, растение и т. д., но возможны и любые новые архисемы. То, что в метаязыке есть два-три десятка ходовых названий для возможных архисем, не должно вводить в заблуждение относительно того, что количество архисем в языке этими двумя-тремя десятками и исчерпывается. Вследствие того, что архисема представляет собой не описание конкретного признака предмета, а результат логической операции по обобщению всех признаков предмета, архисемы теоретически неисчислимы, и какое-либо их ограничение может быть обусловлено только практическими потребностями лексикографического описания конкретных лексических единиц.

Таким образом, генетически архисема в структуре значения производна от остальных конкретных сем, так как является обобщением последних, хотя в структуре «оформившегося» значения она выступает уже как структурно независимый семантический компонент, а остальные семы конкретизируют архисему, зависят от неё синтагматически. Неправомерно говорить о том, что в лексическом значении есть только одна архисема «на все времена» – та или иная архисема является в данном значении единственной только лишь для принятого уровня абстракция, для наличных противопоставлений. Выявление той или иной архисемы в значении обусловлено всегда конкретной необходимостью категоризации предмета – в акте речи или в акте внекоммуникативного логического осмысления предмета.

По степени яркости в значении различаются семы яркие и слабые. В структуре значения как явления психики разные семы могут по-разному осознаваться носителями языка. Одни оказываются по сравнению с другими более яркими, лежащими как бы на поверхности языкового сознания. Такие семы в первую очередь приходят на память, легко формулируются на метаязыке. Носитель языка, если его просят объяснить значение слова, называет эти семы в первую очередь. Они являются яркими. Семы, уступающие ярким по психологической осознанности в структуре значения, называются слабыми. Естественно, между яркими и слабыми семами нет четкой границы; кроме того, яркость семы может изме-

няться в акте речи. Возможны различия слов, основанные на разной яркости сем в ядре значения.

Наглядный пример несовпадения понятий «яркая сема» и «дифференциальная сема» приводит Ю. Найда, анализируя значения глаголов *идти* и *бежать*. Он отмечает, что наиболее яркими, «психологически центральными» для носителей языка при дифференциации значений этих слов будут семы «быстро», «медленно», так как обычно бегут быстрее, чем идут пешком. Однако при детальном анализе выясняется, что дифференциальным признаком этих значений признак скорости передвижения не является – есть люди, которые могут идти быстрее, чем некоторые бегут, а бег на месте вообще не предполагает перемещения в пространстве. Дифференциальным признаком для этих глаголов будет одновременное нахождение обеих ног в воздухе в определенные моменты и соприкосновение одной ноги с землей в любой момент. Эти семантические признаки, несомненно, системно релевантны для значений, тем не менее они не являются яркими в структуре значения, относясь скорее к слабым (Nida, 1975; см. также: Берков, 1975, с. 408–410; 1976, с. 143; Языковая номинация. Общие вопросы, 1977, с. 314–315).

Используя экспериментальные психолингвистические методики исследования значения, можно ранжировать семы по яркости. Так, эксперименты С.В. Анисимова показали, что в значении слова *студент* наиболее яркой будет сема «учится», а сема «молодой» оказалась в четыре раза более слабой, хотя она тоже вполне определенно входит в значение этого слова (Анисимов, 1982). В слове *осел* экспериментальным путем выявляются компоненты «глупый» и «упрямый», причем компонент «глупый» выделяется в два раза чаще, чем компонент «упрямый», что свидетельствует о разной яркости этих компонентов значения (Рыжкина, Литвин, 1976, с. 58).

Ядерные семы обычно выступают как более яркие по сравнению с периферийными, неосновными в значении, однако часто наблюдаются и достаточно яркие периферийные семы, которые не только не уступают по яркости ядерным, но и превосходят по этому параметру многие ядерные семы. Например, достаточно яркими в структуре значения являются такие периферийные семы, как: *бетон* – дешевизна, *январь* – холод, *песок* – неплодородность, *субтропики*

– жара, стадо – неорганизованность, марафон – изнурительность, мамонт, мастодонт, бык, лев, тигр – сильный, золото – ценное, улитка – медленность передвижения, саранча – прожорливость, груз – тяжелый, кинозвезда – красивая, профессор, академик – глубокие знания, умный, осколки – не представляют ценности, тюк, мешок – тяжелый, гимнаст – ловкий, баскетболист – высокий, домна – большая, мать – заботливая, мужчина – сильный, нож – острый и т. д.

Особенно заметно доминирование одних сем над другими по яркости в признаковых словах. К примеру, компонент «очень красивая» явно доминирует в значении слова красавица над семами «лицо» и «женский пол»; сема «очень высокий» доминирует над семой «лицо» в значениях слов дылда, каланча и т. д. Можно считать правилом, что дифференциальные ядерные семы всегда превосходят по яркости архисему ядра.

По характеру выявленности в значении различаются эксплицитные и скрытые семы. Эксплицитные семы представлены в значении непосредственно, явно, они не содержатся в каких-либо других семах, наполняют структуру значения, располагаясь одна за одной. Скрытые семы содержатся в других семах и наполняют значение «вглубь».

Семы, входящие в структуру значения, в иных условиях сами могут являться отдельными семемами других языковых знаков, а значит, они структурно членимы, как всякие семемы. Приобретая статус семы какого-либо значения, они сохраняют свою сложную структуру, лишь «отводя» свои составные элементы в глубину нового значения, в котором им предстоит функционировать. Их структура как бы «упаковывается» в сему, которая для данного уровня рассмотрения значения выступает как целое, т. е. как эксплицитная сема. Семантические компоненты, содержащиеся в ней, и есть скрытые семы. Э.В. Кузнецова подчеркивает (1982, с. 23), что значение, входящее в другое значение как его составная часть, входит в это значение «со всем его содержанием», и это обуславливает высокую содержательность конкретной лексики.

Те или иные скрытые семы могут быть свойственны единицам целых семантических разрядов лексики. Так, во всех словах, обозначающих людей, присутствует сема «лицо», которая содер-

жит скрытые семы «одушевленность», «способность мыслить» и др. Во всех словах, обозначающих искусственно изготовленные предметы, выделяется сема «артефакт», где скрыты семы «предмет», «изготовленный человеком», «имеющий функцию». Слово *трактор* определяется в словаре как «мощная машина для тяги сельскохозяйственных орудий». В семе «машина» скрыты семы «артефакт», «предназначенность для облегчения труда человека»; сема «артефакт» содержит семы «предмет», «изготовленный человеком», «имеющий функцию»; в семе «предмет» скрыта сема «материальный объект», «воздействие на органы чувств»; сема «мощный» содержит семы «сила», «высокая степень», сема «тяга» – семы «движение», «приведение в движение» и т. д.

На наличие семантических компонентов, скрытых в других семантических компонентах, обращал внимание ещё Г. Пауль (1960, с. 101): «Каждое представление о субстанции (т. е. значение вещественного слова. – *И.С.*) непременно содержит в себе представления о многих свойствах. Но и многие представления о свойствах и действиях, которые можно обозначить одним словом, являются составными». А.А. Уфимцева указывала, что значение слова представляет собой иерархию признаков, создающих не плоскостную смысловую структуру, а структуру, обладающую глубиной (1968, с. 81). Е.К. Войшвилло отмечал, что признаки, образующие понятие, могут быть как простыми, так и сложными, и совокупность признаков «всегда может быть представлена и как один сложный признак» (1967, с. 137). Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут о том, что некоторые семантические компоненты могут быть даже сложнее тех значений, в которые они входят, приводя в пример семантический компонент «человек», входящий в семему «стул» (стул – место для сидения одного человека) (1980, с. 121).

Эксплицитные семы выявляются в значении при крупномасштабном его рассмотрении. При уменьшении масштаба в составляющих значение семах можно рассмотреть и другие, скрытые в них. При семантическом анализе исследователь как бы выбирает масштаб, в котором он будет рассматривать значение слова, и не углубляется в содержание каждой семы, принимая её на данном уровне анализа как неделимую единицу. Таким же путем поступают и говорящий и слушающий. Можно вполне согласиться с

Е.В. Гулыгой и Е.И. Шендельс, писавшими, что «на каждом этапе анализа семы неделимы», но «в зависимости от цели исследования формулировка и количество сем меняется» (Гулыга, Шендельс, 1976, с. 300; см. также: Гудавичюс, 1980, с. 12). Чем более конкретно значение слова, чем, следовательно, из большего числа сем оно состоит, тем оно глубже и объемней, так как в нём будет содержаться большее количество скрытых сем.

Выделение всех скрытых сем в значении трудноосуществимо, но в этом и нет необходимости, так как для описания коммуникативной реализации слова обычно достаточно двух-трех уровней глубины значения.

По характеру конкретного содержания семы подразделяются на ряд типов. Прежде всего, выделяются постоянные и вероятностные семы. Постоянные семы отражают признаки, присущие объекту всегда, вероятностные – признаки, присущие объекту не всегда, с той или иной степенью вероятности. На наличие вероятностных признаков в структуре значения указывал Д.Н. Шмелев (1973, с. 21): «в значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью: «некоторый элемент значения не может быть приписан слову безусловно. Такая ситуация достаточно определенно отражена в толковых словарях, где указания на некоторые семантические признаки ряда слов сопровождаются своеобразными оговорками: «обычно», «преимущественно», «главным образом» и т. п.» (см. также Налимов, 1974, с. 98).

М.В. Никитин использовал понятие импликации для характеристики структуры лексического значения. Под импликацией понимается ситуация, когда одни признаки значения предполагают в широком смысле слова другие: при этом импликация может быть жесткой или сильно-вероятностной, и тогда «имплицитруемые понятия-признаки опосредованно вовлекаются в содержание значения, составляя часть его информационного потенциала» (Никитин, 1974; с. 34). М.В. Никитин иллюстрирует своё понимание импликационала примером со словом река: в значении этого слова выделяются признаки разной степени вероятности. Жесткий импликационал значения составят семы «наклоненность русла», «увлажненность поймы», сильно-вероятностными будут «наличие 'водной

фауны», «большая влажность воздуха в пойме», «обильная прибрежная растительность» и др. К этой же части значения будут подключены и все признаки, традиционно связываемые с данным классом предметов, независимо от того, истинные они или ложные, к примеру, осел – «глупый», лиса – «хитрая», «медведь» – «неуклюжий». Вероятностные семы могут отражать весьма существенные стороны объекта – функцию, применение, наличие характерных конструктивных особенностей и др. Далекое не всегда вероятностные семы отражаются в словарных дефинициях, хотя часть их находит лексикографическое отражение. В словаре вероятностные семы отражаются следующими единицами толкования: «большой частью», «как правило», «часто», «чаще», «иногда», «реже», «в основном», «большинство», «обычно», «время от времени», «преимущественно». Анализ Словаря русского языка С.И. Ожегова показал, что в нём зафиксировано более 400 слов с вероятностными семами, 80 % которых приходится на существительные. Именно в сфере существительного вероятностные семы играют наиболее заметную роль, обнаруживаясь практически во всех лексико-семантических группах. Выявлено свыше шестидесяти семантических признаков, имеющих вероятностные семные конкретизаторы. Наиболее частотны:

сфера или место функционирования объекта: *лужайка* – небольшой луг, полянка, преимущественно на опушке или посреди леса; *певчий* – певец хора, обычно церковного;

форма объекта или его составной части: *брус* – стержень, балка, обычно круглого или прямоугольного сечения; *крендель* – витая сдобная булка, обычно напоминающая по форме восьмерку;

функциональное назначение объекта: *больница* – лечебное учреждение, преимущественно для тяжелых больных; *флакон* – небольшая плотно закрывающаяся бутылочка, преимущественно для духов, одеколонов;

конструктивный элемент объекта: *водевиль* – короткая комическая пьеса, обычно с пением; *шляпа* – головной убор с тульей и обычно с полями.

Для существительных отмечены также вероятностные семы со следующими семантическими признаками: источник получения или материал изготовления объекта, окраска объекта, способ соз-

дания объекта, объект действия объекта номинации, способ осуществления действия и т. д.

Вероятностный характер могут иметь не только денотативные, но и коннотативные семы. Существенное своеобразие обнаруживают вероятностные семы при межъязыковом сопоставлении (Стернин, 1980).

В значении выделяются также ассертивные и диспозиционные семы. Ассертивные семы указывают на объективно, постоянно присущие денотату признаки, диспозиционные семы отражают признаки, которые приписываются «идеальному», классическому денотату, лучшему в своем роде. Например, слово *мужчина* образовано тремя основными ядерными ассертивными семами – «лицо», «взрослый», «мужской пол». Однако эксперименты с информантами, а также наблюдения за реальным коммуникативным функционированием слова в речи показывают, что в значение слова *мужчина* значительная часть носителей русского языка включает семы «высокий», «сильный», «смелый» (по мнению большинства, *мужчина* должен быть смелым, сильным, высоким). Этими признаками языковое сознание наделяет идеального мужчину, идеального представителя класса. Ср.: Эх, ты, а еще мужчина! Ну разве ты после этого мужчина? А еще мужчина! Какой же ты мужчина? Разве мужчина так поступает? и др., где актуализируются именно диспозиционные семы. Или: – Ой, боюсь я... К тому же – плохой сон видела. – Ну и чудачка! – развеселился Антон. – Всё равно как бабка какая. А ещё студентка, в техникуме училась (В. Быков. Пойти и не вернуться). Диспозиционные семы: бабка – «несознательная», студентка – «сознательная».

Когда тебе оказывают услугу, например, спичку зажигают, надо благодарить. Эх ты, невежа, а ещё завхоз! (М. Шолохов. Поднятая целина). Завхоз – «культурный». Ср. также актуализацию диспозиционных сем в таких конструкциях, как *зима, а слякоть*; *июль, а холодно, утро, а уже как припекает* и т. д. Диспозиционными будут и следующие семы: *общежитие* – «неустроенность быта», *музыкант* – «любовь к музыке», *родственник* – «внимание к родственникам», *коммунист* – «честный», *школа* – «шумность» и т. д.

Диспозициональные семы могут быть достаточно яркими в структуре значения. Экспериментальное исследование показывает, что, например, в значении слова *летчик* 43 % опрошенных выделили сему «высокий», в значении слова *студент* 55 % выделили признак «веселый», в слове *артист* 45 % – сему «красивый», 55 % выделили в значении слова *спортсмен* признак «стройный» и т. д. (Попова, Стернин, 1984, с. 43). Диспозициональные семы всегда имеют вероятностный характер, но далеко не все вероятностные семы являются диспозициональными, так как не все они отражают идеализированные признаки объектов номинации: многие вероятностные семы фиксируют просто непостоянство присутствия какого-либо объективного признака в предмете номинации.

Классификация сем по содержанию предполагает также выделение четких и нечетких сем. Четкие семы – семы, содержание которых лишено субъективизма; денотативные сферы, очерчиваемые такими семами, жестко отграничены друг от друга, например «мужской пол» – «женский пол». Нечеткая сема имеет размытое, нечетко очерченное содержание, и выделяемая ею денотативная сфера частично может пересекаться с денотативной сферой другой семы с этим же семантическим признаком, например семы роста, силы, возраста, размера и т. д., относящиеся как к количественной, так и к качественной оценке. Нечеткие семы допускают субъективные колебания при их отнесении к денотативной сфере.

Четкость / нечеткость семы определяется четкостью / нечеткостью семного конкретизатора, входящего в сему (см. выше). Нечеткие семы могут быть описаны как переменные семантические величины, или, пользуясь терминологией Л. Заде, как лингвистические переменные, т. е. такие переменные, «значениями которых являются не числа, а слова или предложения» (Заде, 1976, с. 10). Как отмечает Л. Заде, «если значения численной переменной изображают графически точками на плоскости, то значения лингвистической переменной можно изобразить графически как площадки с нечетко очерченными границами. Именно благодаря такой интерпретации – использованию площадок, а не точек – лингвистические переменные могут служить средством приближенного описания явлений, которые настолько сложны или некорректно определены, что не поддаются точному описанию» (с. 11). Так, примени-

тельно к лингвистической переменной «Возраст» Л. Заде говорит о её различных лингвистических значениях – молодой, очень молодой, старый, очень старый и др. Эти значения представляют собой языковые нечеткие ограничения на значения так называемой базовой переменной – в данном случае обозначение возраста в годах (20, 30, 40 и т. д. лет).

Подобные нечеткие семы представляют собой понятия, имеющие объективное, общее для всех содержание, но субъективный объем. Субъективность объема таких понятий основана на размытости их денотативной сферы, что ведет говорящего к формированию субъективного представления об этой сфере. Связь этих понятий с количественной и качественной оценкой вносит дополнительный субъективизм, нечеткость в их интерпретацию в речи – ср. возможные и часто встречающиеся «семантические споры» из-за нечетких сем: какая же она старая? что же здесь трудно? какой же он высокий? разве она красивая? и т. д.

Экспериментальные исследования (показывают, что нечеткие семы могут быть достаточно яркими в структуре значения и могут образовывать парадигматические ряды в системе языка. Так, по нечеткой семе размера «большой» парадигматический ряд образуют слова *слон, танк, башня, гора, океан, туча*, по семе «маленький» – *муха, букашка, иголка, песчинка, кнопка* и др.

Выделяются также позитивные и негативные семы. Позитивные семы отражают признак, наличествующий в деноте, негативные – отсутствие в деноте определенного признака. Подразделение сем на позитивные и негативные отражает реальное деление признаков предметов на положительные и отрицательные. Так, в понятии «восемь» присутствует позитивный признак «делимость на два» и негативный «неделимость на три» (Войшвилло, 1967, с. 137). М.В. Никитин вводит понятие негемпликационала – совокупности признаков, которые не могут быть имплицированы ядру значения, несовместимы с ним, подчеркивая, что «знание значения и умение правильно применять слово предполагает не только знание того, что входит в его содержание или совместимо с ним, но и осознание того, чего в нем нет и что с ним не совместимо» (1983, с. 25). Так, в значении слова *река* негемпликациональными признаками будут «негорючесть», «негазообразность» и др.

Негативные семы бывают двух видов – инклюзивные и эксклюзивные. Инклюзивные семы отрицают наличие отдельных конкретных признаков у предмета и выполняют дифференциальные функции в системе языка, отграничивая значение от других значений определенного тематического ряда. Такие негативные семы являются эксплицитными, они обычно достаточно яркие, исчислимы в значении, и многие из них отражены в словарных дефинициях единицами метаязыка – «лишенный», «не имеющий», «без», «не включающий», «относящийся не к ...», «вне» и др.

В Словаре С.И. Ожегова зафиксировано более 1000 слов с негативными инклюзивными семами, преимущественно существительные и прилагательные. Наиболее частотны негативные семы с семантическим признаком «отсутствие определенного конструктивного элемента»: *планер* – безмоторный летательный аппарат тяжелее воздуха; *байдарка* – узкая и легкая спортивная лодка без уключин; *тахта* – широкий низкий диван без спинки; *палас* – двусторонний ковер без ворса; *кабарга* – сибирское безрогое горное животное, а также: не образованное определенным образом, не обладающий определенным цветом, лишенный определенной черты характера, лишенный определенной социальной характеристики и др.

Эксклюзивные негативные семы, в отличие от инклюзивных, отрицают наличие всех признаков предмета, не совпадающих с тем, который отражен в значении в виде позитивной семы. Негативные эксклюзивные семы (см. о них подробнее: Арутюнова, 1976, с. 97–98; Попова, Стернин, 1984, с. 46) образуют открытый ряд, не поддаются исчерпывающему исчислению в структуре значения. Они «дополняют», «сопровождают» каждую позитивную сему, исключая из значения широкий круг сем с тем же семантическим признаком, но другими семными конкретизаторами. Любая позитивная сема, утверждая наличие какого-либо признака, самим фактом своего, присутствия в структуре значения элиминирует открытый ряд других признаков, которые могли бы теоретически присутствовать в значении на месте данной позитивной семы, в рамках данного семантического признака. Например, в значении слова *аптека* есть сема «продажа лекарств» (семантический признак «основная функция»). Эта сема, входя в структуру значения, исключает такие семы, как «выдача книг», «продажа марок»,

«скупка старых вещей», «продажа овощей» и т. д. и т. п., т. е. все семы, возможные в рамках данного семантического признака.

Если инклюзивные негативные семы имеют отражательный характер и их присутствие в структуре значения объясняется самой спецификой объекта номинации и они не зависят генетически от каких-либо других сем в семеме, то эксклюзивные семантические компоненты негативного характера производны от позитивных сем и всецело обусловлены последними. Они подчиняются законам умозаключений и выводятся из позитивных сем путем логической операции, подобно архисеме значения. Эксклюзивные семы актуализируются в речи тогда, когда коммуникативные условия усиливают соответствующую позитивную сему и создают необходимость её актуализации совместно с эксклюзивной негативной семой; при этом негативная сема всегда сопровождает «свою» позитивную сему, становясь при этом коммуникативно релевантной. Например:

Я напрашивался в одном райжилотделе – дескать, возьмите меня в общественники... На меня так посмотрели, так посмотрели, словно бы я спятил, словно я весной спросил арбуз в аптеке. (А. Рубинов. Через черный ход в парадный). В слове аптека актуализована сема «продажа лекарств» и производная от неё сема «непродажа овощей».

Сын спит на диване, а мать спит на сундуке. Сундук: актуализована сема «для хранения вещей» и негативная эксклюзивная сема «неприспособленность для сна».

Инклюзивные негативные семы относятся чаще к ядерным семантическим компонентам, в то время как эксклюзивные семы в силу их вторичности, производности – к периферии значения.

Семантические компоненты могут быть классифицированы также по отношению к акту речи. В данном аспекте семы подразделяются на актуализованные и неактуализованные. Актуализованные семы входят в актуальный смысл слова в акте речи, неактуализованные остаются нереализованными, за пределами актуального смысла слова, не активизируются в конкретном акте речи. Данные компоненты иногда называют виртуальными (Мыркин, 1970, с. 29). Актуализируются обычно не все компонен-

ты значения, а лишь их часть, что приводит к необходимости разграничивать значение-компетенцию и актуальный смысл слова.

Печатается по:

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 56–70.

М.Н. Эпштейн

Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса)

Способ выражения оценочности в языке – одна из тех лингвистических проблем, с которыми постоянно приходится сталкиваться при анализе идеологических текстов. Какими лексическими средствами располагает говорящий для оценки предмета своего сообщения? Образуют ли эти средства целостную систему упорядоченного воздействия на читателя или слушателя? Эти вопросы лексической прагматики, тесно связанные с идеологической практикой и «идеократическими» системами XX в., ставятся в данной статье в основном на материале публицистического стиля современного русского языка.

1. Оценочно-референтные слова – прагмемы. На уровне лексики можно выделить три класса слов, различных по способам их оценочного использования. К первому классу относятся слова, прямое значение которых ничего не предопределяет в отношении говорящих к обозначаемым ими явлениям: *дом, книга, языкознание, зеленый, деревянный, смотреть* и т. п. Ко второму классу относятся слова, значение которых содержит оценку, – однако не указывается, к чему именно, к какому предмету или явлению относится эта оценка: *хороший, плохой, полезный, вредный, прелесть, ужас*.

Наконец, можно выделить третий класс слов, в которых предметное и оценочное значения предстают как бы склеенными, жестко связанными. Например, слово *ошельмовать* означает «предать позору, обесчестить» и в то же время выражает отрицательную оценку этого действия, предполагая, что некто был опозорен незаслуженно, несправедливо. Слово *заклеймить* имеет то же са-

мое предметное значение, что и *ошельмовать*, но выражает другую, положительную оценку данного действия. Говоря *заклеймить*, мы выражаем свое согласие с тем, что обозначает это слово: некто был заслуженно, справедливо предан позору за совершенные им преступления, злодеяния. В словарных определениях этих и подобных слов обычно присутствуют как предметные, так и оценочные компоненты, причем последние могут записываться по-разному: либо в виде словарной пометы («презрительное», «неодобрительное», «почтительное» и пр.), либо в составе самой словарной статьи, в виде оценочных слов, входящих в дефиницию («ложный», «мнимый», «полезный», «прогрессивный» и пр.). Сравним два определения в Толковом словаре Ожегова:

«Пособник» (неодобр.). Помощник в дурных, преступных действиях».

«Сподвижник (высок.). Тот, кто участвует как чей-н. помощник в деятельности на к.-л. поприще, соратник».

Как видим, указанные слова, имея почти одинаковую референтную соотношенность, выражают противоположное отношение говорящего к явлению, нейтрально обозначаемому в определении словом *помощник*. Очевидная идеологическая отмеченность слов *пособник* и *сподвижник*, часто употребляемых в публицистических, газетных текстах, обусловлена тем, что в их значении предметный (референтный) компонент «помощник» неотделим от оценочных компонентов «высокий», «дурной» и пр., сами же по себе лексемы, данные в дефинициях, идеологически совершенно нейтральны.

Таким образом, есть слова, грубо говоря, «предметные» по своему лексическому значению и приобретающие оценочный смысл лишь в контексте своего употребления; есть слова сугубо «оценочные», предметная соотношенность которых также выясняется только из контекста; и есть слова «предметно-оценочные», в самом лексическом значении которых совмещены оба компонента, – слова, оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность, так сказать, «самозначимые» слова, не просто называющие явление, но и нечто сообщающие о нем. Так, слово *сговор* можно перефразировать как «соглашение с дурной, преступной целью»; *прокламировать* – как «провозглашать нечто ложное, несбыточное»; *бодрячество* – как «ложная,

надутая, наигранная бодрость». Каждое из этих слов потенциально несет в себе целое суждение, объект которого – явление, обозначенное словом, а «предикат» – выраженная им оценка. Слова, принадлежащие к третьему классу, соединяющие предметность и оценочность, мы в дальнейшем будем называть прагмемами. В их лексическом значении семантический аспект – отношение слова к обозначаемому явлению – неразрывно связан с прагматическим аспектом – отношением говорящего к предмету сообщения. Лексема с закрепленной за нею, устойчивой прагматической установкой – это и есть прагмема, включающая в свое основное, словарное значение те компоненты, которые словами первого и второго класса обретаются лишь окказиально, в контексте общения. Прагмемы наиболее автономны в коммуникативном плане – они вобрали контекст или прагматическую ситуацию в ядро своего лексического содержания, в силу чего могут употребляться как законченные суждения о том, что они сами обозначают. Такие слова, как *объективизм, идеализм, примиренчество, самоуправство, сговор, лихорадочно, матерый, пособник, смыкаться* – с одной стороны, *объективность, материализм, миролюбце, почин, содружество, оперативно, опытный, сподвижник, сплачиваться* – с другой, могут сами по себе играть роль законченных коммуникативных единиц. Ясно, что такой прагматической функции лишены слова типа *дом* (закрывающие в себе объект суждения, но не имеющие предиката) или слова типа *хороший* (закрывающие в себе предикат суждения, но не имеющие объекта).

Роль прагмем в публицистическом тексте определяется тем, что они представляют собой свернутые суждения, обладающие особой силой убеждения. Суждения могут быть развернуты в предложении как расчлененное единство субъекта и предиката, и тогда эксплицированная структура суждения позволяет его оспорить, не согласиться с ним, поправить его. Прагмема же представляет собой идею, свернутую в одно слово, которое имплицитно заключает в себе оба члена суждения. Ср.: *Эта инициатива оказалась (по каким причинам?) неуместной и нанесла нам значительный (какой именно?) ущерб* – пример эксплицитного суждения, внутри которого остается (в скобках) место для доводов, подлежащих обоснованию или опровержению; *Необходимо должным обра-*

зом оценить и пресечь подобные случаи самоуправства – пример имплицитного суждения, в котором неразрывно склеены и «субъект», и предикат.

Следует отметить, что класс прагмем исключительно широко представлен в лексике современного русского языка, составляя, по нашим подсчетам, примерно одну пятую всего его словарного фонда (точное количество можно было бы определить по семантическим множителям толкового словаря – оценочным словам, входящим в состав словарных помет и дефиниций). По наблюдению В.Г. Гака, сравнивавшего лексику русского и французского языков, «очень часто одному стилистически нейтральному французскому слову соответствует несколько русских слов с различной стилистической характеристикой (отрицательной, положительной, нейтральной)» [1]. Так, французское *entente*, лишенное экспрессивной окраски, по-русски передается словами, которые к общему предметному значению добавляют противоположные оценочные: положительное – *согласие*, отрицательное – *сговор* и на их фоне нейтральное – *соглашение*. Точно так же французское *fameux* имеет три оценочных русских соответствия: *знаменитый*, *известный*, *пресловутый* (примеры взяты из указанной книги В.Г. Гака). Подобный «синтетизм», сращение семантической основы слова с его прагматической функцией, объединение их в рамках прямого, основного значения лексических единиц – крайне интересная особенность лексической системы современного русского языка.

2. Типы отношений между прагмемами. Связи между прагмемами определяются теми же отношениями тождества и противоположности, синонимии и антонимии, которые пронизывают всю лексическую систему языка. Но поскольку прагмемы обладают двойственным, оценочно-предметным значением, то и все отношения между ними удваиваются. На место антонимии и синонимии встают отношения четырех типов:

1) Полная антонимия¹, противопоставленность как предметных, так и оценочных значений. Такое отношение мы бу-

---

¹ Понятия «синонимии» и «антонимии» мы будем употреблять расширительно, включая сюда квазиантонимию и квазисинонимию в том смысле, в каком эти явления охарактеризованы в [2].

дем называть контрарным, а соответствующие слова, связанные контрарными отношениями, – контративами. Так, пары: *требовательность – попустительство*, *миролюбие – агрессивность*, *коллективизм – индивидуализм*, *новаторство – эпигонство*, *сплочение – раскол*, *интернационализм – национализм*² являются контрарными, поскольку слова в них противопоставлены не только по наличию или отсутствию какого-либо собственно семантического признака, но и по положительному или отрицательному отношению говорящего к предмету речи. *Коллективизм* – это наличие общности между людьми (или стремление к ней), которое оценивается положительно, а *индивидуализм* – отсутствие такой общности (или стремления к ней), которое оценивается отрицательно.

2) Предметная синонимия (ко-референтность) при оценочной антонимии. Прагмемы указывают на тождественные (или сходные) явления действительности, но присваивают им противоположные оценочные значения. Такое отношение мы будем называть конверсивным, а соответствующие слова – прагматическими (оценочными) конверсивами³, например: *требовательность – придирчивость*, *миролюбие – примиренчество*, *свобода – вседозволенность*, *новаторство – авангардизм*, *размежевание – раскол*, *патриотизм – национализм*.

Слова *миролюбие* и *примиренчество* имеют общее означаемое: «склонность» к миру», «стремление установить мир». Но оценочное значение этих слов прямо противоположно, поскольку предполагает позитивное или негативное отношение говорящего к стремлению установить мир. С точки зрения лексической прагматики, конверсивные отношения слов особенно интересны, поскольку оценочные различия становятся здесь единственным фактором,

---

² При подборе этих и других примеров мы пользовались рядом словарных пособий [3–6].

³ В отличие от ситуации (если А «выигрывает», то В «проигрывает»; если А «продает», то В «покупает» и т. п.), прагматические, или оценочные, конверсивы характеризуют противоположные позиции участников в самой ситуации общения (что для А «мечты», то для В «бредни»; что для А «заклеймить», то для В «ошельмовать» и т. п.).

который обуславливает выбор говорящим тех или иных слов. Наличие в языке таких лексических пар, как *собрание – сборище, усилia – потуги, обещания – посулы, воин – вояка, хозяйствовать – хозяйничать, провозглашать – прокламировать, сподвижник – приспешник, популярный – вульгарный, доходчивость – упрощенчество, соревнование – конкуренция, деловитость – дялчество, не-принужденный – бесцеремонный, безоговорочно – безапелляционно*⁴ и многих других, объясняется тем, что для лексики конструктивным оказывается не только семантический, но и прагматический план языка, необходимость противопоставлять в системе словесных знаков не только предметные, но и оценочные значения.

Благодаря контекстуально связующей функции прагмем цельные высказывания могут находиться между собой в отношениях оценочной конверсии, противопоставляющей попарно их элементы. Например, высказывание *Опытный политик заключил договор с руководителями повстанческого отряда* может быть сопоставлено с прагматически ориентированным высказыванием *Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитской шайки*. Закон прагматического согласования всех элементов высказывания не допускает, чтобы поменялись местами хотя бы два оценочных слова из этих фраз. Точно так же скептическая характеристика литературного стиля – *щеголеватость укрощенного ритма, стерильность языка, переходящая в искусственность, но не препятствующая туманностям и недомолвкам* – может быть переведена в позитивную: *изящество покоренного ритма, чистота языка, доходящая до высокой искренности, но не упрямляющая многозначности и глубины*.

3) Предметная антонимия, оценочная синонимия. Этот тип отношений между прагмемами обратен конверсии: слова имеют противоположные предметные значения, но тождественные оценочные: *требовательность – доброжелатель-*

---

⁴ Как видно из приведенных примеров, в конверсивной паре положительный член часто выражен исконно русским, а отрицательный – заимствованным словом (ср. также *союз – альянс, разведчик – шпион, объединяться – блокироваться*); гораздо реже встречается обратное соотношение (оптимизм – прекараснодушие).

ность, миролюбие – непримиримость, интернационализм – патриотизм, сплочение – размежевание, новаторство – традиционность, объективизм – субъективизм.

Слова *обелять* и *очернять* обозначают действия, прямо противоположные, но в обоих случаях подразумевается негативная оценка этих действий. *Миролюбие* и *непримиримость* – антонимы в предметном плане («стремление к миру» – «отказ от мира»), но предполагают равно положительную оценку обозначаемых явлений. Такую связь мы будем называть коррелятивной, а соответствующие слова – коррелятивами. Коррелятивы часто встречаются в позиции однородных членов как дополняющие друг друга стороны одного – положительного или отрицательного – явления: *Как новаторство, так и традиции составляют незыблемую основу искусства; Борьба против субъективизма и объективизма в науке – актуальная задача наших дней.* Если благодаря конверсии одно и то же явление может оцениваться противоположным образом, то благодаря корреляции противоположные явления могут оцениваться одинаково.

4) Полная синонимия, тождественность (или близкое сходство) как референтных, так и оценочных значений. Слова *дисциплина – организованность – сознательность* в противопоставлении другому ряду слов (*анархия – стихийность – распущенность – вседозволенность*) могут рассматриваться как взаимозаменяемые прагматы, субститутивы. Поскольку субститутивный тип связи, в отличие от трех предыдущих, не является оппозитивным, структурообразующим, он не участвует в построении прагматической модели, описанной в разделах 4 и 5, но зато играет большую роль в конкретной реализации этой модели, в лексическом варьировании её элементов, что приводит к образованию оценочно-тематических групп слов (разд. 6).

3. Структура оценочности – тетрада. Три описанных выше типа отношений между прагматами (контрарность, конверсия, корреляция) существуют не изолированно, но образуют целостную структуру, существенно определяющую оценочное использование лексики. Это четырехэлементная структура (тетрада) следующего типа:

<i>миролюбие – примиренчество</i>	<i>свобода – распущенность</i>
<i>непримиримость – агрессивность</i>	<i>дисциплина – принуждение</i>
<i>требовательность – придирчивость</i>	<i>твердость – твердолобость</i>
<i>доброжелательство – попустительство</i>	<i>гибкость – мягкотелость</i>
<i>бдительность – подозрительность</i>	<i>патриотизм – национализм</i>
<i>доверие – ротозейство</i>	<i>интернационализм – космополитизм</i>
<i>новаторство – авангардизм</i>	<i>деловитость – делячество</i>
<i>традиционность – эпигонство</i>	<i>бескорыстие – бесхозяйственность</i>
<i>щедрость – расточительство</i>	<i>непринужденный – бесцеремонный</i>
<i>бережливость – накопительство</i>	<i>сдержанный – чопорный</i>
<i>сплочение – блокирование</i>	<i>ускоренный – формированный</i>
<i>размежевание – раскол</i>	<i>стабильный – застойный</i>

Каждая из этих лексических тетрад имеет одинаковую структуру, которая схематично может быть изображена в виде квадрата, пересеченного диагоналями. По горизонтали между элементами тетрады разворачиваются конверсивные отношения, по вертикали – коррелятивные, а по диагонали – контрарные:

На схеме видно, что тетрада представляет собой целостное смысловое образование, в котором прослеживаются выделенные выше связи трех типов. Важно, что каждый элемент тетрады одновременно входит во все перечисленные отношения с другими элементами. Так, *миролюбие* связано конверсивной связью с *примиренчество*, коррелятивной – с *непримиримость* и контрарной – с *агрессивность*. Все эти оппозитивные отношения являются обязательными и конструктивными для каждого элемента тетрады, благодаря чему вся структура приобретает компактность и напряженность.

Такое соотношение прагмем показывает, как происходит в языке процесс порождения и распределения оценочных смыслов. Благодаря тетраде некое понятие, комплекс культурно обусловленных представлений, преобразуясь через набор определенных пра-

вил, может быть передано четырьмя различными способами, четырьмя лексемами, каждая из которых несет четкую идеологическую установку. Эту изначальную «тему», лежащую в основе каждой тетрады, обозначим условно буквой «А» (архетема, трансформируемая в систему четырех прагмем). Пусть в выбранном нами примере «А» интерпретируется как «стремление к миру». Тогда возможны следующие операции преобразования «А»:

1) А трактуется говорящим как нечто положительное, желательное, должное, и тогда ему присваивается имя *миролюбие*, несущее позитивный оценочный смысл: «+А».

2) А трактуется говорящим как нечто отрицательное, вредное, несвоевременное, и ему присваивается имя *примиренчество*, несущее негативный смысл: «-А».

3) -А (т. е. противоположность «А» – «отсутствие стремления к миру», «отказ от мира») трактуется говорящим как нечто своевременное, необходимое, положительное, и ему присваивается имя *непримиримость*, несущее позитивный смысл: «+(-А)».

4) -А трактуется как нечто вредное, разрушительное, дурное, и ему присваивается имя *агрессивность*, несущее негативный смысл: «-(-А)».

Точно так же, если мы возьмем в качестве архетемы «трата средств», то преобразование её по правилам тетрады даст нам четыре идеологически окрашенных прагмемы, в которых будет выражено как положительное и отрицательное отношение к обильной трате средств (*щедрость, бескорыстие – расточительность, разбазаривание*), так и положительное и отрицательное отношение к отказу от траты средств (*бережливость, экономность – собственничество, накопительство*).

Архетема «следование ранее установленным образцам» дает «на выходе» из тетрады такие слова, несущие идеологическую нагрузку, как *традиционность – эпигонство* (положительная и отрицательная оценка «следования»), и *новаторство – авангардизм* (положительная и отрицательная оценки отказа от такого «следования»).

Таким образом, четыре прагмемы, образующие тетраду, – это совокупность оценочных преобразований одной темы, лежащей в их основе. Тетрада образуется двумя последовательными дуальны-

ми расщеплениями единой сущности, в ходе чего на первой стадии возникают «+А» и «-А» [денотативное членение: предмет с положительно маркированным и отсутствующим (или противоположным) признаком типа «стремление к миру» – «отказ от мира»], а на второй стадии – «+(+А)», «-(+А)», «+(-А)», «- (-А)» (коннотативное членение: каждый из двух предметов – с присутствующим или отсутствующим признаком – оценивается положительно или отрицательно). Более наглядно это соотношение элементов в тетраде может быть передано с помощью знаков 1 и 0, образующих четыре последовательности, «слова», каждое в два знака длиной:

11 01

10 00, что позволяет четко проследить синонимически-антонимические отношения в тетраде и соответствующую им структуру оценок (совпадение или различие одноместных, т. е. стоящих справа и слева, знаков).

4. Речевая актуализация тетрады и логика оценок. То, что описано выше как теоретическая конструкция, с древнейших времен находило воплощение в живой языковой практике. Фукидид в своей «Истории» проницательно замечает, как изменяются оценочные нормы словоупотребления в эпохи общественных потрясений: «Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия, всестороннее обсуждение – совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась истинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия» [7].

Перед нами – два ряда идеологических оценок, принадлежащих разным общественным группам, партиям, субъектам речи. То, что один считает положительным проявлением *мужества*, другой характеризует отрицательным словом *безрассудство*. И, напротив, медлительное, осторожное поведение противоположного лагеря, которое изнутри его характеризуется как необходимая *предусмотрительность*, встречает извне упрек в замаскированной *трусости*. Само употребление соответствующих слов освобождает от долгих логических доказательств: то, что *предусмотрительность* лучше *безрассудства*, а *мужество* лучше *трусости* – всецело заключено

в самих словах, в их лексически закрепленной оценочности, как это явствует из тетрады:

мужество – безрассудство
предусмотрительность – трусость.

Архетема «предпринимать опасные действия, не бояться за свою жизнь» трансформируется тетрадой в идеологически насыщенные прагмемы – слова, которые говорят сами за себя. Доказательств могло бы требовать не то, что *предусмотрительность* – хорошо, а *трусость* – плохо, но то, какое из этих двух слов более подходит к обозначению данного свойства в данной ситуации; однако это уже вопрос, требующий выхода на мета-языковый уровень, что, естественно, разрушает идеологические установки спора.

Можно выделить три вида отношений между тетрадой как языковой структурой и способом её речевой актуализации. Во-первых, говорящий может осознавать и активно использовать лишь фрагмент тетрады – одну из контрарных пар, актуализируя, скажем, либо противопоставление «мужества – трусости» и занимая позицию «радикала», либо противопоставление «предусмотрительности – безрассудства» и занимая позицию «консерватора»; при этом его речевое поведение всецело подчинено одной из этих двух оценочных установок. Во-вторых, говорящий может осознавать тетраду во всем её объеме и представлять как предмет метаязыкового описания, выступая в качестве лингвиста, философа, историка, одним словом, беспристрастного наблюдателя; при этом тетрада лишается прагматического назначения, поскольку обнажается сам механизм её действия. Наиболее интересен третий вид отношения структуры к её актуализации – объединяющий первые два. Субъект включает всю тетраду в свою лексическую компетенцию, но реализует не сразу, не такой, какова она в языке, – а диадами, в последовательности речевых актов, каждый из которых сохраняет свою отдельную прагматическую направленность. Если взять пример, взятый из Фукидида, то один и тот же субъект (индивид или группа) может пользоваться поочередно обоими противопоставлениями: «мужества – трусости» и «предусмотрительности – безрассудства», поражая в одном случае своих умеренных, консервативных – «трусливых», – противников, а в другом, под флагом

борьбы за осмотрительность, против «безрассудства», поражая своих недавних союзников – «мужественных», радикалов. Один речевой субъект здесь берет на себя роль двух противоположных субъектов, пользуется обеими контрарными установками, заключенными в тетраде, и тем самым приобретает практический перевес над своими односторонними противниками, используя силу каждого для победы над другим. Как сформулировал стратегию такого поведения Н. Маккиавелли, «с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти» [8, с. 367]. Речевой субъект третьего типа отличается от первых двух тем, что не отдается эмоциям и не отказывается от них – он рационально пользуется эмоциями и оценками, заключенными в словах, так, чтобы в каждой данной ситуации нужная ему эмоция, подкреплённая авторитетом языка, возымела силу. Обладая набором всех четырех имен для двух противоположно направленных сил А и В (–А), субъект может осуществлять полный речевой контроль над ними. В ситуации, требующей усиления А и ослабления В, употребляются имена «+А» и «–В». Но если А достигает чрезмерной силы и претендует на самостоятельность и господство, субъект речевой стратегии меняет имена, использует другую контрарную пару, противопоставляя «+В» и «–А» или, по словам Маккиавелли, «обуздывает сильных и поощряет слабых» [8, с. 355], что укрепляет его превосходство над теми и другими. С этой точки зрения тетрада формулирует оптимальную стратегию речевого поведения в ситуациях конфликта, показывая, как применяются словесные оценки против обеих противоборствующих сторон, с целью их взаимного ослабления и достижения глобального перевеса.

Структура оценочности, выраженная в лексической тетраде, могла бы стать предметом самостоятельного логико-лингвистического изучения, особенно интересного в сопоставлении с уже известными и более или менее описанными структурами формальной, диалектической, релятивистской логики. Есть основание предполагать, что тетрада как принцип прагматического мышления включает в себя существенные моменты всех этих логик, объединяя их как идеально структурированное целое.

В самом деле, важнейший закон формальной логики – закон противоречия ($A \neq \text{не } A$) – находит себе выражение в контрарной связи элементов, входящих в тетраду, в противопоставлении « $+(+A)$ » и « $-(-A)$ », а также « $+(-A)$ » и « $-(+A)$ » («свобода – принуждение», «дисциплина – распушенность»). Узловой момент диалектической логики – закон единства противоположностей ($A = \text{не } A$) раскрывается в коррелятивной связи элементов, где противоположности обнаруживают своё единство в прагматическом аспекте («свобода» и «дисциплина» – в равной степени утверждается, а «принуждение» и «распушенность» – в равной степени отрицаются). Наконец, р е л я т и в и с т с к а я (реляционная) логика, особенно глубоко разработанная в науке XX в., утверждает зависимость всех характеристик объекта от позиции наблюдателя, что находит себе соответствие в конверсивной связи элементов: один и тот же предмет обнаруживает разную сущность и называется противоположными по смыслу словами в зависимости от отношения к нему говорящего (то, что в одном отношении предстает как «свобода», в другом отношении является «распушенностью»; в разных системах отсчета «дисциплина» может быть оценена как «принуждение», а «принуждение» – как «дисциплина»). Тетрада организует противоположности таким образом, что они: а) противопоставляются друг другу ($A \neq -A$); б) объединяются между собой ($A = -A$); в) меняются местами ($A -A$), что соответствует трем операциям, выполняемым внутри разных логик. Каждая из этих операций в системе иной логики выглядит незаконной, недопустимой – например, формальная логика не приемлет диалектического единства противоположностей. Что касается языковой прагматики, то для неё все эти операции представляются законными, поскольку они образуют три типа отношений в тетраде. То, что предстает неразрешимым противоречием в рамках какой-нибудь одной логики, тетрада перекодирует в систему другой, где это противоречие разрешается. Так, «свобода» противостоит «принуждению» или «насилию», но в то же время она полноценно коррелирует с этой же сущностью, взятой как «дисциплина» или «необходимость», и сама переходит в свою отрицательную противоположность, становясь «распушенностью» и вставая в один оценочный ряд с «насилием». Круговая и перекрестная оценочная перекодировка всех элементов в тетраде

обеспечивает ей полную логическую неуязвимость, по-видимому, вообще свойственную «оценочной» логике, что проявляется в максимально эффективном воздействии её – через механизмы языка – на общественное сознание.

5. Лексико-прагматические функции и группы слов. До сих пор речь шла в основном о структурных связях прагмем. Теперь необходимо вновь вернуться к лексическому материалу и способу его организации на основе четырехэлементных структур. Предстоит показать, что каждая позиция в тетраде занимается в сущности не конкретным словом, а типовым оценочным значением, своего рода прагматической функцией, варьируемой множеством прагмем. Сопоставим несколько сходных тетрад:

миролюбие – примиренчество
непримиримость – агрессивность
согласие – соглашательство
соревнование – конкуренция

содружество – альянс
противоборство – конфронтация
сплочение – блокировка
размежевание – раскол

Несмотря на лексические различия, очевидно, что во всех этих тетрадах варьируется один набор оценочных функций:

«положительное объединение» – «отрицательное объединение»
«положительное противопоставление» – «отрицательное противопоставление»

Вместо четырех лексических мы получили теперь одну функциональную тетраду, каждая позиция в которой представлена не словом, а обобщенным значением целого ряда слов, их единой прагматической функцией⁵. *Миролюбие, содружество, со-*

---

⁵ Сама идея выделения «абстрактных, типовых значений, которые, подобно грамматическому, выражаются при достаточно большом числе слов» [2, с. 45], была выдвинута и отчасти реализована в рамках не прагматики, а семантики – группой лингвистов, объединенных работой над моделью «Смысл – Текст». Примером лексико-семантической функции может служить MAGN, означающая «очень», «высокую степень» и реализуемая, в зависимости от контекста, словами *жгучий (брюнет), грубая (ошибка), крошечная (тьма), гробовая (тишина)* и т. п. Было выделено около 40 подобных типовых значений (9); однако дальнейший анализ показал, что, с одной стороны, число таких функций вряд ли может быть как-то ограничено, а с другой – семантическое богатство языка не подда-

гласие, сплочение – все это разнообразные синонимические выражения функции, которую можно обозначить «+UN» (объединение, которое оценивается положительно); *агрессивность, конфронтация, конкуренция, раскол* имеют общую функцию –DIF (разъединение, которое оценивается отрицательно). Вот весь набор функций, входящих в данную обобщенную тетраду:

+UN   –UN
+DIF   –DIF

Каждой из этих функций соответствует целая группа слов, находящихся между собой в отношениях субституции (см. конец 2-го раздела). Этот последний, четвертый тип связи между прагмами, не противопоставляющий их ни в оценочном, ни в референтном плане и потому не учитываемый при построении тетрадической модели, играет огромную роль в её конкретной лексической реализации. Приведем примеры субститутивов для четырех вышеуказанных функций:

+UN	–UN	+DIF	–DIF
<i>мир</i>	<i>соглашение</i>	<i>борьба</i>	<i>вражда</i>
<i>единство</i>	<i>примиренчество</i>	<i>боевитость</i>	<i>раскол</i>
<i>сплоченность</i>	<i>всепрощение</i>	<i>непримиримость</i>	<i>антагонизм</i>
<i>содружество</i>	<i>капитулянтство</i>	<i>наступательность</i>	<i>конфронтация</i>
<i>равенство</i>	<i>внеклассовость</i>	<i>классовость</i>	
<i>братство</i>	<i>космополитизм</i>	<i>бескомпромисс-</i>	
<i>миролюбие</i>	<i>блокирование</i>	<i>ность</i>	<i>воинственность</i>
<i>разрядка</i>	<i>альянс</i>	<i>размежевание</i>	<i>агрессивность</i>
<i>коллективизм</i>	<i>стадность</i>	<i>дифференциация</i>	<i>милитаризм</i>
<i>бесклассовость</i>	<i>обезличка</i>	<i>соревнование</i>	<i>реванизм</i>
<i>интернациона-</i>			<i>национализм</i>
<i>лизм</i>	<i>уравнительство</i>		<i>индивидуализм</i>

ется до конца подобной классификации, как бы ни увеличивать количество функций. Что касается лексической прагматики, то вычленение типовых значений тут существенно облегчено четким разделением всех слов на позитивно-оценочные и негативно-оценочные. Кроме того, слова с конкретными, трудно кодируемыми значениями (типа *ягода, сизый, шепелявить*) остаются в основном за пределами данной) области, что позволяет предположить в ней большую, чем в семантике, степень доступности функциональным обобщениям.

Из этого перечня видно, что субститутивы не являются полными синонимами или даже квазисинонимами, как их понимает лексическая семантика, – принцип их объединения лежит не в семантической, а в прагматической плоскости языка, где они служат выражению одной оценочной установки в отношении одного тематического круга проблем. Объединяясь своим типовым значением в рамках тетрадических оппозиций, субститутивы различаются между собой конкретными областями лексической референции. Так, если исходить из словоупотребления, характерного для современных публицистических текстов, то *борьба* – это противопоставление «своих» и «чужих», *размежевание* – разделение между «своими», из которых выделяются «чужие»; *соревнование* – разделение внутри «своих». Субститутивы *соглашательство* и *примиренчество* дают отрицательную характеристику объединению «своих» и «чужих», а *блокирование* и *альянс* – объединению между «чужими».

Типичный пример субституции – слова *материализм, реализм, историзм, атеизм*, выражающие положительную оценку материального начала в его первенстве над идеальным, – соответственно в сфере философских убеждений, художественных направлений, научных методов и религиозных верований. Здесь мы переходим уже к другой оппозиции, также характерной для публицистического стиля: «реальное – идеальное», оценочная трансформация которой в языке раскрывается набором следующих четырех функций:

+REAL	–REAL	+IDEAL	–IDEAL
<i>реализм</i>	<i>безыдейность</i>	<i>идейность</i>	<i>идеализм</i>
<i>реалистичность</i>	<i>безыдеальность</i>	<i>духовность</i>	<i>субъективизм</i>
<i>материализм</i>	<i>бездуховность</i>	<i>вера</i>	<i>спиритуализм</i>
<i>историзм</i>	<i>беспринципность</i>	<i>идеал</i>	<i>мистика</i>
<i>атеизм</i>	<i>объективизм</i>	<i>принципиальность</i>	<i>утопизм</i>
<i>научность</i>	<i>позитивизм</i>	<i>страстность</i>	<i>мифотворчество</i>
<i>объективность</i>	<i>эмпиризм</i>	<i>увлеченность</i>	<i>обскурантизм</i>
<i>трезвость</i>	<i>копиизм</i>	<i>окрыленность</i>	<i>фанатизм</i>
<i>здоровье</i>	<i>натурализм</i>	<i>вдохновение</i>	<i>экзальтация</i>
<i>беспристрастность</i>	<i>приземленность</i>	<i>горение</i>	<i>прекраснодушие</i>
<i>правдивость</i>	<i>бескрылость</i>	<i>героика</i>	<i>беспочвенность</i>
<i>отражение</i>	<i>мещанство</i>	<i>беззаветность</i>	<i>доктринерство</i>
	<i>обывательство</i>	<i>романтика</i>	<i>начетничество</i>

Подчеркнем, что данный список субститутивов, как и последующие, далеко не полон – он лишь показывает, как модель тетрады, прагматическая «тетралектика» функционирует в лексической системе языка, подбирая необходимые слова, в которых выражена как положительная, так и отрицательная оценка обоих членов структурной оппозиции «реальное – идеальное». Можно было бы привести множество других слов и словосочетаний, способных в контексте публицистического высказывания выражать те же самые прагматические функции, например: *правда жизни, связь с действительностью, воистину пережитое, опора на факты* (функция +REAL); *голая фактография, плестись в хвосте у фактов, бескрылая описательность, оставаться в плену ощущений* (–REAL); *полет воображения, создавать новую, одухотворенную реальность, восходить к высшим обобщениям, творческое преобразование фактов* (+IDEAL); *романтические бредни, в борьбе со здравым смыслом, субъективный произвол и презрение к фактам, маниловщина* (–IDEAL). Прагматические функции столь устойчивы, подчиняют себе такое количество лексических и фразеологических единиц, что было бы весьма поучительно для лингвостилистики проследить историю хотя бы одной из таких функций, сменяющиеся через века и десятилетия способы её воплощения в конкретных, самых характерных для данной эпохи словах и словосочетаниях. При этом следует учитывать неравномерное развитие функций в языке разных эпох, возможность преобладания одной из них, отождествляемой с целым мировоззрением, которому подчиняется и отбор лексико-оценочных средств (так, функция «+IDEAL» может в обособленном и застывшем виде отождествиться с идеалистическим мировоззрением, а «–IDEAL» – с нигилистическим).

Следующая оппозиция, объединяющая вокруг себя значительное количество прагмем, – это идеологически насыщенные понятия «свободы» и «необходимости» (организации). Соответствующая тетрада функций в реализующая их лексическая подсистема языка представлены в таблице:

+LIB	–LIB	+ORG	–ORG
<i>свобода</i>	<i>своеволие</i>	<i>необходимость</i>	<i>гнет</i>
	<i>произвол</i>	<i>порядок</i>	<i>насилие</i>
<i>воля</i>	<i>вседозволенность</i>	<i>организация</i>	<i>угнетение</i>

+LIB	-LIB	+ORG	-ORG
<i>свободолюбие</i>	<i>распущенность</i>	<i>дисциплина</i>	<i>закрепощение</i>
<i>вольнoлюбие</i>	<i>стихийность</i>	<i>плановость</i>	<i>принуждение</i>
<i>бунтарство</i>	<i>анархия</i>	<i>централизм</i>	
<i>мятежность</i>	<i>плюрализм</i>	<i>детерминизм</i>	<i>деспотизм</i>
<i>активность</i>	<i>либерализм</i>	<i>сознательность</i>	<i>тирания</i>
<i>энтузиазм</i>	<i>самоуправство</i>	<i>ответственность</i>	<i>авторитарность</i>
<i>самостоятельность</i>	<i>волютаризм</i>	<i>бдительность</i>	<i>тоталитаризм</i>
<i>инициатива</i>	<i>попустительство</i>	<i>исполнительность</i>	<i>бюрократизм</i>
<i>почин</i>	<i>безнадзорность</i>	<i>законность</i>	<i>подневольность</i>
<i>демократия</i>			<i>покорность</i>
<i>самоуправление</i>			<i>фатализм</i>

Четвертая функциональная тетрада, важная для анализа публицистических текстов, возникает на основе «имущественной» оппозиции: *дать – взять, поделиться – присвоить, пожертвовать – обогатиться*. При этом может иметься в виду как отношение к вещественному достоянию (*щедрость – скупость*), так и к собственной жизни (*храбрость – трусость*), но большее количество прагмем относится к первому подвиду. Названия соответствующих функций образованы от латинских слов *donare* «дарить, давать» и *habere* «держатъ, хранить, владеть».

+DON	-DON	+HAB	-HAB
<i>щедрость</i>	<i>расточительство</i>	<i>бережливость</i>	<i>скупость</i>
<i>храбрость</i>	<i>разбазаривание</i>	<i>деловитость</i>	<i>скарденность</i>
<i>бескорыстие</i>	<i>растранжиривание</i>	<i>предприимчивость</i>	<i>своекорыстие</i>
<i>самоотверженность</i>	<i>бесхозяйственность</i>	<i>хозяйственность</i>	<i>нажива</i>
<i>подвижничество</i>	<i>халатность</i>	<i>рачительность</i>	<i>стяжательство</i>
<i>бессребреничество</i>	<i>безрассудство</i>	<i>экономность</i>	<i>накопительство</i>
<i>открытость</i>			<i>приобретательство</i>
<i>доброжелательность</i>	<i>разгильдяйство</i>	<i>предусмотрительность</i>	<i>делячество</i>
<i>жертвенность</i>	<i>ротозейство</i>		<i>хищничество</i>
<i>альтруизм</i>	<i>мягкотелость</i>	<i>основательность</i>	<i>потребительство</i>
		<i>практичность</i>	<i>собственничество</i>
			<i>во</i>
			<i>эгоизм</i>

Наконец, пятая функциональная тетрада дает распределение оценок, связанных с ходом времени, с оппозицией «новое – старое», «развитие – преемственность», «новаторство – традиционность»:

<i>+NOV</i>	<i>-NOV</i>	<i>+TRAD</i>	<i>-TRAD</i>
<i>новаторство</i>	<i>авангардизм</i>	<i>традиция</i>	<i>консерватизм</i>
<i>развитие</i>	<i>модернизм</i>	<i>преемственность</i>	<i>реакция</i>
<i>прогресс</i>	<i>ревизионизм</i>	<i>наследие</i>	<i>регресс</i>
<i>революционность</i>	<i>пересмотр</i>	<i>заветы</i>	<i>ретроград</i>
<i>современность</i>	<i>новомодный</i>	<i>классика</i>	<i>эпигонство</i>
<i>актуальность</i>	<i>сиюминутный</i>	<i>стабильность</i>	<i>косность</i>
<i>своевременность</i>	<i>дестабилизация</i>	<i>испытанный</i>	<i>инерция</i>
<i>творчество</i>	<i>подрыв</i>	<i>выверенный</i>	<i>ортодоксия</i>
<i>обновление</i>	<i>поспешность</i>	<i>потомственный</i>	<i>догматизм</i>
<i>ускорение</i>	<i>лихорадочность</i>	<i>ветеран</i>	<i>шаблонность</i>
<i>передовик</i>	<i>эскалация</i>		<i>охранительный</i>
	<i>форсирование</i>		<i>устарелый</i>
			<i>пережиток</i>

Эмпирическая проверка показывает, что подавляющее большинство прагмем, употребляемых в публицистических текстах, относится к одной из указанных пяти лексических подсистем языка и распределяется по соответствующим двадцати прагматическим функциям. На вопрос, почему именно этими функциями охватывается в основном многообразие лексических средств оценочности в языке, можно пока дать лишь гипотетический ответ. Оппозиции «единство – различие», «реальность – идея», «свобода – необходимость», «отдача – присвоение», «развитие – преемственность» наиболее глубоко укоренены в структуре человеческого интеллекта, что выражается и в древнейших традициях их философского осмысления (соответствие этим оппозициям мы найдем и в парадоксах Гераклита, и в апориях Зенона, и в кантовских антиномиях разума, и в гегелевских законах диалектики). Чем труднее чисто теоретическое решение проблемы, представленной противоположностью двух понятий, тем более склонно мышление делить эти понятия дальше, давая каждому из них двойную оценку и тем самым снимая напряженность дуальной структуры уже в рамках тетрады. Поэтому закономерно, что крупные массивы идеологически заряженных слов группируются вокруг наиболее фундаментальных оп-

позиций, очерчивая все возможные способы их разрешения в самом языке, в лексически закрепленной системе его прагматических установок.

6. Рефлексия оценочности. Метатетрада. В лексической системе языка выделяется ещё одна подсистема, включающая прагмемы, сам референтный компонент которых является оценочным. Эта подсистема обслуживает все другие, обеспечивает их стабильное функционирование и вносит момент рефлексии, самооценки в сферу лексической прагматики. Например, прагмемы *очернять* или *обелять* уже предполагают оценочное употребление слов, которым они сами дают соответствующую отрицательную оценку.

Возьмем ещё раз ситуацию, описанную у Фукидида. Некто А характеризует свою склонность к рискованным действиям как «мужество», а его противник В – как «безрассудство». Заключение в этих словах положительная и отрицательная оценка одного и того же явления может быть отрефлектирована и уже вторично переоценена, «переиграна» оппонентами. С точки зрения А, В очерняет его мужество, а с точки зрения В, А обеляет свое безрассудство. Таким образом, А подхватывает обращенную против него оценку (*безрассудство*), чтобы обратить её против своего противника (*очерняет*); В также использует положительную самооценку А (*мужество*) как повод для его отрицательной оценки (*обеляет*).

Слова типа *очернить*, *обелить*, *заклеймить*, *дискредитировать*, *фальсифицировать* являются элементами прагматического метаязыка, которым описывается прагматический язык объектов. При этом между объектом и относящимся к нему метаоценочным предикатом существует определенная взаимозависимость, регулируемая следующими правилами. Если объект – положительный, то предикат, к нему относящийся, может либо заключать в себе положительную оценку объекта и тогда вызывать к самому себе положительное отношение говорящего, либо заключать отрицательную оценку и оцениваться отрицательно. К таким положительным объектным прагмемам, как *мир*, *свобода*, *законность*, *равенство*, *прогресс*, могут относиться либо предикаты типа «++» – *провозгласить*, *возвестить*, *восславить*, либо типа «-» – *попрать*, *очернить*, *дискредитировать*, т. е. дающие негативную оценку своему объекту и

тем самым негативно характеризующие самого субъекта оценки. Что касается отрицательных объектных прагмем, таких как *насилие, агрессия, беззаконие, конфронтация, эксплуатация*, то к ним могут относиться либо предикаты типа «+ →», дающие отрицательную оценку и потому положительные сами по себе, например, *разоблачать, клеймить, предостерегать, обуздать*; либо предикаты типа «- +», дающие положительную оценку и потому сами прагматически негативные, например, *смаковать, культивировать, насаждать, подстрекать, нагнетать* и т. п. «Законность» можно «крепить» или «попирать»; «беззаконие» – «осуждать» или «насаждать». Прагматически невозможны сочетания типа *попирать беззаконие* или *насаждать законность, подстрекать к свободе* или *сколачивать содружество* (слова *законность, свобода* в этом случае пришлось бы заключать в иронические или скептические кавычки, подчеркивая, что они употребляются в оценочном смысле, противоположном обыкновенному). Если в публицистическом тексте встречается глагол *фальсифицировать* или *торпедировать*, то дополнением к нему, как правило, окажется слово или словосочетание с положительной окраской, типа *конструктивные предложения* или *мирные инициативы*. Напротив, положительным предикатам *заклеймить, обуздать* соответствуют в качестве объектов отрицательные прагмемы *преступные акции, гонка вооружений* и т. п.

Структура этого метаязыка предикатов в точности воспроизводит структуру объектного языка, но в ещё более концентрированном виде. Все метапрагмемы являются вариациями четырех функций, образующих предикативную метатетраду. Сущность идеологического мышления в ней выражена наиболее чисто и сжато, поскольку отвлечена от того предметно-понятийного многообразия, с которым имеет дело объектный язык. Там оппозиции были связаны с более или менее семантически определенными понятиями «свободы» и «необходимости», «идеи» и «материи» и т. п. – метаоценочный язык отвлечен от этой предметности, потому что объектом его описания выступают уже сами оценки, те самые «плюсы» и «минусы», которые сопровождают каждую функцию объектного языка. Метатетрада представляет собой удвоение этой оценочности, пересечение всех возможных плюсов и минусов, что опять-таки дает четыре функции:

+ + - +   +PRO –PRO
                           или
 + - - -   +CONTR –CONTR

Это значит, что позитивная оценка какого-либо явления сама может быть оценена позитивно (*провозглашать, воспевать*) или негативно (*прокламировать, смаковать*), а негативная оценка какого-либо явления может быть оценена как позитивно (*разоблачить, заклеить*), так и негативно (*очернять, дискредитировать*).

Вот как выглядит более полный список субститутивов, реализующих эти четыре функции прагматического метаязыка:

+PRO	–PRO	+CONTR	–CONTR
<i>воспевать</i>	<i>смаковать</i>		
<i>возвеличивать</i>	<i>культивировать</i>	<i>клеить</i>	<i>попирать</i>
<i>прославлять</i>	<i>прокламировать</i>	<i>осуждать</i>	<i>угрожать</i>
<i>славить</i>	<i>взвинчивать</i>	<i>разоблачать</i>	<i>очернять</i>
<i>провозглашать</i>	<i>раздувать</i>	<i>пригвождать</i>	<i>охаивать</i>
<i>возвещать</i>	<i>обелять</i>	<i>обуздывать</i>	<i>шельмовать</i>
<i>крепить</i>	<i>подстрекать</i>	<i>одергивать</i>	<i>подрывать</i>
<i>приумножать</i>	<i>насаждать</i>	<i>предостерегать</i>	<i>дискредитировать</i>
<i>увековечивать</i>	<i>нагнетать</i>	<i>свергать</i>	<i>фальсифицировать</i>
	<i>сколачивать</i>		
		<i>развенчивать</i>	<i>осквернять</i>
			<i>посягать</i>

Список литературы

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 99.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 235–255, 312–315.
3. Словарь синонимов русского языка. 1 – 2. Л., 1970.
4. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969.
5. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984.
6. Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь языка газет. М., 1971.
7. Фукидид. История. Кн. 3. § 82, 4. Л., 1981. С. 147.
8. Маккиавелли Н. Избр. соч. М., 1982.

9. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». М., 1974.

Печатается по:

«Вопросы языкознания». 1991. № 6.
С. 19–33.

М.Н. Эпштейн

Типы новых слов: Опыт классификации*

Неология – наука о новых словах – нуждается в развитой типологии. Выделяются такие типы новых слов: футурологизмы, актуализмы, экспрессизмы, однослова, протологизмы.

1. Футурологизмы

Одна из важнейших задач неологии – выделение типов новых слов, разработка методов их классификации.

В настоящее время принято выделять три разряда слов по лексическому признаку «старое – новое»:

Архаизмы – устаревшие по стилю слова, вытесненные из употребления другими, синонимичными словами, например, «во-тще» («напрасно»), «очи» («глаза»), «сей» («этот»), «позор» (в значении «зрелище»).

Историзмы – устаревшие по значению слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех явлений, которые они обозначали, например, «боярин», «опричник», «ямщик», «урядник», «нэпман».

Этим двум разрядам устаревших слов в языке соответствует только один общепринятый разряд новых слов – **неологизмы**. К неологизмам, как правило, относят слова, отсутствующие в словарях и воспринимаемые обществом как новые. Например, в советское время были неологизмами такие слова, как «колхоз», «луноход», «космонавт»; в постсоветское время – «челночить», «ваучер», «совок»,

---

* Эта статья была представлена в виде доклада на конференции «Русская академическая неография (к 40-летию научного направления)», С.-Петербург: Институт лингвистических исследований, 23–25 октября 2006 г.

«нашизм», «путана». К неологизмам относят также и стилистически новые слова, созданные с целью художественной выразительности, такие как «смехач» (В. Хлебников), «молоткастый» (В. Маяковский), «матьма» (А. Вознесенский), «махроть» (Д. Пригов).

В этой системе категорий, охватывающей слова по признаку «устарелости – новизны», недостает нескольких категорий. В первую очередь, это слова, которые обозначают ещё не существующие явления, относятся к будущему или к возможному. Я предлагаю называть их **футурологизмами**.

Футурологизм (futurologism, буквально – «будесловие») – разновидность неологизмов, новые слова, которая обозначает ещё не существующие, но возможные явления.

Футурологизмы существуют давно – некоторые из них впоследствии обрели свои реалии и вошли в широкое употребление. Таково, например, слово «робот», изобретенное братьями Чапеками (писателем и художником) в 1920 г.; или слова «киберпейс» и «киберпанк» (cyberspace, cyberpunk), введенные американским фантастом Уильямом Гибсоном в 1984 г. Будущее последовало за этими **«будесловиями»** – появились роботы, киберпанки и то самое киберпространство, через которое мы сейчас повседневно общаемся. Такой посыл значений в будущее, которое может их воплотить, становится всё более характерным для словотворчества начала 21-го века, когда история и техника вступают в «сговор» с самыми дерзкими лингвофантазиями, неологиями и начинают их воплощать.

Отношение слова и явления (означающего и означаемого) у футурологизмов принципиально иное, чем у других неологизмов, которые относятся к настоящему, обозначают недавно возникшие явления или по-новому обозначают известные явления. **Футурологизмы** – это слова, которые предшествуют самим явлениям, как бы опережают их, а возможно, и предвещают их, формируют те понятия, из которых в свою очередь могут формироваться сами явления. Среди лексических категорий футурологизмы симметричны историзмам, указывая, соответственно, на реалии, которых **ещё** нет (футурологизмы) или **уже** нет (историзмы). Соотношение между словом и реалией у них противоположно: историзмы – это слова,

которые уходят из языка вслед за реалиями, а футурологизмы – это слова, которые предшествуют возможным реалиям.

Футурологизмы особенно насущны сейчас, когда не только искусство, но и наука и техника оперируют множеством понятий, проектирующих мир будущего. Например, совсем недавно появились в печати такие футурологизмы:

виртонАвтика (**virtonautics**, лат. *virtualis*, действенный, и *nautica*, плавательный; ср. космонавтика) – странствие, навигация, «плавание» по трехмерным виртуальным мирам;

соразум, синтеллЕкт (**syntellect**; приставка «син-», греч. *syn*, со-, и корень «интеллект») – соборный разум, который образуется интеграцией индивидуальных сознаний через сеть электронных коммуникаций; высшая ступень в создании всечеловеческого нейро-квантового мозга;

ноокрАтия (греч. *noos* разум, и *kratos* власть) – форма правления, при которой верховная власть принадлежит совокупному интеллекту общества; власть коллективного мозга, **соразума**, который сосредоточит в себе интеллектуальную потенцию всех мыслящих существ и будет действовать как на биологической, так и на квантовой основе [3: 122, 147].

2. Актуализмы и экспрессизмы

Футурологизмы составляют один из разрядов неологизмов, т. е. новых слов в широком смысле, куда должны войти по крайней мере ещё два разряда: **актуализмы**, означающие новые, ранее неизвестные явления (типа «компьютер» или «нейлон»); и **экспрессизмы**, обозначающие новые слова, созданные с целью художественной выразительности (типа «смехачи» и «времышы» у Хлебникова).

Актуализм – неологизм, который входит в жизнь одновременно с обозначаемым явлением или вскоре после него. Появляется новый прибор, программа, товар, предмет быта, техническая или медицинская новинка, научная идея, политическое движение – и появляются слова «интернет, браузер, поисковик, пиар, йогурт, промоушн, мортгидж, маркетинг, ваучер, нацболы, нашисты, единороссы» и т. д. Актуализм отвечает на запрос нового жизненного явления. Названия новых товаров и фирм требуют чеканной лингвистической проработки, чем и занимаются специалисты по брэндингу и маркетингу. Например, название средства против импо-

тенции «вайагра» («Viagra») удачно сплетает латинскую основу «жизнь» (vita) с именем водопада «Ниагара» (Niagara), создавая образ мощно извергаемого «семяпада» жизни.

Термин **«актуализм»** передает не только отнесенность этого типа неологизмов к новому в настоящем, но и относительность их новизны, которая исчезает со временем. Актуализмы по мере их обживания в языке переходят в разряд обычных, общеупотребительных, стилистически не отмеченных слов («кибернетика», «компьютер», «электрон») – либо даже в разряд историзмов. Такова, например, судьба многих «советизмов» (типа «чрезвычайка», «комбед», «нэпман»), которые за несколько лет проделывали путь из актуализмов в историзмы.

Что касается третьей разновидности новых слов, **экспрессивизмов**, то здесь нужно сослаться на известного исследователя поэтического языка и стиля В.П. Григорьева. Он использовал термин *«экспрессема»*, чтобы обозначить слова в их особой поэтически-выразительной функции (например, «ветер» у Блока и Пастернака). Я предлагаю термин **«экспрессизм»**, чтобы обозначить именно и только *новые* слова, создаваемые с этой целью. В современной лексикологии этот разряд авторских неологизмов часто называют неудачно *«оказионализмами»*, как будто они образуются «к случаю», «по оказии», тогда как словотворчество и составляет основную цель и причину появления «самоценных» слов – таких как «творяне» или «будетляне» у Хлебникова. Заметим, что, в отличие от актуализмов, лексическая новизна которых исчезает, **экспрессивизмы**, как правило, надолго, если не навсегда, остаются в разряде неологизмов и продолжают нас удивлять и казаться новыми.

Среди типов слов по признаку «новизны – устарелости» **экспрессивизмы** соотносятся с **архаизмами**, поскольку указывают на стилевую новизну или, напротив, устарелость лишь данного способа обозначения, тогда как **актуализмы** и **историзмы** указывают также на новизну или устарелость самого обозначаемого явления.

3. Однословия

Во многих случаях экспрессивизмы возникают в составе художественного произведения и неотделимы от его контекста, как, например, большинство неологизмов В. Маяковского. Но порой новые слова возникают самоцельно и самоценно, как своеобразные

произведения словесного искусства – **однословия**. Так я предложил называть этот жанр в 1999 г. [4: 254–320; 5: 204–215].

Однословие (univerbalism, лат. *unī, unus*, один + *verbum*, глагол, слово) – наикратчайший жанр словесности, искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину. При этом слово выступает как целое произведение, в котором есть своя тема, идея, образ автора и перекличка с другими словами / текстами.

Самым кратким литературным жанром считается афоризм – обобщающая мысль, сжатая в одном предложении. Но **однословие** – жанр ещё более краткий. В своё время В. Хлебников вместе с А. Крученых подписались под тезисом, согласно которому «отныне произведение могло состоять из *одного слова* <...>» [1: 171]. Тем самым достигается наибольшая, даже по сравнению с афоризмом, конденсация образности: максимум смысла в минимуме языкового материала. Например, «*благоглупость*» и «*злопыхатель*» М. Салтыкова-Щедрина, «*ладомир*, «*творянин*», «*вещьбище*» В. Хлебникова, «*прозаседавшиеся*» В. Маяковского, «*матьма*» и «*питертерпи*» («*Питер, терпи*») А. Вознесенского можно считать однословиями. Слово здесь выступает не только как единица языка и предмет языкознания, но и как литературный жанр, в котором есть своя художественная пластика, идея, образ, игра, а подчас и коллизия, и сюжет. Если материалом для других литературных жанров, как правило, являются слова, то материалом однословий являются *морфемы*, которые вводятся в новые, неожиданные, образные сочетания. **Однословие** – это ещё одна разновидность неологизма, которая подлежит самостоятельному исследованию как со стороны лингвистики и стилистики, так и со стороны поэтики и эстетики, поскольку это явление принадлежит *как языку, так и литературе*.

Однословие может отражать определенные жизненные явления, выступая при этом как актуально-публицистическое или даже сатирическое произведение, например, «*вошьшевик*» Хлебникова или «*бюрократиада*» Маяковского. Но однословие может быть и сочинением утопического, мистико-эзотерического или космософского характера, как «*солнцелов*» и «*ладомир*» Хлебникова или «*матьма*» (мать+тьма) Андрея Вознесенского. Иногда в однословии соединяются не два, а несколько сходно звучащих корней (можно назвать это «*множественным скорнением*»). Например, в поэме

Д.А. Пригова «Махроть всея Руси» заглавное слово «махроть» вводит в круг ассоциаций и «махорку», и «махровый», и «харкать», и «рвоту», и «роту» («рать»). К числу однословий относятся и специально создаваемые слова-каламбуры, играющие на сходстве звучаний и разнице значений двух слов, например, известные в своё время в диссидентской среде словечки Владимира Гершуни: «диссидетство», «арестократ», «тюремोक», «портвейнгеноссе». Вообще в жанре однословия, как и в более объемных жанрах, могут присутствовать самые разные литературные направления: от романтизма до футуризма, от сюрреализма до абсурдизма и концептуализма.

Ещё раз подчеркну, что нельзя отождествлять однословия, экспрессивизмы, вообще авторские неологизмы с окказионализмами. Термин «окказионализм» предполагает очень узкую сферу применения: это *случайные* слова, возникшие ненамеренно, например, детское «огонята» («дети огня») или сказовое «мелкосоп» (вместо «микроскоп», у Н. Лескова). Окказионализм – это проговорка, неправильно употребленное, но по-своему колоритное словечко. Но разве можно считать окказионализмами те слова, над которыми поэты, мастера слова особенно тщательно работают, чеканят, шлифуют? Однословия предстают далеко не случайным, а, напротив, самым необходимым элементом языкотворчества. Цель создания этих слов, представляющих произведения словесного искусства, – сами эти слова, насколько они могут расширять и обогащать язык.

4. Протологизмы

Наконец, следует обозначить ещё одну разновидность нового слова – **протологизм**. Сам этот термин – новое слово, которое ещё не успело стать неологизмом. Предложенный мною в 2003 г., термин **protologism** получил распространение в английском языке, в частности, широко употребляется в самой большой в мире сетевой энциклопедии Википедия (Wikipedia).

Протологизм (protologism, от греч. protos, первый, начальный + logos, слово) – новое слово, предложенное его автором для введения в язык, но ещё не нашедшее применения у других авторов, не закрепившееся в качестве неологизма.

Протологизм и неологизм – это деление устанавливает различие по степени внедренности слова в язык. **Протологизм** – это зародыш слова как лексической единицы языка. Протологизм ста-

новится неологизмом, если употребляется иными авторами, нежели его сочинитель. Если три-четыре других авторов начинают пользоваться предложенным **протологизмом**, он уже может считаться **неологизмом**. Причем важно, чтобы этим словом пользовались не в виде цитаты из сочинений данного автора, а в раскавыченном виде, по его прямому смыслу и назначению. Когда же словом на протяжении нескольких лет пользуются сотни людей, оно перестает быть неологизмом и становится лексической единицей языка, уже не отмеченной по признаку новизны. Сравним два предложения:

Образованщина, как метко определил Солженицын советскую интеллигенцию, поначалу не видела для себя угрозы в гласности.

Образованщина поначалу не видела для себя угрозы в гласности.

Во втором предложении статус слова «образованщина» в языке более продвинуто по сравнению с первым, где оно ещё нуждается в отсылке к автору и пояснении своего значения, т. е. выступает как протологизм. Чем более слово входит в употребление, тем меньше требуется ссылок на его происхождение, первоначальное значение и т. д.

Многие термины, предложенные в этой статье для классификации новых слов, сами являются протологизмами. Пожалуй, только термин **«однословие»** (около 2 тысяч случаев употребления в рунете) может уже считаться русским неологизмом, а **«protologism»** (843 в англоязычной сети) – английским неологизмом. Будущее покажет, станут ли термины «футурологизм», «актуализм», «экспресси́зм», предложенные для классификации неологизмов, сами неологизмами, будут ли они усвоены научным и читательским сообществом.

Литература:

1. В.П. Григорьев. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986.

2. Анализ и синтез в словотворчестве. Опыты логопоэзии // Поэтика исканий и искание поэтики / Ред. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, Н.А. Ниголина. М.: Институт русского языка РАН, 2004.

3. Михаил Эпштейн. Перепечатано в кн. Михаил Эпштейн. Debut de siecle. Манифест протеизма, в его кн. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004 (первая публикация: Debut de siecle, или От Пост- к Прото-. Манифест нового века, «Знамя», 5, 2001, С.180-198).

4. Михаил Эпштейн. Однословие как литературный жанр. «Континент», 104, 2000, С. 279–313. Перепечатано в кн. М. Эпштейн. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: НЛЮ, 2004.

5. Михаил Эпштейн. Слово как произведение. О жанре однословия // «Новый мир», № 9, 2000.

6. Михаил Эпштейн. Проективный словарь русского языка. Неология времени // Семиотика и авангард. Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. Под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006.

7. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003.

Печатается по:

Топос: литературно-философский журнал. URL: <http://topos.ru/article/5174>, свободный.

Учебное издание

Кузьмина Наталья Арнольдовна

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ТЕОРИЯ, ТРЕНИНГ, КОНТРОЛЬ**

Учебное пособие

(для студентов специальности
«Издательское дело и редактирование»)

*Санитарно-гигиенический сертификат
№ 77.99.60.953.Д.001101.01.10 от 26.01.2010*

Технический редактор *Е.В. Лозовая*
Редактор *Л.Ф. Платоненко*
Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 24.08.2010. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 21,3. Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 100 экз. Заказ 368.

---

*Издательство Омского государственного университета
644077, г. Омск 77, пр. Мира, 55а, госуниверситет
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, г. Омск 77, пр. Мира, 55а, госуниверситет*